

Областное государственное бюджетное учреждение
«Научно-исследовательский институт истории и культуры
Ульяновской области имени Н.М. Карамзина»

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Ульяновский
государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова»

Моя война

*устные рассказы о Великой Отечественной войне,
записанные в сёлах Ульяновской области
в конце XX–начале XXI веков*

НИИ истории и культуры
имени Н. М. Карамзина

2015

УДК 94(470.42)«1941/1945»(093.3)
ББК 63.3(2Рос-4Уль)622ю14
М 879

Печатается по решению Учёного совета ОГБУ «НИИ истории и культуры
Ульяновской области имени Н.М.Карамзина»
Протокол № 5 от 13 апреля 2015 г.

Рецензенты:

Матлин М.Г., канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», научный сотрудник ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области».

Рассадин А.П., канд. филол. наук, заведующий отделом ОГБУ «Научно-исследовательского института истории и культуры Ульяновской области имени Н.М.Карамзина».

М 879 Моя война: устные рассказы о Великой Отечественной войне, записанные в сёлах Ульяновской области в конце XX–начале XXI веков. [Текст]: публ. текста [сост. М.П.Чередникова, вступ. статья, коммент. М.П.Чередниковой] / Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М.Карамзина. – Ижевск: ИП Пермяков С.А., 2015. – 254 с.: ил.

Издание посвящено 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Впервые публикуются устные рассказы сельских жителей Ульяновской области, собранные в фольклорно-этнографических экспедициях. Это уникальные свидетельства, как фронтовиков, так и тех людей, кто пережил драматические события долгих военных лет в тылу. У каждого из наших рассказчиков была своя война, что и отразилось в названии сборника. Личное понимание происходящего, особые переживания и размышления делают эти рассказы неповторимыми и ценными.

Книга иллюстрирована фотографиями из личных семейных архивов фронтовиков, сопровождается обширным предисловием и комментариями.

ISBN 978-5-9631-0344-9

© Чередникова М.П., 2015
© ОГБУ «НИИ истории и культуры
имени Н.М.Карамзина», 2015

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В данном сборнике впервые публикуются устные рассказы участников Великой Отечественной войны, записанные в конце XX–начале XXI веков в сёлах Ульяновской области. Аудиозаписи рассказов с дальнейшей письменной расшифровкой произведены студентами и преподавателями в ходе фольклорно-этнографических экспедиций Ульяновского государственного педагогического университета.

Многих из тех, чьи воспоминания о войне мы записывали в 1980-х–начале 2000-х гг., сегодня уже нет в живых. Тем более важно сохранить их «голоса» в год 70-летия Победы.

Название сборника определено тем, что у каждого рассказчика, будь это мужчина или женщина, сохранилась личная память о войне, своё, субъективное понимание людей и событий. Безусловно, каждая наша запись представляет собой лишь один из многих вариантов рассказа, который неоднократно возникал в общении с родными, с односельчанами и жителями окрестных сёл.

Устные рассказы о Великой Отечественной войне появились в первые же дни и месяцы войны. В самых разных коммуникативных ситуациях люди рассказывали, что с ними произошло, что пришлось пережить после 22 июня 1941 года. Фронтový дискурс был чрезвычайно многообразен и изменчив. Этот сложный процесс охватывал самые разные группы людей, волею военной судьбы оказавшихся вместе на короткое или длительное время. И долгое время войны, и огромные пространства, на которых разворачивались военные действия, определили широкую тематику устных рассказов. Поскольку каждый фронтовик постоянно оказывался членом какой-либо новой группы (воинского подразделения, госпиталя и т.п.) он вновь и вновь рассказывал о себе.

Будучи «речевым жанром» (М.М. Бахтин), рассказ в каждой новой ситуации трансформировался в зависимости от характера отношений собеседников, времени и места рассказывания. Так возникали никем не зафиксированные (и часто неосознаваемые самим рассказчиком) многочисленные варианты «одного» рассказа.

Не случайно уже во время войны на эти нарративы обратили внимание фольклористы¹. Несмотря на то, что первые записи устных рассказов относятся к середине 40-х годов прошлого века, они не дают реального

¹См., напр.: Домановский А.В. Устные рассказы // Русский фольклор Великой Отечественной войны. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 194–239; Минц С.И. Устные рассказы жителей Малоярославца // Русский фольклор Великой Отечественной войны. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 384–397.

представления о многообразии ситуаций фронтовой жизни и, тем более, – о субъективных представлениях и оценках непосредственных участников событий военного времени. Фольклористы, записывавшие устные рассказы «по следам» недавних событий, не могли не ориентироваться на официальную идеологию. В печать попадали, главным образом, рассказы героического, патриотического содержания. Даже те нарративы, которые цитируются в статье Л.В. Домановского, явно подвергались неоднократной цензурной и редакторской правке, и устная речь в них чаще всего представлена как речь литературная. Аутентичные записи, как правило, сохранялись в архивах и не были введены в научный обиход.

Первой публикацией устных рассказов стал сборник А.В. Гончаровой «Войны кровавые цветы: Устные рассказы Великой Отечественной войны»². Для фольклористов устный рассказ был интересной, но маргинальной формой нарратива. Советской фольклористике не хватало привычного традиционного инструментария для осмысления и описания этого материала.

Между тем, по мере того, как фронтовики возвращались на родину, их рассказы становились неотъемлемой частью городского и сельского дискурса. В каждом населённом пункте ежегодно происходит празднование Дня Победы.

В сельской местности празднование традиционно проходит в клубе или школе. При этом коммуникативная ситуация приобретает официальный характер: рассказчик и слушатели пространственно противопоставлены друг другу. Выступающие – на сцене, слушатели – в зале. Регламентируется время выступления. Часто организаторами праздничного мероприятия редактируется текст рассказа. Так выхолащивается сама идея общения, со-беседования ветеранов со слушателями и «встречи» превращаются в привычный, заранее предсказуемый ритуал³. Между тем, неоднозначность этой ситуации заключается в том, что сама атмосфера праздника способствует созданию неформальных коммуникативных ситуаций за пределами официального празднования. В семейном кругу, при встрече с друзьями рассказы ветеранов вновь бывают востребованы, и в них возникают новые подробности, о которых слушатели не знали («а раньше ты об этом никогда не рассказывал» – повторяющаяся реплика таких встреч).

² Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. и предисл. А.В. Гончаровой. – М.: Современник, 1979. – 286 с. (Новинки «Современника»).

Другое издание: Гончарова А.В. Устные рассказы Великой Отечественной войны – Калинин, 1974. – 174 с. (Калининский государственный университет)

³ См. об этом: Реброва И.В. Возможности критического дискурса-анализа метода интерпретации устных историй о Великой Отечественной войне // *Bylye Gody*. 2012. Vol. 25. № 3 / Былые годы. 2012. № 3 (25). Теория. Методология. Источниковедение. – С. 93–94.

Однако при посторонних людях рассказчики могли быть осторожными в выборе тем и сюжетов, поскольку военное поколение об идеологической цензуре знало не понаслышке. Когда в 1970-е годы в селе Красноборск мы записывали рассказ ветерана, пережившего плен, присутствующая при этом его жена предупреждала: «Молчи, посодют!» [ЛА]⁴. Таким образом, устная история Великой Отечественной войны создавалась на протяжении нескольких десятилетий после окончания войны, однако те, кто о ней рассказывал, для властных структур и исследователей оставались «молчаливым большинством».

Перелом в сознании научного сообщества происходит в 1960–80-е годы, когда устный рассказ привлекает пристальное внимание исследователей разных гуманитарных специальностей, сначала за рубежом, а затем и в российской науке.

Устные рассказы о войне, заново оцениваются историками как важный источник понимания ценностных ориентиров, знания и восприятия переломного исторического события не огромной массой людей, а отдельным человеком. Записи и изучение устных нарративов получают название «устной истории».

Во многих вузах страны создаются лаборатории, студенты и преподаватели которых ведут полевые исследования и занимаются научным осмыслением собранного материала.

Проблемы изучения устной истории оказываются актуальными для социологов в контексте «биографического метода»⁵, психологов, разрабатывающих «автобиографический метод»⁶, лингвистов, антропологов. Обществоведы и гуманитарии разных областей знаний осваивают методику записи устных рассказов, хорошо известную фольклористам и этнологам⁷.

Существенно изменяется и методика полевых исследований фольклористов. Если раньше записывались и изучались нарративы, преимущест-

⁴ «Зазор» между официальной риторикой и устной историей о войне сохраняется до сих пор. См. об этом: Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Плейкаст «Женщины, война и “фигуры умолчания”» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.playcast.ru/view/1221518/ce521316f1451f1035e60483471fb2b48b8e535cpl> (дата обращения: 22.04.2015).

⁵ Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 384 с.

⁶ Нуркова В.В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии. // Вестник Московского университета. – 2011. № – С. 79–90. – (Серия 14. Психология)

⁷ См. об этом: Реброва И.В. К вопросу о междисциплинарности устной истории // Устная история второй мировой войны [Электронный ресурс]. – URL: <http://oralhistory.kubstu.ru/db/rebrova1.pdf> (дата обращения: 22.04.2015).

венно записанные в сельской местности, то сегодня предметом анализа становятся и устные рассказы горожан⁸.

Снятие цензуры и отказ от единой идеологии позволяет исследователям обращаться к материалам, которые ранее трудно было записывать в силу того, что информанты при общении с исследователями старались обходить их молчанием.

Не случайно И.А. Разумова назвала свою монографию о традиционных семейных нарративах «Потаённое знание современной русской семьи». Автор монографии пишет о том, что «во многих семьях существует запрет на военные воспоминания, выполняющий «защитную функцию по отношению к старшим»⁹.

Только в конце 1980-х годов создалась та обстановка взаимного доверия, при которой рассказчики без боязни общались с нами и не обращали внимания на диктофон.

Наш сборник состоит из двух частей: в первой – представлены устные воспоминания фронтовиков. Вторая часть объединяет рассказы женщин и детей, переживших военное время в тылу. Такая композиция определена не столько гендерным различием рассказчиков, сколько тем, что трудный опыт и реалии фронтовой жизни значительно отличались от подчас драматического, трагического опыта жизни тех, кто остался дома. Потому и отличия устных рассказов проявляются в тематике, повторяющихся ситуациях, в характере нарративной структуры.

В экспедициях, специально посвящённых записи устных рассказов о войне, участвовали студенты, которые в предшествующие годы уже не раз побывали в сёлах, где проводилась наша работа. Информанты и слушатели знали друг друга, а потому их общение было естественным и непринуждённым.

В процессе записей, представленных в сборнике воспоминаний, возникали типологические коммуникативные ситуации. Студенты во время записи редко задавали вопросы, – с вопросами к своим молодым собеседникам чаще обращались рассказчики.

Иногда вопрос касается реалий военного времени, о которых молодые собеседники могут не знать:

«Старшины тут же пошли получать медальоны. Получили медальоны эти. [Обращается к соб.]: Вы знаете их, эти медальоны? – Такой маленький

вот флакончик, и вот фамилию, имя и адрес домашний записывашь и в этот пузырёк вкладывашь, и в кармашек кладёшь.

Да, когда человека убивают, этот медальон вынимают. Там известно, откуда он, чей он». [ГАС].

Некоторые вопросы касаются общих знаний, известных всем участникам коммуникативного процесса:

«Вам о власовцах слышать приходилось? Да, они зверствовали. Власовцы сильно дрались. Они страшнее немца были» [КПК].

Чтобы помочь слушателю представить ситуацию и поверить в достоверность нарратива, рассказчик обращается к общему для участников коммуникации авторитетному знанию: «И само трудно, девчонки, было – Ленинград. Самое, самое тяжёлое вот – это блокада. Вот, что кажут в кино, что возят на себе – да всё ведь до капельки точно. Ну, хлеба – ясно... Съел – снова есть хочу. Ну, чаво есть-то...» [ТИФ].

Чтобы конкретизировать пространственные ориентиры событий далёкого прошлого, используются приметы пространства, находящегося перед глазами коммуникантов:

«На переправе мы были, когда блокада была. На переправе через Неву. Их семь переправ было. В семи местах. Ну, и верите – не верите, как отсюда вот до Голошубихи [соседняя улица в селе] сутки шли для того, чтоб... кто тащит сухари, кто боеприпасы» [Там же].

Реплики другого типа объединяют рассказчика и слушателей в общем эмоциональном переживании:

«А налоги уж невыносимы. Невыносимы [к соб.], доченька! Ой, дочка, как вздумать, как голодали, невозможно вздумать. Защити, Господи, это придёт, защити, сохрани. Одно страдание» [ГАИ].

Таким образом, обращения к собирателям, и их ответная реакция в виде невербальных элементов общения, когда собеседник в знак согласия/несогласия использует мимику, жест (покачивание головой, например) не только объединяет участников коммуникации, но создаёт в рассказе особую временную перспективу, при которой настоящее воспринимается как продолжение прошлого. Благодаря этому эффекту коммуникативной ситуации вектор времени в устных рассказах направлен не только назад – от настоящего к прошлому, но и вперед – к будущему.

«Щас вот красота. Я вот говорю вам-то, молоденьким: «Хоть бы не было войны только. Не пострадали бы вы, хоть бы пожили» [ЗАИ].

Обращает на себя внимание тот факт, что, вспоминая о прошлом, наши собеседники далеко не всегда начинали рассказ с первых дней войны.

⁸См, напр.: Веселова И.С. Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2000. – 23 с.; Городские были и небыли: Рассказы старожилов города Ульяновска. / Сост., вступ. ст. и прим. М.Г. Матлина. – М., Лабиринт, 2013. – 176 с.

⁹Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001 – С. 306.

Говоря о довоенном времени, рассказчики называют переломные моменты в жизни страны и в жизни крестьянства: революцию и гражданскую войну, создание колхозов и раскулачивание.

«Осталась я после отца, 12 лет мне было. С братьями жила, с матерью. А тут, значит, пристигла нас война-то, вот эта революция. Воевали вилами, подавалками. Кто кого. Ну, после. Ну, чаво уж у нас тут было? Колхозы-то. Царя-то сместили. Ленин-то настал. Всё ведь плохо было. Изо всего плохо». [Там же].

«Помню я хорошо 1922 год. В этот год был голод здесь очень сильный. Не знаю, повсеместно или как, но в Ульяновской области было. Вот тут народ очень сильно страдал<...>.

Вот в (19)30-х годах начали строить колхозы. Вот у нас тут первый колхоз “Новый мир” был. Потом согнали всех почти. И тут что-то повлияло. Головокружение у Сталина появилось. Итак, значит, стали объединять колхозы. Надо заявление писать, и начали писать по порядку. И, значит, у кого две лошади было, то его раскулачивали. У него отбирали это всё и угоняли. И голод был ужасный в 30-х годах. Этот голод не то что неурожай, а то, что отбирали всё. <...>Да, не дай Бог, эдак так помучаться, голод самое страшное»¹⁰ [ХВП].

Рассказчик может ошибаться в хронологической последовательности событий, давать наивное толкование исторической ситуации, свойственное крестьянскому сознанию. Но эти исторические экскурсы, предшествующие воспоминаниям военного времени, необходимы информанту, поскольку главное для него – не события сами по себе, а попытка самопознания.

Эта своеобразная экспозиция к рассказу о войне позволяет осмыслить становление личности рассказчика как главное условие, которое помогло выстоять в самых трудных испытаниях. Именно тогда вырабатывались самостоятельность, терпение и трудолюбие, ответственность за судьбу близких, то есть происходило раннее взросление.

«Отец у меня помер молоденький в 47 годов. Я был у них один сын. Пять сестёр. Ну, отец помер, я молодой остался. Сам хозяин уж. Мать переписала: “Ну, сынок, всё хозяйство бери на себя, я уж не могу руководить. Ты всё же парень, мужик”» [ЗВИ].

Таким образом, выбор начальной временной границы рассказа отнюдь не случаен.

Однако день начала войны для каждого человека резко разделил жизнь на «до» и «после».

Исследователи безусловно правы, говоря об особой эмоциональности женских рассказов.¹¹ Гендерные отличия особенно заметны в коротких воспоминаниях о первом известии о войне.

Женщины передают своё восприятие **об этом**, используя особую лексику, выражающую накал эмоционального состояния на грани нервного срыва:

«Мы сидели у двора. Из Карсуна с базара ехали. Был вторник. В Потьме не было радио. Так вот они и сказали. На другой день стали набирать в Совет, направлять [на фронт]. В первый раз человек сорок направили. Провожало всё село. Плачь-то была!» [ГСИ]. «А мы сидим у двора. Идут из Карсуна, говорят: “Война! Война!”. А, мамыньки, а мамыньки! Я говорю: “Да спаси, ты Господи!”» [ЗАИ]. «Вот у нас называется прогон. Рожь была посеяна. Я была звеньевой, все мы намеряли по три сажени и начали жать. И приежжат председатель совета: “Ребята! Война! ”. Ну, тут все упали» [ПНФ].

Мужчины говорят о начале войны несуетно, для них это уход из дома на тяжёлую военную работу, к которой они изначально готовы.

«Вот число, когда меня забрали, я не помню. Война-то у нас 22 июня началась, а меня числа 25 или 28 июля призвали. Нас большая группа была из Матвеевки. В райвоенкомате комиссия была медицинская. Но я на неё не пошёл, так как был здоровый, как бык» [ЖНП].

«Потом я опять в Майне трактор ремонтировал три дня. Домой пришёл, ночь одну ночевал и – повестка мне.

В бане я мылся, а меня уж ждут с повесткой. Ну, намылся и пошёл» [ВСИ].

Пространство устных рассказов, вошедших в сборник, огромно: от Китая и Монголии до Австрии и Германии, от Заполярья до Ирана.

Исследователи, говоря о гендерных различиях мужских и женских рассказов обращают внимание на то, что мужчины «более точно <...> воспроизводят географическую локализацию событий, тогда как женщины значительно меньше придают значения этому аспекту»¹². Эта особенность мужских рассказов объясняется не столько гендерными особенностями восприятия мира, сколько реальным опытом мужчины-фронтовика. Как показывают наши записи, в рассказах женщин-фрон-

¹¹См. об этом: Кісь О. Гендерні аспекти і практики усної історичної досліджень: особливості жіночого досвіду. Пам'яті і нарації. // Суспільні злами і поворотні моменти: макроподії крізь призму автобіографічної розповіді: матеріали Міжнародної наукової конференції, Львів, 25–26 вересня 2014 р. – Львів: Інститут народознавства НАН України, 2014. – С. 19–20.

¹²Там же. – С. 19.

¹⁰В Украине это время называют «голодомором». – С. 19

товичек также частотны географические названия Дело в том, что это конкретизация точечного пространства, связанного с реальными фронтовыми дорогами, по которым прошли/проехали рассказчики. Поскольку каждая такая точка на карте была местом постоянного соседства жизни и смерти, географические названия становились символическими обозначениями экстремальных ситуаций, переживаемых рассказчиком и потому навсегда оставивших свой след в памяти. Также эмоционально окрашены для рассказчиков и названия воинских соединений и фронтов.

Рассказывая о Ленинградском фронте, информанты не только говорят об обороне города, но и том, что им пришлось разделить судьбу блокадников-ленинградцев. В памяти сохранилось не только чувство терзающего голода, но и чувство вины перед голодными людьми, которым невозможно протянуть даже самый маленький кусок хлеба. Эта рефлексия характерна для многих рассказов-фронтовиков:

«Вот один раз стоим мы за своим пайком, за этой бурдой. Оне подошли – девочка и мальчик, вот такие, ну, прямо тень загробная. Ну, как это, чаво тут. Оне еле говорят. У них родителей нет никого, наверно. Ну, дашь им кусочек – сам голодный будешь. Вот так было дело» [ТИФ].

«Блокаду видел, в Ленинграде был. Вот идёт человек, упал. Просит, чтобы встать помог, а я мимо него иду. А как я к нему подойду? Если начну поднимать, сам тут же упаду, вместе лежать будем» [ФВД].

Изображение фронтового пространства может быть точечным, но чаще оно – динамично и разнонаправлено в соответствии с постоянными передвижениями войск. В сознании рассказчиков война – это не только тяжёлый физический труд, холод и голод, но и бесконечное движение без возможности остановиться и передохнуть.

«Из Балашова – сразу на передовую, под станцию Нелидово, под Смоленском. Сразу в бой. Сразу. Наступление всё время гнало, не давало покою» [БВД].

Не случайно психологическое состояние солдата, попавшего в водоворот фронтовой жизни, один из наших рассказчиков выражает кратким и точным выражением: «Бягу, значит, живу» [ЕПА].

Рассказы о фронтовой повседневности воспроизводят ощущение непреходящей усталости, при которой ранение и госпиталь становятся для солдата долгожданной передышкой¹⁴.

«Неделями не спали. Были большие переходы. На ходу спали. Грохнецца человек ночью. Подымали. ”Идти надо! Идти надо!”» [КФЕ].

«Ночами ехали, свет не разрешали включать. Делали разведку. Ночью бой вести нельзя: я тебя убью, ты меня убьёшь. <...> По четверо суток не питались. Ни с той, ни с другой стороны не давали подхода. Он жёт и жёт. Не было свободного времени» [ПВН].

Мужская идентификация соотносится с представлением о мужестве, бесстрашии, умении преодолевать тяжёлые препятствия. Рассказывая о себе спустя много лет после военных событий, бывший солдат видит себя молодым, но передаёт свои сегодняшние представления о том, каким он не только был на самом деле, но каким он должен был бы быть в той или иной трудной ситуации. Все рассказчики не скрывают, что испытывали страх на фронте. Но нет ни одного мужчины, кто не говорил бы о преодолении этого чувства.

«Было очень подавленное настроение, будто вся жизнь отодвинулась. Мы почувствовали себя неживыми. Ведь мы первые должны были встречать немцев – кадровики. Но постепенно всё вошло в привычку, в норму. Только иногда вспомнишь дом, родных..., но жили только фронтовой жизнью. Сегодня живой, а завтра...» [ФПТ].

В отличие от мужчин женщины не стараются выглядеть бесстрашными, поскольку это не противоречит женской природе.

«Наша часть в лесу располагалась. Днём еду сварим, ночью развозим. Трудно было. У меня сначала напарница была Аня Борисова. <...> Её от меня забрали, и я одна осталась. Днём куда не ходила. Боялась, мёртвых очень боялась. Увидела как-то – и грохнулась» [ДВК].

Анализ гендерной идентификации позволяет понять те трудности фронтовой повседневности, которые испытывали женщины, и о которых мужчины часто не подозревали. Одна из таких трудностей заключалась в том, что военное начальство изначально приравнивало мужчин и женщин в бытовой сфере их жизни, не учитывая физиологических особенностей женского организма. Первый шаг к армейской жизни и для женщин и для мужчин – получение обмундирования одинакового для всех.

«Дали мужское обмундирование: кальсоны мужские, чулки, перчатки, шапки. Нас не узнавали, что мы девчонки. Обрядка-то у нас мужская. Форма-то. Обувку получили, обмотки и американские ботинки с такими толстыми губами» [БАС].

И дело не только во внешнем виде, но и в том, что эта форма для женщин становилась помехой в ситуации, когда выполнение задания не давало возможности даже краткой отлучки. «Какая была дисциплина! Сделал

¹³См., например, рассказ А.С. Бутяшиной, зап. 13.07.1989.

¹⁴Ср. рассказ об этом ощущении: Пушкарев Л.Н. Я ПОМНЮ – воспоминания ветеранов [Электронный ресурс]. – URL: <http://mobile.iremember.ru/index.php?task=topic&id=526> (дата обращения: 22.04.2015).

операцию, захотел в туалет – терпи! Ну, необходимо, идти надо – хирург засёк – 5 минут. Это взад-вперёд. Сначала брюки расстёгиваю, кальсоны, ремень. Делов-то ведь много. Десять минут было. ”Вы посмотрите, сколь раненых, как овец”. Я говорю: ”Я не виноватая, потому что обмундирование не моё, это же мужское”. Он [хирург] улыбнулся и говорит: ”Ну, какая ты молодец!” Погладил меня и балдой назвал» [Там же].

Лишь к концу войны, когда наши части перешли границу, девушки, служившие в военном госпитале, получили новую форму. «И сразу девушки другими стали» [Там же].

Но в начале войны до этого преобразования было ещё очень далеко.

При субъективности рассказа о фронтовой жизни, при индивидуальности восприятия тех или иных событий, повторяемость ситуаций, связанных с военными действиями, объясняет устойчивость многих тем в нарративах ветеранов, воевавших на разных фронтах. Это рассказы о разведке, о первом бое («боевом крещении»), о выходе из окружения и побеге из плена, о танковой атаке, о наступлении и многие другие¹⁵. Все эти реальные ситуации требовали коллективных усилий, но устные воспоминания позволяют понять, что чувствовал и испытывал в этих обстоятельствах каждый рядовой солдат, выполнявший свою ежедневную изнуряющую работу.

С другой стороны, военный опыт открывал вчерашнему крестьянину многообразие мира и сложность, неоднозначность человеческой природы. Во многих рассказах о военном противостоянии враг называется не «немец», а «он». Это скрытое название, эвфемизм, который в традиционной культуре употреблялся при упоминании нечистой силы. В соответствии с традиционной для крестьянского сознания оппозицией свой/чужой, немец – враг не может быть своим как пришелец из иного мира, приносящий беду.

«Трудно с нём было бороться. Немало силы положили. Это ведь жутко только сказать, страх прям был, ад кромешный. Подо Ржевом тяжёлый бой был. Было трудно его согнать. Ну, всё-таки согнали» [БВД]. «Я подошёл, батюшки! А он только пробомбил, мои товарищи попали под бомбёжку, шофера. А я сзади, я заплутался в траншее-то» [ТИФ].

В начале войны в сознании солдата мысль о том, что любой немец – фашист была единственной и непреложной. При встрече с немцем при любой ситуации самое главное – убить его.

«Вдруг гляжу – человек лежит, рука на сене раскинута. Фашист! <...> Что решать – думай! Или он нас, или мы его. Стрелять нельзя. Я вынул нож

и... бросился на него. Не знаю, попал ли в сердце, но зёву не было. Со злом воткнул» [КИМ].

Убийство немца не только предписывалось воинским долгом, но и могло доставлять удовольствие, особенно молодым солдатам. «В засаде мы сидели. А тут немцы идут. Мало их. Я прицелился – выстрелил. Гляжу – попал. В бою никакого удовольствия: не знаешь, ты убил или другой. А тут – собственноручно» [АВЕ].

Такое отношение к врагу было оправдано знанием о тех зверствах, которые совершают фашисты на оккупированных территориях. Однако первые неудачи на фронте, которые приводили к окружению и опасным попыткам выйти из него, привели к пониманию того, что оппозиция свой/чужой не столь однозначна, как это представлялось в ситуации прямого столкновения военных сил.

Наши рассказчики до сих пор помнят, как они ошибались, принимая встреченную на пути вполне безобидную бабушку, за своего человека. Через минуту «бабушка» привела с собой немцев и полиция, а спас пленных немецкий офицер. Он привёл их в безопасное место и вместе пленными перешёл линию фронта. «Оказалось, что языка мы привели. А в части: ”Откуда вы?”. Офицер-то он русский. Отец у него в Первую мировую в плен попал. Мать немка, а отец русский, значит. Ему не понравилось. ”Надоела мне эта немщина, – говорит, – Десятый год офицером”» [ЗФЗ].

Прямая речь здесь не столько передача реального диалога, сколько перформанс, представление диалога, который является способом осмыслить то, что произошло десятилетия назад, в контексте сегодняшнего понимания жизни рассказчиком.

Конечно – это единичный случай. Однако коллективный опыт наших рассказчиков – свидетельство того, как корректировались в сознании простых крестьян представления о «своих» и «чужих» людях.

Оправдание убийства немцев в сознании рядовых солдат становится непреложным, когда наши войска освобождают города и сёла, находившиеся под немецкой оккупацией. Рассказчики до сих пор с трудом сдерживают слёзы, вспоминая картину, открывшуюся их глазам.

Однако по мере перелома в войне, когда советские войска переходят в наступление, и солдаты видят слабость врага, в сознании многих фронтовиков возникают другие представления. Особенно заметно это изменение в сознании, когда речь идет о конце войны во время последних боевых действий на территории Германии. Ещё погибают наши солдаты после объявления дня Победы, но враг уже повержен, и в рассказах наших собеседников

¹⁵Впервые на тематическую повторяемость устных рассказов о войне обратили внимание Л.В.Домановский и С.И.Минц.

появляется новая интонация. Рассказчики видят в лице немцев людей, родным и близким которых война тоже принесла беды и страдания.

«Один немец по-русски говорил. Поговорили. Убивать, знаешь, жалко. У них ведь, как у нас: дом, семья, дети... И дом их недалеко. – Ну, идите, чёрт с вами!» [САЯ].

Размышления таких рассказчиков определены нравственным чувством, которое позволяет спустя многие годы задумываться об общечеловеческих проблемах: «А немцев тут уж легко было распознавать. Потому что они были холодны, голодны... Тоже самое, как мы вначале.

Ну, а другие [наши солдаты], как сказать, ненавидели. Ну, конечно, была обида. Ну, а при чём, – если старуха или женщина и дети? Ведь они не виноваты..., что их спас? Отцы ихние – тоже много погибло» [ГАС].

Устный рассказ, обращённый к современным молодым людям – самопрезентация информанта. Для него не безразлично, какое впечатление он произведёт на слушателей. Во многих рассказах фронтовиков повторяется мотив отбора самых достойных солдат для выполнения важного и трудного задания. Рассказчик, конечно, оказывается среди самых лучших.

«Приехал генерал-майор Савченко. Приехал: "Нужно во что бы то ни стало взять «языка»". Он приехал, <...> говорит: "Языка взять из штаба надо. И надо самых-самых, смелые чтоб были, чтобы была смекалка, находка". 3 июля собрали всех вместе, самых надёжных. Я – артиллерист, и они – артиллеристы. Вместе друг дружку знали» [ВПН].

«В Маньчжурии привезли мы пленных японцев в Харбин. И вот сдали их, с нами командир роты, капитан ездил. Отобрал нас, конечно, самых хороших красноармейцев. Ну, сдали» [ЗВИ].

Само присутствие рядом с командиром в глазах сегодняшнего рассказчика увеличивает его собственную значимость:

«Я был адъютантом у командира¹⁶. Услышал я маненько, они [командиры] разговаривали. Они больно не разрешали говорить ничего.

Вот приехали на фронт, а фронт – там стреляют, части наши отступают, едут, и я на КП – с командующими наблюдаю в бинокли, в подзорную трубу. А это ведь сутки смотришь, ночи не спишь. Там сидели – никакой связи нет» [РИГ].

В рассказах о далёком военном прошлом проявляется сегодняшнее понимание и оценки событий. И общественное сознание, и рефлексия по поводу собственной жизни утверждают мысль об особой значимости военной судьбы рядового солдата.

¹⁶Адъютантами часто называют себя солдаты, которые отвечали за бытовое обслуживание командиров.

Иное восприятие времени и пространства войны в рассказах женщин, никуда не уезжавших из дома. Ульяновская область в годы войны оставалась территорией тыла, которой не коснулись ни ужасы фронта, ни оккупация. Тем не менее, рассказы сельских женщин, живших во время войны на этой территории, находившейся далеко от линии фронта, часто отличаются трагическим характером.

В отличие от мужских рассказов в женских устных воспоминаниях пространство замкнуто пределами района, реже – области. Жизнь женщин и детей военного времени проходит в том же пространстве, что и до войны. Но резко изменяется сельская повседневность. В традиционном крестьянском укладе чётко были распределены мужские и женские обязанности. Трудовой ритм определялся циклической сменой времён года. За несколько дней изменилась картина мира. «Война, ну и всё приостановилось» [ПАЕ]. Остановилось нормальное течение жизни. «Свадьбы перед войной – и все овдовели». Пространство села опустело наполовину. Женщины и дети взвалили на свои плечи непосильный мужской труд. «Стали за Иванов», – как говорит одна из наших информанток. Для деревенских женщин война стала нарушением космического порядка. Был урожай – не было еды. Было много женщин, перед войной вышедших замуж, но не было у них детей. В каждом подворье стояла баня, но не было воды и дров, чтобы её топить. Умирали люди, некому было прийти на похороны:

«Помрёт кто, – нясут человека, и нечем помочь. Ну, правда, отвезут – кто на чем. Так отвезут, безо всякого. <...> Отнесут, заруют, да и всё. Чем помогать-то? Мы все эдаки были. Ой, доченька, невозможно вздумать!» [ГАИ].

Голод и холод – ощущения, которые мучили людей в течение всех военных лет. Как и в других регионах, почти все рассказчицы вспоминают травяной рацион тех лет:

«И крапивы-то не было у дворян. Мы её всю выщипывали, она только верхушки казала. А зимой-то вот на орешнике или на березе, вон видите – серьги-то. Бывало, все животы вот такие, через живот на низ ничего не видать. Он пух [=опухал]. Гнилой картошки-то наберём, в ней червяки какие-то белые, а всё равно это не понимали. Тоже вот эдак вот нашлёпам. Немножечко засохнет – и наедемся, а ночью-то блевать, да всё на свете от этого» [ЖВС].

От такой еды люди отекали и умирали семьями. Особенно много сельских жителей стало жертвами голода в 1944 году. «В этом году была очень тяжёлая весна. Умерли больше ста человек от голода. Хоронили и женщин, и подростков. Да и в августе было не легче. Война деревню съела» [РЕС].

Спаслись только те семьи, у которых была корова.

Но самыми страшными для женщин были страдания голодных детей.

«Голод был. Вот проводила, осталась беременна. Родила, Лиденьку без нава, в декабре-ти. Уж плакала. Родила, стало двое. Ни отходу, ни отъезду. Картошку по полям гнилую, просо ручками собирали. Соберёшь на кашку, натолчёшь и покормишь. И оба померли. И схоронила во время войны. Мальчишке 7 годов было. Он [муж] уехал, ему уж четыре годика было» [ЧАИ].

Е.И. Козлова (с. Потьма Карсунского района Ульяновской области), показывая сельский обелиск, на котором высечены имена фронтовиков, погибших во время войны, сказала, что этот список надо продолжить, прибавив имена тех, кто погиб от холода, голода и непосильной работы.

В этих нечеловеческих условиях многие женщины переставали чувствовать себя женщинами. И только спустя десятилетия наши пожилые собеседницы с жалостью и болью оглядывались на свою молодость, понимая, что «война съела» лучшую пору их жизни. Чего только стоит рассказ о маленьком мальчике, который не хотел ложиться с мамой, говоря: «Не ложись со мной спать, а то у тебя вши» [ККМ], или рассказ женщины, собиравшей гнилую картошку, а дома, вместе с детьми вынимающей подсохшую грязь из своей ветхой одежды.

Тяжким испытанием для всех сельских женщин были сборы налогов. Как правило, люди порядочные, испытывающие сочувствие к страданиям голодного, несчастного человека, – не становились сборщиками налогов. Чаще всего на эту службу шли те, кому важно было не только получить налог, но и «власть показать». В сельском сообществе их ненавидели и боялись. Имена этих людей до сих пор пользуются дурной славой.

Дело в том, что сборщики налогов не только выполняли свою административную функцию, но и откровенно издевались над голодными, измученными войной людьми.

«Вот они приходят собирать налог.<...>А тогда 100 рублей брали. Он: ”Это на сто рублей-то не будет? На сто-то рублей?” – Он прыгал, прыгал надо мной [=куражился], вышли ко двору: ”Давай свяжем ей руки назад и боталу привяжем, и будет стукать, и поведём её”. А люди-то будут спрашивать: ”За что ведёте?” А мы будем говорить: ”Налог не платит”. Ей будет стыдно» [ОНН].

«Только купила чёсанки [валенки], лиходеи-то [сборщик налогов] их забирают. Мать моя – плакать, я – плакать. Он мне и чёсанки не отдаёт. Всё равно я отбираю. Беру чёсанки, а он меня, как махнул от

колымаги. Я – вверх тормашками. Мать: ”Подлец ты эдакий! Ты что её убил?” Она говорит: ”Ну, больше у нас нет. Берите уж”. Всё взяли: зеркалишко, часы-ходики, чёсанки мои. Всё собрали, покладали и увезли» [ЖВС].

Таким образом, рассказы женщин, жизнь которых проходила в тылу – только небольшая часть правды о страданиях и потерях военного времени, о которых до недавнего времени в официальной истории не принято было говорить.

Формат небольшого предисловия не позволяет обратиться к целому ряду важных проблем, актуальных для изучения устных рассказов о войне: в частности, необходимо особое исследование нарратологии представленного в сборнике материала, анализ коллективного и индивидуального опыта в сознании рассказчиков, своеобразие фольклорной топики в мужских и женских рассказах и т.п.

В заключение важно отметить, что при записи мы не ограничивали рассказчиков во времени, не прерывали рассказ вопросами (возникающие вопросы задавались только после того, как рассказ был прослушан целиком) и давали возможность самим рассказчикам прослушать запись.

При публикации текстов сохранена диалектная лексика, характерные для локальных традиций фонетические особенности (аканье, яканье, иканье), глагольные формы (например, стяжение в третьем лице единственного и множественного числа настоящего времени).

В целях облегчения чтения текстов мы не обозначали специально твёрдого произношения шипящих.

После цитаты в квадратных скобках указываются инициалы фамилии, имени и отчества рассказчика, полные сведения о котором можно найти в конце сборника в алфавитном указателе информантов.

Составитель позволил себе выделить и обозначить курсивом ситуативные темы, поскольку повествование в рассказе часто строится по логике ассоциативных связей, при этом хронологическая последовательность часто нарушается рассказчиком.

Принципы публикации текстов внутри каждого раздела:

1. Название района Ульяновской области.
2. Название села.
3. Фамилии, имена и отчества рассказчиков с указанием села и времени записи, расположенные в алфавитном порядке.

В конце сборника даны списки информантов, собирателей, населённых мест, а также указатели географических названий, диалектных и устаревших слов, технических терминов.

Приношу глубокую благодарность за помощь в работе над этой книгой М.Г. Матлину, А.П. Рассадину, А.А. Лебедевой, С.А. Прокопенко, помогавшим советами и технической поддержкой, а также всем нашим информантам и студентам, благодаря которым материал, представленный в сборнике, был записан и сохранился в архиве педагогического университета.

М.П. Чередникова

СОДЕРЖАНИЕ

МОЯ ВОЙНА РАССКАЗЫ ФРОНТОВИКОВ

Карсунский район
с. Потьма

Бородин Василий Данилович, 1904 г.р.	33
«Нас взяли в самый разгар войны»	
Выход из окружения	
Бой подо Ржевом	
Второй фронт	
Бородин Михаил Семёнович, 1918 г.р.	35
До войны	
На Курской дуге	
Ранение	
Попали в Иран	
На передовой	
После войны	
Грачёв Алексей Степанович, 1916 г.р.	37
«Медальоны»	
Отступление	
«Кондепо»	
«Они не виноваты»	
Елизаров Пётр Александрович, 1919 г.р.	39
«Бягу, значит живу»	
Заплаткин Фёдор Захарович, 1908 г.р.	40
Побег из плена	
О командире	
Контузия и возвращение домой	
Зотов Василий Иванович, 1910 г.р.	41
До войны. Всё сам делал	
Путь на фронт	
По своей специальности	
Маньчжурия	
Кобельков Иван Федорович, 1914 г.р.	43
Война есть война...	
Путь на фронт	
Первый бой	
Отступление	
«Ешь, сытым умирать легче»...	
Разведка	
Плен	
Кобельков Федор Ефимович, 1904 г.р.	55
Самолёт сбил	

Митченкова Мария Владимировна, 1922 г.р.	56
«Мама только спасалась мной»	
Война. Смоленск бомбят	
В оккупации	
«Наши идут»	
Мобилизация	
«Бьюцца сутки, другие, третьи...»	
Из госпиталя – в повара	
Орден за бдительность	
Слободенюк Павел Петрович, 1928 г.р.	61
В разведке	
После победы	
Степанов Фёдор Николаевич, 1926 г.р.	63
Борьба с бандеровскими бандами	
Суслин Михаил Сергеевич, 1911 г.р.	63
Разве на войне легко?	
Просин Владимир Николаевич, 1924 г.р.	63
Ночью – разведка, днём – бой	
Трифонов Иван Филиппович, 1914 г.р.	64
До войны	
На Ленинградском фронте. Блокада	
Переправа	
Через Ладогу	
Дорога на Курскую дугу	
На Большую землю	
Неожиданный случай	
Рентген-техник поневоле	
Власовцы	
«Иван с Волги...»	
с. Большое Станичное	
Макаров Пётр Федорович, 1905 г.р.,	75
Смерть командира	
с. Большая Кандарать	
Бутяшина Анастасия Семёновна, в девичестве – Ильина, 1923 г.р.	75
Дорога с Дальнего Востока	
Повестка	
«Нас не узнавали, что мы девчонки.»	
Семечки	
В госпитале	
«В новом обмундировании»	
Боевое крещение	
Кровный брат	
В Польше	
«Сразу девушки другими стали»	
Бандеровцы	

Госпиталь в Польше	
«Мы были забиты работой...»	
День Победы	
Емельянов Михаил Фёдорович, 1921 г.р.	82
До войны	
Не допустить второго кольца блокады	
«Веселье – это ведь касаецца духа»	
Казанцев Иван Максимович, 1924 г.р.	85
Танкисты	
Война есть война	
Выход из окружения	
Рогожин Иван Григорьевич, 1919 г.р.	87
До войны	
Дорога на фронт	
Первый бой	
Ранение	
Победа	
«Друзья – вся твоя надежда на войне»	
Харитонов Василий Петрович, 1916 г.р.	91
Голод 1922 года	
Раскулачивание	
Начало войны	
Первые бои	
Наступление	
За границей	
Командиры	
Бежать нельзя...	
Дезертирство	
Дети полка	
День Победы	
Награды	
р.п. Языково	
Богданов Михаил Петрович, 1924 г.р.	96
Друг писал хорошие стихи	
Старомайнский район	
с. Аристовка	
Дырова Вера Константиновна, 1926 г.р.	97
«Мертвых очень боялась»	
Лашин Александр Сергеевич, 1913 г.р.	97
Конец войны	
Николаев Николай Александрович, 1918 г.р.	98
Путь на фронт	
Волховский фронт	
Налёт немецких бомбардировщиков	
Караул у Красного знамени	

Бои на линии Маннергейма	
Война кончилась	
Фомичёв Александр Иванович, 1923 г.р.	99
Начало	
О власовцах	
В Европе	
Второе ранение. Конец войны	
с. Жедяевка	
Вахромеев Павел Николаевич, 1905 г.р.	101
«Языка» взяли	
Семанов Иван Александрович, 1925 г.р.	101
Солдатская кухня	
с. Кокрять	
Воронин Михаил Ильич, 1925 г.р.	102
Ушли бандеровцы...	
В дозоре	
Сироткин Александр Яковлевич, 1917 г.р.	102
В окружении	
Зайцы	
Конец войне!	
Шопин Фёдор Матвеевич, 1920 г.р.	103
«Только шинель да шашку задело...»	
Ранение	
Про Рокоссовского	
с. Матвеевка	
Ананьев Александр Васильевич, 1926 г.р.	104
«Не только за Родину, но и за девочку сражацца надо...»	
Случай на учениях	
Не кради	
Бой в Польше	
Как я первого немца убил	
Граната в лоб попала...	
О вреде алкоголя	
Не удалось пообедать...	
Чуть не утонул	
Как я немца в плен взял	
Опять без награды остался	
На Эльбе	
Варфоломеев Сергей Иванович, 1907 г.р.	108
В дозоре	
До Великих Лук и обратно...	
Немецкая обувка	
В дороге	
Конец войны	
Дорога домой	

Жарухин Николай Поликарпович, 1908 г.р.	110
«Я совести боялся»	
О врагах истинных и ложных (про отца и сына)	
О продотрядах и кулацком бунте	
Первый и последний бой	
Вспоминать трудно	
Гибель друга	
Бой у Осташкова	
Раненые в доме бывшего немецкого старосты	
Счастливый случай	
Как раненые голодали	
В госпитале	
«Как меня лечили»	
Случай на вокзале	
Домой	
Казаров Пётр Константинович, 1917 г.р.	116
Начало	
В разведке	
Как я в плен попал	
О власовцах	
Конец войны	
Карасёв Сергей Павлович, 1910 г.р.	118
Выход из окружения	
Софьин Василий Егорович, 1922 г.р.	118
Мы чудом живы остались	
О конце войны узнал в училище	
Радищевский район	
с. Адоевщина	
Первушкин Николай Васильевич, 1915 г.р.	119
О начале войны	
Случай при отступлении	
Оборона Сталинграда	
В Бухенвальде	
Гибель после Победы	
с. Волчанка	
Зорькин Илларион Захарович, 1919 г.р.	121
«Никто ничаво не подозревал»	
с. Ореховка	
Агафонов Александр Николаевич, 1914 г.р.	122
Анекдот про Гитлера	
Гужалин Иван Егорович, 1910 г.р.	122
Предчувствие на фронте	
Пегов Михаил Иванович, 1919 г.р.	122
Как мы в войну шутили	
О песнях	

с. Нижняя Маза	
Теплов Иван Яковлевич, 1924 г.р.	123
Спасибо медсестре	
Прохоровский плацдарм	
с. Паньшино	
Кензин Пётр Александрович, 1925 г.р.	124
Начало моей войны	
Родина Островского...	
Атака	
О генерале Путейко	
Как я из госпиталя бежал	
Как погиб генерал Путейко	
«Русские – на Прут, немец – на Серет»	
Соколов Фёдор Егорович, 1919 г.р.	127
На Большом Хингане	
с. Калиновка	
Федорин Пётр Тимофеевич, 1920 г.р.	127
Счастлив, что остался жив	
О первых боевых действиях	
Плен	
От побега до побега	
Старики предали...	
«И одну лишь свободу любить»...	
с. Дмитриевка	
Гукова Валентина Григорьевна, 1922 г.р.	132
Сталинград	
По украинской земле	
Фронтовая песня	
Казнили предателей	
Люди погибали не только в бою	
Как я получила прозвище	
Кузоватовский район	
с. Трубетчино	
Кудрявцев М.В., 1912 г.р.	135
Как немцы к нам перешли	
с. Хвостиха	
Захаров В.Ф., 1906 г.р.	136
Путь на фронт	
с. Чекалино	
Назаров Я. А., 1907 г.р.	136
О пленных немцах	
Сенгилеевский район	
с. Шиловка	
Маёршин Александр Алексеевич, 1907 г.р.	137
В Сталинграде	

Котелок спас	
с. Тушна	
Комаров Иван Петрович, 1922 г.р.	138
Командир в бою	
Бой со власовцами	
Стручкина Анна Ивановна, 1916 г.р.	139
В зенитной батарее	
В госпитале	
Много тогда погибло	
Погибли после Победы	
«Нам без неё нельзя!»	
Упала в Одер...	
Шинель спасла	
Новоспасский район	
с. Матрунино	
Матвеев Николай Максимович, 1904 г.р.	142
В разведке	
с. Репьёвка	
Бордачёв Егор Никитич, 1922 г.р.	142
«Языков» поймали	
Кабошин Иван Петрович, 1909 г.р.	143
Под Нарвой	
Пашин Григорий Иванович, 1910 г.р.	144
На Финском фронте	
Под Сталинградом	
Фролов Фёдор Игнатьевич, 1910 г.р.	145
С одними винтовками	
пос. Коптевка	
Соловьёв Владимир Алексеевич, 1914 г.р.	146
Письмо с фронта	
с. Комаровка	
Фунтов Владимир Дмитриевич, 1924 г.р.	146
На Ленинградском фронте	
Разведка боем. Ранение	
«Мать получила похоронку и моё письмо»	
Вернулся в свою часть	
Зверства фашистов	
Блокаду видел...	
Мелекесский район	
с. Новоселки	
Алексеев С.Н., 1920 г.р.	149
«В пленных стрелять нельзя»	
с. Заборовка	
Синицын Ф.К., 1915 г.р.	149
В разведке	

Фахрутдинова Роза Зариповна, 1916 г.р.	.150
Спасительница	
Яковлева Юлия Алексеевна, 1918 г.р.	.150
«Цоб-цобе!»	

**Теренгульский район
с. Красноборск**

Тарасов Пётр Михайлович, 1922 г.р.	.151
О ранении на ВОВ	

**”РАСПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА, ТЫ МЕНЯ ОБИДЕЛА...”
РАССКАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ ТЫЛА**

**Карсунский район
с. Потьма**

Андрианова Анна Михайловна, 1900 г.р.	.155
«Надо идти...»	
Багрова Любовь Андреевна, 1924 г.р.	.155
Голод	
Председатель «отлечил»	
«Мама нас жалела»	
Бородинна Зинаида Петровна, 1924 г.р.	.156
Перед войной	
Любовь	
На тракторе	
Голод. Смерть брата	
Болезнь брата	
«Мама ходила, как тень»	
«Были жестокие люди...»	
После войны	
Гордеева Сара Игнатьевна, 1912 г.р.	.159
«Плачь-то была»	
Грачёва Анна Ивановна, 1920 г.р.	.160
Детство	
Война началась	
Писем ждали	
Чему нас учили	
Жила с матерью	
«Каждо зёрнышко на счету»	
«Наелись!»	
Коровка спасала	
За солью	
«Налоги невыносимы»	
Заработать еду...	
Нечем помочь	
За семенами	

Война замирилась!	
Замошникова Мария Дмитриевна, 1929 г.р.	.163
«Вечером стали забирать отцов-то»	
Заплаткина Мария Ивановна, 1912 г.р.	.164
«Я приеду за тобой»	
Зотова Александра Ивановна, 1911 г.р.	.164
Гражданская война	
Война!	
За керосином	
Дети дома всё делали	
«Работали, работали...»	
«Тогда заработку-то не было»	
Всё делили пополам	
Зотова Мария Ивановна, 1911 г.р.	.167
Дети	
«Насякомы»	
«Смирны робятёшки»	
«Думал, это глина...»	
Похоронка	
Возвращение	
Кино	
Козлова Елизавета Ивановна, 1924 г.р.	.170
До войны	
«Девушки, на трактор!»	
Объявили войну	
Не допивали, не доедали	
После войны осталась на тракторе	
«Испытатель новых машин»	
”Лютая я была!”	
Козлова Зинаида Фалеевна, 1916 г.р.	.175
Война началась	
Трудно досталось	
Голод	
«Дайте хлябать!»	
Первый сын стал работать	
Курбатова Зоя Дмитриевна, 1918 г.р.	.176
«Раньше мы за соточки работали...»	
«В воскресенье мы жали всем звеном»	
Наследник	
Трудодни были, а хлеба — нет	
Возвращение отца	
Ланкина Евдокия Ивановна, 1924 г.р.	.178
Рассказ о жизни в тылу	
Митин Михаил Николаевич, 1939 г.р.	.178
Проводы отца на фронт	

Мы не очень голодали...	
Помогали соседям	
«Женщины кару несли»	
«Это просто варвары...»	
Отцовские письма	
Послевоенное время	
Постнова Надежда Фёдоровна, 1912 г.р.	184
Перед войной хлеб стали давать колхозникам	
Начало войны. Остались без мужиков	
На жито напали	
Просина Антонина Егоровна, 1925 г.р.	185
Свадьбы перед войной – и все овдовели	
На окопах	
Посылки на фронт	
Раненый брат работал со мной на заготовке дров	
Направили в Сталинград	
После победы. Война кончилась, а не беды	
Рыжкина Полина Фёдоровна, 1927 г.р.	187
Страшное время	
«Учись!»	
Нечем платить за обучение	
Исключили из школы	
Письмо с фронта	
Учительский институт	
Студенческая дружба	
Дома за старшую была	
Степанова Зинаида Николаевна, 1925 г.р.	191
За солью	
Хлеб войны	
На учебу, как на фронт	
Босая учительница	
«Война деревню съела»	
Всё отдавали фронту	
День Победы	
После войны	
«Только бы не было войны»	
Темникова Таисия Дмитриевна, 1910 г.р.	194
О налогах	
Чернеева Антонина Ивановна, 1915 г.р.	195
До войны	
«Пули надо мной градом летят»	
«Двое детей... и оба померли»	
Мальчишка тосковал об отце	
Муж погиб в плену	
«Сейчас – цветущая жизнь»	

Шабернева Прасковья Тихоновна, 1927 г.р.	196
Голод	
Тюрьма	
с. Большое Станичное	
Быльнова Прасковья Фёдоровна, 1926 г.р.	197
«В войну налогами душили»	
«Любила яво...»	
с. Большая Кандарать	
Дерябина Клавдия Васильевна, 1924 г.р.	197
«До войны сухоты-горя не знали»	
Первые дни войны	
«Народ чужой отца провожали...»	
Начался голод	
Маму посадили за горшочек проса	
Показательный суд	
Сестрёнка наелась белены	
Взяли учиться военному делу	
Трудовой фронт	
Махорка	
«Чебири-маруси»	
После войны	
Емельянова Мария Александровна, 1919 г.р.	203
Во время войны	
На глазах умирали от голода	
Жамолоскова Вера Сергеевна, 1914 г.р.	204
«Хорошее мясо»	
Похоронка	
В поле	
«Потеряла мальчишечку!»	
Налоги	
Казаньева Евдокия Николаевна, 1926 г.р.	206
Жизнь до войны	
Война началась...	
Письма с фронта	
Голодали без коров	
«Последне забирали»	
Дезертир	
Колчина Евдокия Петровна, 1907 г.р.	208
Жизнь до войны	
На коровах ездили в лес	
Проводы мужа	
«Детей сохранила живыми»	
С голоду умирали те, у кого коров нет	
О сестре	
На торфозаготовках	

Обыск	
«Себе, что останецца...»	
День Победы	
Кондратьева Вера Андреевна, 1914 г.р.	.211
«До света – на жатве, днём – в прачечной»	
Варежки	
Война началась	
Работа в больнице	
Кто плакал, а кто смеялся...	
Кондратьева Клавдия Матвеевна, 1916 г.р.	.213
Дети в войну	
Я работала на тракторе	
Муж был танкистом под Ленинградом	
«Одна детей я растила»	
Лукьянова Ольга Григорьевна, 1916 г.р.	.214
До войны	
Суд	
Голод	
«Брали, чаво надо»	
Домой вернулась с чужими людьми	
На колхозном поле	
За колосок – в тюрьму	
День Победы	
Мансурова Елена Сергеевна, 1925 г.р.	.217
До войны	
Почты боялись...	
«Крапивы не было у дворян»	
«Бросить позорно...»	
«Обед» на сенокосе	
Корова – работница	
«Есть-то хотим»...	
Умирали от голода	
«Лиходей пришёл»	
Орлова Нина Николаевна, 1914 г.р.	.221
Милостыня	
Угрозы налогосборщика	
«Не померли, а думали – не доживём»	
«Новое» платье	
Пронина Катерина Сергеевна, 1915 г.р.	.222
Похоронку прислали, а он – живой	
Голод	
«Погнали нас на бойню»	
Отбирали всё кряду...	
Рузанова Анастасия Васильевна, 1927 г.р.	.224
До войны	

Первый день войны	
Трава есть трава...	
Письма с фронта	
Казню была наша жизнь	
Голод	
«Налоги собирали – шкуру драли»	
Сабурова Анна Алексеевна, 1914 г.р.	.227
«В день Победы упала в обморок...»	
с. Усть-Урень	
Постылова Лидия Васильевна, 1932 г.р.	.228
Дезертиры	
с. Краснополка	
Ражкина Екатерина Семёновна, 1925 г.р.	.228
Работа на тракторе	
Старомайский район	
с. Матвеевка	
Варфоломеева Екатерина Петровна, 1914 г.р.	.229
Умерла от требования заплатить налоги	
с. Кокрять	
Дурашова Анастасия Ивановна, 1918 г.р.	.229
Убит на Финской войне	
«Обложение»	
Работа	
Голод	
Как я попала в тюрьму	
Карасёва Анна Ивановна, 1912 г.р.	.230
Без вести пропал	
Шопина Мария Григорьевна, 1917 г.р.	.231
О займе	
с. Жедяевка	
Кокорина Анна Александровна, 1905 г.р.	.231
Окопы	
Новоспасский район	
с. Репьевка	
Журкина Мария Михайловна, 1904 г.р.	.231
Барщина	
Получили землю	
Заставили учиться	
Война	
Депутат	
Сорокина Мария Семёновна, 1917 г.р.	.233
Революция	
Окопы	

Радищевский район	
с. Волчанка	
Бультина Мария Григорьевна, 1936 г.р.	234
Частушка	
Пьянзина Вера Петровна, 1924 г.р.	234
Награда	
с. Нижняя Маза	
Королёва Софья Петровна, 1923 г.р.	235
Игра кончилась	
с. Соловчиха	
Новикова Мария Ивановна, 1923 г.р.	235
Бандеровцы	
с. Ореховка	
Прорешкина Анна Васильевна, 1921 г.р.	235
В войну	
Романова Лидия Алексеевна, 1916 г.р.	236
Монастырская стена	
Муратова Анна Ивановна, 1908 г.р.	236
Как жили в войну	
Как встретила Победу	
Информанты	238
Географические названия	246
Диалектизмы, просторечные и устаревшие слова	250
Военные, технические термины, сокращения	253
Собиратели	254

МОЯ ВОЙНА РАССКАЗЫ ФРОНТОВИКОВ

Карсунский район с. *Потьма*

*Бородин Василий Данилович, 1904 г.р., с. Потьма,
зап. 10.07. 1987.*

«Нас взяли в самый разгар войны»

[Соб: Как Вы узнали о начале войны?]

[БВД]: В колхозе работали, на поле жали. Бывало, ведь нечем, в руки жали хлеба-то. Пришли с соседом со жнитвы, а сельский совет рядом. Приходит Иван Михалыч – сосед, мой товарищ: ”Айда, что-то там в сельском, там что-то штурмуют”. Оттуда бежит: ”Давай готовься, завтра к 9 часам в Карсун и всё”. И отправили воевать. Нас взяли в самый разгар войны, 25 августа. На четыре года сразу, гамузом 40 человек сразу, и сразу на передовую. Конечно, было трудно, жутко было. Ну да привыкли. Да, пожалуй, бойся, дрожи. Не освободят тебя этим. Давайте как-нибудь главного врага сгоняйте со своей земли. Сейчас положили немало силы, всё-таки исполнили. Страдал я, два ранения у меня.

Когда нас призвали, перевезли в Балашов обмундирование получать. Спрашивают: ”Ты военную подготовку проходил?” – ”Проходил”. – Не проходил подготовку – отправляют в другой, где подучат маненько. Вот что. И из Балашова сразу на передовую, под станцию Нелидово, под Смоленском. Сразу в бой. Сразу. Наступление всё время гнало, не давало покою. Ну, наша техника против его-то никудышна ведь. У яво ведь винтовок не было, ведь нисколько, у яво автоматы, пулямёты, всё разрывное. А мы как с рычагами, с винтовками-те. Пока тут дюжимся, он всё сметёт. Вот что. Плохо было, трудно, – терпели. Это ведь если не видеть. А если бы взглянуть на всю жизнь... Только бы упали, что сколько нас положили. Ведь встали на штурму, прям брали. Ты думаешь... Взять-то так вить трудно. К Москве подошёл [немец] вить. Прям к Москве.

Выход из окружения

Вначале я в первом стрелковом полку находился. Меня... тут как раз в окружение попал. Из окружения-ти вышел, нас в штаб дивизии, значит, взя-

ли. Ну, значит, нас тут допрашивают: как сдались, где попали? Мы всё рассказали. Ну, сказали: "Пойдём в наступление на Калинин". Нас отправили, меня тут в наступлении как раз ранило. Да, под Смоленском. 12 человек нас было, как раз в разведку пошли. И подумали, конечно, если сдацца – дело плохо будет. Лучше давайте выбивацца. И всё-таки выбились, выжили. С нами командир роты только был и всё. А мы сами тут руководили. Как взяцца, как пройти, давайте нашими силами. И то через посредство своих мирных жителей вышли. Там леса всё. Ну, мы и выходили, солнце уже село, смеркает. Речушка. И мирные жители, кои не уходили, оставались тама. Подходим:

– Гражданка, немцы тут где? Далеко, мол, что ли? Как бы нам тут?

– А вот две деревни, очень, – говорят, – много тут немцев. Они чаво-то там кричат.

– А нам как бы пройти тут мимо их, да к своим?

Она нас и вывела, мы и вышли через посредство её. А то бы опять не скоро. Она наша, русска. Они не ивакуировались, они вот в оврагах, где вот спасались. Днём и ночью шли, покою не давали.

Бой подо Ржевом

Ранило меня подо Ржевом. В разведке я был. 12 человек обнаружили, стали с боем отходить, меня ранило. У нас разведроты наша была. Разведали, выходили его силы узнавать, и как подойти лучше. За языком ведь очень трудно, ведь он не спит, не дремлет. Взять его ведь только тогда, когда штурм идёт с неба, дождик или ветер штормовой. Вот только когда его можно взять, а то не возьмешь. Он, где стоит даже боевое охранение, он тут пустит ракеты, парашюты освещат, как днём, нельзя подойти-то. Трудно с нём было бороцца. Немало силы положили. Это ведь жутко только сказать, страх прям был, ад кромешный. Подо Ржевом тяжёлый бой был. Было трудно его согнать. Ну, всё-таки согнали.

Второй фронт

Нам помогла Америка. У нас ведь продовольствие всё американско стало. У нас ведь к концу подходит, такую армию содержать, тут сколько надо питания-то... Ведь только жутко сказать. Но она нам помогала Америка-то. Всё – и боепитание, и продовольствие. А потом пустила свои войска, и всё тут пошло лучше.

Бородин Михаил Семёнович, 1918 г.р., с. Потьма, зап. 12.07.1987.

До войны

Мне ведь ещё в единоличном хозяйстве приходилось жить. Корова была своя, лошадка своя. Было нас семеро в семье. До колхозов, до тридцатых годов, пахали вместе с отцом. Бороны были деревянные. Пахали плугом в основном, сохой мало. Подростки серпами работали. В десять лет стал один пахать.

А в колхозе стали сохой пахать, работали пацанами в колхозе. А звенье-вой у нас уж парень был. Ещё работали на лошадях. А в пятнадцать лет уж наравне с мужиками...

На Курской дуге

Воевал на Курской дуге, под Орлом. Дней десять воевал, потом ранило. До Орла не дошёл. Несколько деревень освободили, попал в госпиталь. А воевал-то в пехоте. Непосредственно на передовой, был вторым номером ручного пулемёта.

Раз шли танки. Командир говорит: "Давай по ним из пулемёта!" Подбили. Танки шли на нас. Мы в укрытии были, на взгорье. А там – в атаку. Смотришь: откуда столько людей? В укрытии не видать никак, и не знашь, откуда столько людей.

Ночью бомбили. На парашютах у них такие ракеты были. Всё освещают. И самолёты сбивали. Всё приходилось видеть.

Ранение

Немцы сдавались в плен. Пленных не расстреливали, такие же молодые, как мы ребята. В госпитале их лечили (отдельно, правда). Они говорили: "Гитлер капут. Сталин хорош".

Во рже меня ранило в ногу. Когда ранило меня, рожь спелая была. Товарищу говорю: "Ранило меня". А он тут сильный огонь открыл. Воронка во рже была. В неё перелез – лежу. Боялся плена. Думаю – один. Посмотрел, встал – не видать никак. Огонь прекратился. Назад пополз. Вижу – товарищ, раненый в плечо. Я говорю: "Поползли!" А он говорит: "Ползи, я за тобой". Я выполз из-за ржи, смотрю – нет его. Ну чаво? В окопы я спустился. Очередь дал. Вылез из окопа. Тут солдат подошел. Ну, отдал ему оружие. А тут мне дали винтовку. Тут опять снаряды до нас долетали. Сразу – в овраг. Тут меня ещё ранили. Ну, прекратилось всё, пошли

в санбат. Самолёты немецкие летят, как зажигалки. Думаешь – брякнешься тут сейчас. Пожар кругом, деревня горит. Солома была – всё сгорало.

Ну, перевязку сделали, и в полевой госпиталь, в Тулу. Потом на пересыльный пункт. Там раненых много было. Потом в Грузию попали. Там курортные места были до войны, нас там лечили. В этом госпитале был восемь месяцев. Рана не заживала – заражение крови было. А оттуда в Тбилиси попали. А оттуда уже в Иран.

Попали в Иран

Попали в Иран. Первое время было интересно. Страна отсталая. У бедняка нет ничего. Постройки в виде шалаша. Там росли апельсины. Мы ходили за апельсинами. Ну, наберёшь вещмешок. Принесёшь солдатам-товарищам попробовать. На охоту ходили там по лесам. Кабанов диких много было.

Наша рота занималась рыболовством. Антирисовацца ходили, как рыбу ловят. Сети тащили на лодки. Сетями тащили. Сразу центнера два вытаскивали рыбы. Наберёшь рыбки, наваришь, поешь.

В (19)42 году наши войска туда зашли, и немцев оттуда выбили. А мы уже попали в 44-м году. Там уже были оккупационные войска. Но в Тегеране мы не побывали. Американцы эту зону занимали.

Стояли в Ромсаре, Новоширхане, там держали связь непосредственно с правительством, с Москвой.

Наш батальон занимал пятьсот километров линии связи. Двадцать шесть километров обслуживало одно отделение связи. Ну, и приходилось линии обслуживать ходить. В командировку ездили на иранских машинах (своих не было). Потом запретили. Убивали наших солдат, брали оружие. Едут там один-два, они их убьют и оружие возьмут.

Я был помощник командира роты. А потом попал на передовую.

На передовой

На фронт попали – и сразу на передовую. Кормили нас хорошо. Солдаты выбывают, продукция астаёцца. Не приходилось мне видеть, чтобы пленных расстреливали. Брали их в плен и одних провожали: иди, куды хошь.

По-двое, по-трое сражались. Сперва на передовую пришли, жутко было. Мина свистит, когда летит. Ух! Жутко с непривычки, а потом один-два дня и хоть бы что, так нервы привыкли. Команда: занять оборону. Лежим. Слышим – недалеко патефон играет немецкий.

Во время похода курить ни-ни. Сразу команда: "Прекратить курить!", или "Разговорчики прекратить".

Не было предателей у нас. Все были воспитаны так, чтобы во что бы то ни стало победить врага. И вообще-то солдаты наши научились воевать. А то на передовую провожают, а оружия нет. Убьют товарища, – вот и возьмешь [винтовку]...

После войны

Вот как сходились [фронтовики] после войны, с радости выпили. Радость кака была! И слезы и радость... У многих родителей перебили в оккупации. У некоторых родители были украинцы, белорусы. Все вместе воевали. Ну, и сойдёмся вместе, песенку споём. Весело на душе. А то скучно: девчат там не было. Ну, и разговор вели: мы, мол, придём, в годах жён возьмём, с детьми. Ну, так и вышло. Сирот-то жалко было. С сыном ладили. Что не так делат – скажу, мол, брось. Он слушался. Сейчас он шахтёр. Воспитывать стремились. Сорок лет живём [с женой], дорожим друг другом. Не расходились, не разбегались. Я ей дорожу, она – мной. Сроду пальцем не трогал. Никаких драк не было.

*Грачёв Алексей Степанович, 1916 г.р., с. Потьма,
зап. 19.07.1987.*

«Медальоны»

В первый день войны были в лагере. Мы уж с зимних квартир выехали из лагеря. Это местечко, помница, как бы Хиров. Местечко Хиров. Это в Польше. Двенадцать километров от границы. Вот. Ну, как там... Ведь не знали о том ничего. На вечерней поверке построили и говорят командиры: "Получить медальоны!". Вот тут нам в голову-то пало: "Что такое? Никогда мы, сколько времени живём, – этого не было". А это говорят: "Получить медальоны".

Старшины тут же пошли получать медальоны. Получили медальоны эти. [Обращается к соб.]: Вы знаете их, эти медальоны? – Такой маленький вот флакончик, и вот фамилию, имя и адрес домашний записывать и в этот пузырёк вкладывать, и в кармашек кладёшь.

Да, когда человека убивают, этот медальон вынимают. Там известно, откуда он, чей он. Ну, вот, мы спрашиваем: "А для чаво они нам? Чай, не война. Мы находимся в мирное время". "Мы, – говорят, – находимся недалеко от границы. Может быть всё. Мы обязаны при себе иметь это всё. Ну, и всё. Вот наш ответ". Сделали отбой, легли спать. В четыре часа ночи слушаю – самолёты. Сначала в эту ночь среднекомандный состав весь эвакуировали. Взяли от нас на сборы какие-то. Вот. И мы остались одни, только солдаты в эту ночь. А командный состав весь, всех взяли. Но зачем? Не знаю. "На учение, – говорят, – на како-то". И вот самолёты летают, поле-

тели. Делают подъём. Подъём делают, но не строгай. Мы спрашиваем: "Что такое? Не во время подъём. И что такое самолёты?". Ну, вроде, како-то занятие – самолёты. А смотрим, самолёты-то не наши. Знак отличия не наш – немецкий. Через несколько время – пошла бомбёжка. На тебе! Ну, тут сразу – тревога. Все сборы через два-три часа – и в бой.

Река была – переправа. Они, немцы через эту переправу перешли, стали переходить... Тут было кровопролитие. И с нашей стороны – кровь и с ихой стороны – кровь. Ну, вот. И с этого дня всё пошло и пошло...

Отступление

Ну, вот у немцев наступление. Но наши кадровые части были сильны и крепки, им [немцам] не удалось перейти в наше направление. Они пошли в обход, мы остались сзади в окружении. Ну, тут стали выходить и отходить, кто на чем мог, и дошли до Львова. Небольшими группами выходили. Направились. Ну, а потом зайдём в деревню, спросим, где пройти, где есть немцы, где нет немцев. Так вот и проходили. Мирны жители рассказывали и хлеба давали, и рассказывали, где пройти. Вот так и пробивались. Ну, а потом во Львове сформировались, наши тут опять все собрались. Пошли на Киев. Уж тут формально отступление было. Отступать стали тоже, кто на чём. Немцы стали высаживать десанты. Ну, а с десантами приходицца бороться. Ну, конечно, много осталось [оружия]. Первое время были автоматы, станковые пулемёты. Кадровые части, они все были вооружены. Оружия было уже достаточно. Видишь, мы отступали по польской территории. Некоторые хороши люди растолкуют... А некоторые люди попросили попить водички: "Дайте, дайте попить". Стали говорить: "Вас напоют". Вот такие были отклики некоторые. Тут отступление было, сильное отступление. Войска были – семьдесят вторая дивизия, сто тридцать стрелковый полк. Ну, а в дивизию всякие полки входили – и стрелковые, и самолёты входили. Мы относились к стрелковой дивизии.

«Кондепо»

А потом я перешёл в депо. В кондепо – это лошади. Вот нельзя было пробивацца провозить какое-нибудь оружие, на себе ведь это не провезём. Вот приходилось на лошадях. На лошадях доставляли продукты и снаряжение. Ну. И самим приходилось на лошадях. Чем пешком идти, на лошадях всё же быстрее. И проехать можно.

Кондепо – это большое подразделение. Там шесть эскадронов в него входили. В каждом эскадроне там пятьсот лошадей. Трудные работы вы-

полняли на лошадях. Ведь пушку не подвезём на себе по-быстрому. Это затруднение. Зацеплялись две-три лошади, раз – подвёз лошадьми.

Каждый раз попадали под оружейные обстрелы, и под артиллерийские обстрелы, и под бомбёжку. Укрытия делали. Подбирали места – овраги, леса для укрытия.

На немецкой территории мы уже освоились, как вроде уже на своей родной земле. Мы стали хозяевами. Вот. А немцев тут уж легко было распознавать. Потому что они были холодны, голодны... Тоже самое, как мы вначале.

«Они не виноваты»

Ну, а други [наши солдаты], как сказать, ненавидели. Ну, конечно, была обида. Ну, а при чём, – если старуха или женщина и дети. Ведь оне не виноваты... Что их спас? Отцы ихние – тоже много погибло. А другие грабили мирное население. Потом это всё прекратилось. Был приказ – за это наказывали.

«Капилизма...»

У нас ещё такой техники не было, как было у немцев. Это нас антирисовало. Мы тоже глядели на это дело. Смотри-ка, вишь, какое дело – капитализма... Каки у них там построены фермы, там было дорого чаво посмотреть. Чистота и порядок. Всё было в целости, потому что он же воевал на чужой земле. А своя территория была ничем [т.е. войной] не занята. Вот. Ну, были разрушены и ихние деревни. Всё это приходилось наблюдать.

Вот по дороге едешь – посажены фруктовые деревья у них. В одну сторону сливы, в другую – яблони. И вот немец идёт. На полу валяецца яблоко – возьмёт. А мы себе думаем, а если бы у нас?

А мы то, вот едем, бывало, щас подлазим к яблоне, щас – солдат, давай на яблоньку. Ставим телегу под яблоней. Натрусил – поехал. У них этого порядка нет...

*Елизаров Пётр Александрович, 1919 г.р., с. Потьма,
зап. 16.07.1987.*

«Бягу, значит живу»

На войне хорошего нет. Она же война. Война есть война. Не спали, не ели, как с Новосибирска дошли до Москвы. Ну, вот на ногах, а вот щас отказали, не ходят. В войну кода вот, там они не болели. Ваще не болели ничем, черт его знат. Там я не чувствовал, живой что ли я, только вроде бягу,

значит живу. А в боях-то скажут: ”О, немцы-то вон где уж, этот город взяли”. Вот отступам, бязим, так вот идёшь, старушка или старик где увидят, обидно кричат: ”Что бязите? На кого нас оставляете?”. Отвернёшься, ну да чё же я могу сделать вот всё.

До войны два года в Новосибирске служил, вот Западный (фронт). Я домой собирался ехать, а раз – война началась. Прямо оттуда взяли – и на фронт, потом в Москву, Царьград [Царицын] оттуда – Юго-западный фронт. А оттуда попал в Заполярье. Там год воевал.

Там вспоминать-то страшно. Нас шесят пять было человек, была застава, а он как танки, самолёты, чё смял всё и пошёл – вот само страшно. Один там останецца, ещё кто появицца, вот соберёцца группа, ну, куда? Надо искать часть каку-то. Вот найдёшь, докладывашь там вот, так и так, были вот, такая-такая часть. Ну, в другую часть сунут.

Щастливо уж не было у нас, как у немцев, что говорить, – машины, техника, самолёты. Они летят, а наших-то и не видать. А они – всё время, вот токо зажги спичку, тут же летит, бомбит.

Вот под Сталинградом ночами мы не спали ни одну ночь. Вот тут уже стали войска, артиллерии-то, зенитки.

*Заплаткин Фёдор Захарович, 1908 г.р., с. Потьма,
зап. 10.07.1987.*

Побег из плена

Война началась. Привезли в Харьков. Потом меня контузило. В плен и забрали. В Полтаву пригнали нас. Пригнали в сарай. Сапоги стащили, надели другие. Не знай, свиньи были, овцы... Ну, из плена ушёл. Выручила одна женщина, хохлушка. Мы же поесть хотим. Ну, женщины ходят около загородки. Подошёл к хохлушкам. Подали много кусочков. Она кричит: ”Нет Поборчука?”. ”Нет. А, может, меня?”. – ”Ну что ж, давай”. Немцы идут. Встала она, плачет. Он подходит, ну, вызвали меня, говорит: ”Это кто?”. Она: ”Мой мужик”. Ну, в комендатуре говорит: ”Нет детей у нас и бабушка. В Глобине живём”. Привела. Меня допросили. Её потом вызвали. Он написал пропуск, и она увела. Вши тогда были... Ну, говорят, как волка ни корми, всё в лес смотрит. Домой надо. Ну, тут выручила с Сурского женщина. Собрались уходить. Надели платья. Я, да ещё один. Лопатки взяли. Старичок нам говорит: ”Идитя дорогой, как женщины”. Нам бритву дали. Идём – и тут немцы. ”Здорово, Полинка!” – немцы говорят. Нас два мужчины. ”Женщины”, – говорят. До Харькова 30 километров не дошли. Фёдоровка село. Зашли в дом, постучались. Нет никаво. Во второй.

Старушка. ”Ночевать пустишь?” – ”У меня человека нет”. Идёт он, борода эдака. Обманула она нас. Комендант то был. ”Это что? Партизаны?”. И ушёл. Ну, думаю: ”Бежать? Как бы хуже не было”. Хвать, правда, офицера ведёт. Он русский. Спрашивает: ”Откудова?”. – ”Продажная шкура! Своих продаёшь!” – это офицер этому дедушке. ”Поесть, – спрашивают, – хочешь?”. Немец несёт уху. Мы поели. ”Не ходите сейчас. Пойдите вечером по дороге. В краю леса остановитесь”. Ну, пришли, сидим. Отошли за кустами. И вдруг кричит, который офицер: ”Эй, русски!”. А мы боимся. Не откликнулись. ”Вы чаво не откликатесь?”. Дает мне наган, другому пистолет. ”Идите к камышу. Не сворачивайте”. Он слез с лошади и пошёл с нами. Оказалось, что языка мы привели. А в части: ”Откуда вы?”. Офицер-то он русский. Отец у него в первую мировую в плен попал. Мать немка, а отец русский, значит. Ему не понравилось. ”Надоела мне эта немщина”, – говорит. Десятый год офицером.

В штаб пришли. Командир спрашивает: ”А ты уедешь?”. – ”Нет, больше я туды не пойду”. Поработали три недели у наших в полку. Опять стали воевать, оружие дали, обмундирование. Вот меня вызывают в полк, говорят на офицера учицца. А я неграмотный. ”Ну, пойду!”. Выучился и работал.

О командире

Пели песни. В бой идём и песни поём. Уж эти песни не помню. Командир хороший был. Его солдаты валяцца, а он идёт. Его не бьют. ”Вперёд! Вперёд!” Тут падат, тут падат... А этот командир, ему лет 60 было.

Контузия и возвращение домой

Потом контузило. Госпиталь в Запорожье. Шесть месяцев пролежал. А потом домой на три месяца. В (19)44 году это было. Привёз сюда провожатый. А потом после комиссии признали негодным к строевой. Назначили в сапожной мастерской [работать] за Вешкаймой, недалеко от Инзы. Там и победу встретил.

*Зотов Василий Иванович, 1910 г.р., с. Потьма,
зап. 19. 07.1985.*

До войны. Всё сам делал...

Отец у меня помер молоденький в 47 годов. Я был у них один сын. Пять сестёр. Ну, отец помер, я молодой остался. Сам хозяин уж. Мать переписала: ”Ну, сынок, всё хозяйство бери на себя, я уж не могу руководить. Ты всё же парень, мужик. Это не моё дело-то”. Ну, так и сдела-

ли. Домовую книгу, усад, приусадебную землю, – на меня всё написала. Ну, потом всё сам делал. Раньше у нас сами делали. На базар продавали, в Карсун возили.

Ну, дальше, не умел я, конечно, молодой был, рассевать. Чаво? Приехал на загон и поглядываю: откуда рассевальщик придёт. Ну, и, конечно, немало поплакал – один, помочь некому. Хоть бы братья были. Ну, чаво? Приехал один товарищ – рядом загон был, и меня научил сразу рассевать. Ну, я с этих пор начал и других учил.

Ну, чаво? В тридцатом году поженились с Александрой Ивановной. Потом меня взяли в кадровую армию.

Путь на фронт

[Соб.: А где Вы были 22 июня?]

А 22 июня был я вот где... Был я в Карсуне. Ну, у нас обычно в воскресенье был базар-то. Ну, вот был на базаре. Там услышали. Вот в Посёлках. Посёлки, слышали? Большие Посёлки. Вот идём домой-то и сразу по радио передали: война. Вот тут-то мы и узнали войну. До сего время работал в колхозе, тут сенокос был, сено возили на Шарпово. И сразу мне повестку, и 31 июля меня забрали в армию.

Попал я сперва в Глотовку, с Глотовки – на Инзу. А потом куды? В командировку сразу. Боеприпасы из Сызрани, заводы такие военные. И вот оттуда дали нам боеприпасы, мы повезли на передовую, туды, в Запорожье. Вот. Сопровождал боеприпасы. Ну оттудова пришёл, а наша часть была около Волги. Справа Волга была. Вот тут стояла. Мне хотелось домой заехать. Ну не заехал, а то скажут – самовольно, да туды-сюды. И поехал оттудова я в Воронеж. В Воронеже нас сформировали. Мы по ту сторону Дона вели. Семилуки там назывались. И вот мы там побыли, и поехали мы, в общем, на своё назначение.

По своей специальности

Был я, работал в плотничьей роте. Вот немец рвёт мосты, нельзя поезду-то ехать. А тут стоит генерал с боеприпасами: "Давай на передовую! Скорей, скорей!". Тут и пехота работала. А мы как специалисты – плотники. Мы работали специально, эти мосты строили. Ну вот. До самого я дошел до Кенигсберга. По своей специальности. На всех фронтах был. На Белорусском, на Украинском и на всех направлениях нас перекидывали. Отдельный был у нас, строительный отдельный батальон. Да. Мосты.

Бомбит, страшно. Прямо налётом, где мы работали. Много у нас убило, и ранены были многие.

Потом попал из Кенигсберга на Дальний Восток. Под Хабаровск. Там Бербедак[=Биробиджан] есть. Мы там справляли День Победы. Справили, через несколько время пошли переходить границу – переезжать к Благовещенским. Шли мы километров пятнадцать ночью. Только доходим – японские казармы. Оставил японца. Мы в них. Зашли, отдохнули – и дальше.

Маньчжурия

В Маньчжурии привезли мы пленных японцев в Харбин. И вот сдали их, с нами командир роты, капитан ездил. Отобрал нас, конечно, самых хороших красноармейцев. Ну, сдали. А там на базаре – китайцы. Они любят торговать – торгаша. Помидоры торгуют, огурцы. И там разны пышечки, булочки. Стряпают сами. Ну, мы чаво? Поглядели. Сперва-то брезговали. Прощедали [=попробовали] – можно есть. Ну, чаво? Мы поклали карманы полны. Глядим вот эдак: знакомый стоит, вроде, человек. Я себя сразу не казал. Назад к нему зашёл. А ведь это самый он. Генералов фамилия. Ну, он на год меня только постарше. Он с девятого, а я с десятого года. Зашёл – он. Вот эдак ему говорю: "Генералов!". Он сразу: "А, Васяка!". Обнялись тут с нём, поцеловались. Ну, чово? "Айда, ко мне в гости", – он говорит. Повёл в гости к себе, в вагоны.

Я много где был. Вот такое мое происхождение, что я проходил...

Кобельков Иван Федорович, 1914 г.р., с. Потьма, зап. 09.07.1987.

Война есть война...

28 мая (19)41 года нас увезли в Ульяновской. Там баню нам сделали, обмундировали нас – и на Инзу. В лагерь. Там побыли недели две, больше, а потом нас сразу в эшалон. Начальство знало, но молчало строго. На третий день узнали, в дороге.

А я был всё время поваром. Варил. Ко мне подошел лейтенант. Я говорю:

– Што, товарищ лейтенант, заваривать?

– Давай, давай, Кобельков, заваривай.

Ну, заварили. Это было дело в лагерях, уже на Украине, мы приехали эшалонам. Разгрузились – и в лес, там тоже лагерь был. Ну, глядим, подвал там, блиндажи там всякие, палатки. Ходим: чаво такое? Все ж тут был народ. Но теперь мы об этом не знали, што война. Но, покудова бросили туды чаво, улаживаюсь. Ну, мы с лейтенантом пошли.

– Айда, товарищ лейтенант, посмотрим, чаво тут за палатки, посмотрим, чаво тут было.

Ну, зашли. Палатка есть, постеля лежит, всё – одеяло там, подушки, чемоданы. Дальше пошли, пошли блиндажи. Там сделаны землянки. Туды зашли. Там это ножи лежат, вилки, брительные приборы, все это. Я говорю:

– Чаво, товарищ лейтенант? В чём дело?

А он меня, правда:

– Э... (похлопал по плечу меня), Кобельков, знаю, но не скажу.

– Чаво боитесь сказать? Думате я скажу товарищам? Никогда.

Я говорю:

– Бей меня на месте, ни сроду не скажу.

– Ты терпеливый?

– Терпеливый.

– Ладно. Я ухожу.

Ну, ладимся кухню на место. Стали варить. Как помню, был у нас макарон. На ужин. Ну, чо, весь день ехали. Ну, на ужин, вроде, макарон. Ну, запалили эти кухни, дым пошёл, летит самолет. Он подбегает ко мне, говорит:

– Кобельков!

Я говорю:

– Чаво?

– Заливай, заливай, быстрее давай беги!

У меня вода-то рядом в ведрах, я скорей черпаком поленицу залил. Я: – Чо, товарищ лейтенант, трудно дело?

– Потом, Кобельков, потом. Я приду, тебе скажу.

Ну, так, мож, с час его не было. Приходит:

– Кобельков, давай разжигай. Все пролетело.

– Чо, мол, не вражеский самолёт?

– Вот он сам и был.

Вот мы огонь прекратили оттого, чтобы он (сюды) осветит, залетит, начнет дыму пускать, все нам сделает мясо одно. Тут они разгадали [что надо делать].

Я разжёл всё, опять подхожу к нему.

– Товарищ лейтенант, ну объясни, мол, што ли, пацаны – повара есть же люди...

– Айда, Кобельков, с тобой прогулямся маненько. Вот чаво, брат, мы же приехали на мясопоставку.

– Как на мясопоставку? Война?

– Да.

И он весь вот так вот потрясся, вот, а молодой лейтенант.

– Ну, теперь, может, чё, товарищ лейтенант. Видно, мол, не мы первые, не мы последни, сколько было вперед войнов, переживали и сейчас переживем как-нибудь, така дорога. Война есть война.

– Да, да, Кобельков, я больше расстраивацца не буду. Расстраивайся, не расстраивайся, когда, говорит, расстраивашься, сам себя не соберешь в кучу.

– А я не расстраиваюсь. Убьют – убьют. Только одно мне жалко: жана и трое детей. Вот это мне жалко. А это – пес с ней, война, так война.

– Ну, ладно, Кобельков, смотри, мол, только думай.

– Все я думаю, сроду не скажу.

Ну, он ушел на свое место, ходит по гарнизону, все проверят, как спят, как все там делают, а мы свое дело творим. Он говорит:

– Ну, чо, Кобельков?

– Всё готово.

– Ну, давай звонок, роты, подымайтесь.

А на утре был горох. Ну, подходит он ко мне:

– Кобельков!

– Чаво?

– Ужин справили?

– Все, мол, сделали, накормили, все, мол, сыты и спокойны.

– А чаво это у тебя?

– Вот, мол, горох.

– А как его делать?

– Как-нибудь сообразим. Как его делать – мясной или какой?

– Давай, делай мясной.

Ну, сделали мясной, мясо немного поварили, потом стал горох запускать. Запустили. Все сделалось, как каша, разопрелась хорошо.

Ну, он подходит:

– Кобельков, все готово?

– Всё, товарищ лейтенант.

– Ну, мой друг, наверно, не придецца нам позавтракать.

– Почему?

– Сейчас пойдем в поход.

Я говорю:

– А это куда?

– Вываливать надо.

Я говорю:

– Это чаво: приготавливал для людей, а вываливать на дорогу будем для кого? Пропадет все наше добро.

– Ничаво не сделаешь. Надо ехать, у нас тут приписной состав есть, над обозом начальник.

– Ну, чё, товарищ лейтенант, как людей кормить будем или нет?

– Сейчас я поеду узнаю, как начальство скажет, чаво объяснят.

Ну, чаво, поехал узнал там это все дело, приежат.

– Ну, чаво? Всё узнал? Каки результаты?

– Узнал. Завтрак и обед – ничаво не получицца, дали сухой паёк.

– Ну, людей-то надо покормить горяченьким, в поход-то далеко идти.

Ну, там дали концентрат разный, маргарин, буханку хлеба, колбасы. Я говорю:

– Это ведь не питание, горячаво поесть, другое дело.

– Ну я ведь ничаво не сделаю.

Я говорю:

– Ну, правильно.

Он уехал от меня, где был, не знаю.

Приежат опять, назад вернулся.

– Кобельков!

– Чаво?

– Давай кухни все вываливать. А что мы будем, такая жара, все только у нас прокиснет, кислым не будем кормить. Нам с тобой новое завтра дадут.

– Правильно.

Путь на фронт

А у нас ведь походная кухня на колесах, на конях. Я отвертываю все эти болты, лошадей выпрягли, перепракинули [опрокинули]. Раз, подъехали к речушке, с кухни все вывалили, сделали все в порядке.

– А теперь, мол, чаво делать?

– Вот тут я щас получу продукты.

– Как получишь?

– Маргарин в пачках, концентрат горошинный в пачках. Давай все закидывай, товарищ лейтенант.

– Как?

– Маргарин должны мы в одну кухню сложить, а в эти кухни положим концентраты. Это у нас будет умней. А если мы положим и концентраты, и эту историю, вот, маргарин, чаво у нас получицца? Ишь, как печёт, кухня она кака, она раскалилась от солнца. Там все у нас раскиснет от солнца. Там все у нас раскиснет с тобой, и концентрат перемешацца и бумажка там, все. А время подойдет, скажут: "Привал, отдых", – сварить надо чаво-то.

– Да, вот твоя-то голова умнее.

– Ну, а как же. Ну, переваракаем все, питания не будет никакого.

– Как ты думаешь, так и делай.

Он на меня надеялся крепко, хороший был мужик. Он на меня надеялся. Ну, я все это сделал, и все равно это все растаяло, только концентратов у меня нет, только один маргарин, но только я его разобрал, все там вытаскал в полированные ведра, он растопился. Я его, там такая цедилка была, я его через, как его, дуршлаг, и пожалуйста, все бумажки остались, а это всё в ведре осталось, всё хорошо.

– А это, Кобельков, ты мог сделать. А я ведь думал так сделать – всё вместе.

Я всё сделал, как положено.

Забыл, куды мы приехали. Конотопль... До Конотополя доехали – привал. Этот самый лейтенант:

– Кобельков, привал. Сейчас будет время, давай приготавливать.

– Я всё приготавливаю.

Подъехали к роднику, воды наполнили в эти кухни и поехали дальше. Давай кухню растоплять. У нас дрова есть, всё в повозке. Ну, затопили. Вода закипела через каких-то полчаса, само много. Заправили всё, посолили.

– Вот, товарищ лейтенант, всё готово, давай иди, объясняй.

Ну, людей накормили, всё в порядке, отдохнуть легли, лежали и опять в поход поехали.

Вот Конотопль, нам нужно пробрацца через этот, как его... Днепр. Вот тут пропало много людей.

Паром, не паром, сделали мост (понтон) и через него мы переправлялись. И вот они [мосты] посередке лопнули. Здесь кони, машины, телеги, а телеги плывут. Ну, мост провалился, и погибло людей много, и машин погибло, и лошадей много погибло. Много потерь тут.

Ну, выбрались те, которые остались целы, ну, войны нет тут, а только подьежжать стали. Вот в деревню, я забыл, какая деревня... Ну, чаво, ужин надо готовить.

– Давай, Кобельков, приготавливай.

– Чаво?

– Давай, макароны свари, чтоб скорей нам людей накормить, а то щас опять в поход голодными поедут.

– Это правильно, щас я сделаю.

Мясо, его долго варить не надо, у нас консерва была мясная. Ну, это мы всё сделали, накормили. Ну, теперь дальше пошли.

Первый бой

Вдруг начался бой. Стреляют, самолёты летают, бомбят, всё на эту деревню, но в нас не попало, мимо пролетели эти бомбы. Этот лейтенант ко мне подходит и говорит:

– Вот, Кобельков, вот и приехали.

– Ну что сделаешь, не расстраивайся.

Он сделался бледный какой-то, как кто-то его напугал. Я ему говорю:

– Я ничаво не боюсь. Ну, убьют и убьют, только бы вместе с кухней убивали, а то, мол, убьют, и кухня будет готова. Я встану, поем. Не расстраивайтесь.

– Нет, Кобельков, как хошь ты мне калякай, а у меня сердце наверно [показывает].

– Ну, не расстраивайтесь, не надо.

Ну, там стреляют, стреляют.

– Ну, чаво, Кобельков, давай приготавливать. Вступили в бой. Пошли все на передовую.

– А, мож, мы не пойдём на передовую, перебыют всех и нас затянут, кто варить-то будет?

– Тут какая варева? Сыты – сыты – голодны, убьют и всё – готовай. Ну, ладно, ну, чаво теперь будем делать?

– Давай заваривать.

– Всё, товарищ лейтенант, всё будет готово. Надо нам вперёд узнать, где расположены будут наши войска.

А потом тут присватался украинец, Коваленко фамилия, зелёный командир, ну, раньше – сержант.

– Ну, чаво, Коваленко, поедешь со мной?

– Ну, поедём, товарищ лейтенант.

Ну, они уехали. А там, за этой деревней, ну, как посадки. Ну, они уехали в посадки, приезжают – тут валяцца [раненый], тут валяцца, тут лежит готовай уж, убитый.

Ну, чо, приезжают, этот Коваленко говорит:

– Кобельков, не знаю, каво кормить-то будем.

– Ну, кто подойдет. Кто не встанет, не будет с нами кушать. Кто живой остался, подойдут, будут с нами кушать, будем кормить.

– Кобельков, вот, наверно, нам кормить-то будет некого.

– Чаво?

– Такой был налёт, прилетали пятнадцать самолётов. Всех побито.

Я говорю:

– Ну, таперь чо, куды надо подавацца нам – вперёд ли, назад ли, куды-то надо ехать. Поедемте, товарищ лейтенант, надо ехать.

– Я не поеду.

– Как не поедете? Ты должен путь мне показывать. Ты едешь, где передовая, где люди расположены, ты должен меня вести. Я должен управлять кухней. А ты должен мной управлять, вести меня за собой, а я твоим следом поеду. А я один, ну куды поеду. Ты командовашь всем делом.

Ну, едем, едем. Такая же посадка, помыряли, помыряли. Всё! Вот человек пятнадцать, двадцать вышло, а больше нигде никаво нет. Ну, тут командир, командир дивизии выходит живой.

Ну, товарищи солдаты, повара, – все. Мы остались тут щётаны, все лежат.

Кони (тогда была тягловая сила), пушки везли лошадьми же. Пушка вверх тормашками, колеса вверх. Лошади лежат и раздуло, ноги растопарились. Я говорю:

– Вот, собирай, ково тут, тут и народ лежит около этой пушки, все почернели. Вот, товарищ лейтенант, таперь мы чаво будем делать с этим народом?

– А чаво делать... Как утихнут маненько, приказ дадут тела убирать. Тогда и будем убирать, а так и не проедешь, ты гляди – вон чаво. Дохнуть невозможно. Куды от этого денешься?

– Ну, к этому моменту командир дивизиона команду даёт.

– Чаво остановились, двигайтесь вперёд. А кухни сзади. Это мы уж перешли Беларусь. А ржи прямо сплошь – ничаво не видать. Ну, пошли дорогой. Пролетели они [=немцы], ну, опять пошли все пешком, пехота в телеге, которы на конях... И дошли мы до Злобина. В этом Злобине мы остановились. Вот тут, наверно, недели две были, в этом Злобине. Но тут сформировались опять.

Отступление

Поехали. Рано поехали, чтобы незаметно было ничаво. Ну пошли с нём, с этим. Никаво нет. Мне говорят:

– Ну, давай караул лошадей, а мы с Коваленко пойдём по этой посадке. Тут лежит, тут лежит, то осколком ему в голову, то в это место, он весь чорный, такая жарынь... Я говорю:

– Эх, вот, Коваленко, мол, каки люди стали, а каки мы были, как орлы. А теперь всё. Он уж, он уж приторчан [=приторочен, привязан] к земле уж. Правда, один лежит.

– Ну, чаво, Кобельков, давай-ка вот этого проверим.

– А чаво проверять, деньги у него чё ли?

– Не деньги, какие, мол, деньги.

А нам давали вот такой пистончик [=стерженёк с завинчивающейся крышкой]. И пишите, говорят, каждый адрес свой, и в этот пистончик закладывали, закрывали и вглубь кармана, или у брюк бывает маленький карман вот здесь, – и прятали.

– Ну, давай посмотрим.

Проверили тут этот кармашек. Он весь лежит чорнай, прям земля. Яво как ударило осколком, у него была каска, каску эту пробило, и осколком ему все разнесло. Ну, поискали.

– Нет, Коваленко, никакого адреса нет. Ну, таперь чо – пропавший без вести. Всё. Кто яво узнат, кто знат яво... А тут чо было сначала, не поймёшь, кто каво догонят.

«Ешь, сытым умирать легче»...

Ну, чаво, ничаво... Стали маленько готовить, сдвигацца – не хотят есть. Напугались, расстроились, чаво мы тут будем есть. А чаво [=для чего], мол, я наемся, сам вот отойду, – бух – готовый. Я говорю:

– Ладно расстраивацца. Давайте, ребята, давайте.

– А ты ел-то сам?

– Ел и ещё буду. Давайте, давайте, я вам помогу.

Я говорю:

– Вася, иди сюда, милый, иди, маненько поешь.

Подходит ко мне бледный и вот его:

– Вась, Вась, ну ты чо расстроился, сам себя канителишь. Ты вот давай садись и поешь. Давай с тобой вместе поедим.

– Я, мож, поем, на тебя глядя.

– Давай, давай, а ты, поспокойней.

Ну, наклал ему макарону.

– Ну, давай, Вася, у тебя ложка есть.

Ложку берет, я ему:

– Ну, ты, Вася, бушь есть?

– Эх, Кобельков, всё болит у меня, не могу.

– Ладно, расстраивацца, Вася, я вот ем.

– Да ведь ты не боишься...

– А чаво бояцца? Война есть война. Ты, мол, только ешь, сытым умирать легче.

– Нету. Не наешься, всё равно убьют.

– Ну, всё бушь помнить – я наелся, сытым убили меня, я сытый был.

Так и не ест, так и не ест.

Токо уж я ему говорю:

– Ну, вот что, Вася, я тебе знашь, чаво дам...

А вот раньше был комовой сахар в пакетах и семисотенка банка вот этого мяса, эта консерва мясная. Ну, правда, можно сказать, хлеба не было, были сухари. Я ему кусочков пяток сухарей дал, банку консервов и два кома сахара.

– На, Вася, положи в сумку противогаз и это положи. А, может быть, захочешь и поешь. Кто яво знат, таперь когда приедем. Може, приедем, а може, не приедем. Може, нас разорвёт в пух и прах, это, мол, как думаешь.

– Вот, я думаю, и это где-нибудь выкину.

– Ты, мол, вон как расстраиваешься. А я хожу по убитым, швыряюсь вам тут. Мы вон с Коваленко все проверяли, искали эти, пистончики, адреса. А ты вот боишься...

– А я вот не подойду, я сразу упаду и не встану.

Ну, уехали мы опять в село в это, кухню установили, накормили некоторых, ну, человек, наверно, двести, больше не пришло к нам.

С Коваленко едем, едем на этой вот лошадёнке, потом он говорит:

– Нет никаво.

Я говорю:

– Ну, что есть, то есть, накормили, слава Богу. Нетрог [=пускай] сыты будут люди. Ну, поехали. Уехали. На другой день встаём, опять начинам.

Этот лейтенант подходит ко мне:

– Подвинули нам народу-то. И там передовую сделали в лесу, там много вот расположились...

И этот Коваленко и этот лейтенант так со мной, вот из деревни был еще один парень поваром со мной же вместе, – встали в этом Злобине. Опять лейтенанту говорю:

– Лейтенант, давай иди, езжай, где наши роты расположены.

– Всё, Кобельков, всё узнам.

– Давайте вместе попробуйте с Коваленко.

В случае чаво одному ехать жутко. Лес он и есть лес. Непроходимый лес там, тайга.

Разведка

Ну, они поехали. Долго они ездили, всё расположение искали. Приехали, говорят:

– Ну, вот, Кобельков, всё мы нашли. Первая рота вот тут. Вторая рота вот тут. Четвёртая вот здесь вота. Пять ротов расположено. Одна рота на бугре, на открытом месте. Эти – в лесу, а эта на открытом месте.

Я говорю:

– Вот, товарищ лейтенант, мы должны ехать утром завтра везти, должны мы ехать на открытое место сначала.

– А почему?

– А потому, што на бугре впереди народ открытый. Пусть у них и окопы, а мы их должны в первую очередь накормить, потому што они на виду. А если мы будем кормить эти роты, потом поедem на этот бугор, нас с тобой расстреляют.

– А почему?

– А почему? Мы обнаружим их. Понял ты меня?

– Понял, Кобельков, правильно.

– Мы должны вперёд пята роту накормить, потом остальных, они в лесу закрыты. А нам надо кормить, само открыто место, она дежурила эта рота у нас. Мы должны ее всегда снабжать.

– Да, правильно, ты делай сам.

– А ты думай, как помогать мне. Я повар, а ты всё же лейтенант, я рядовой человек, а ты, всё же у тебя звание, ты должен командовать быстрее мово. Я должен приготовить и накормить. Вот это я согласен. А ты должен команду наводить. Где-то найти роты, где они расположены, в каком виде.

Вот этот Коваленко всё время с нами ездил. Как только едем продуктой варёной кормить, Коваленко едет обязательно. Он на лошади едет передом, а мы за нём четыре кухни и четыре повара лошадьми управляют, пара-две лошади.

Ну, приедешь туды, там он мне уж сказал Коваленко:

– Ты, Кобельков, всё дело знай. Раз ты как сказал, езжай вперёд туда эту пята роту накорми, потом сюда приедешь.

– Ну, давайте, оно тут неподалёку, в яру озеро.

Ну, так оно небольшое озеро, и туда объехать нельзя, там возвышенность большая, и туда нельзя. А мы чаво: брали с собой ведра, накладём в ведры и по сих пор [показывает на грудь] лезем и водой, и болотой, ставишь на плечи и несёшь. Накормишь, раздашь эти ведры. Опять идёшь, опять накладывашь, опять идёшь. Вот так вот страдали, мучились. Вот такой водой, она холодна. Покуда вот чаво делаешь, накормишь...

Лейтенант говорит:

– Ну, чаво, Кобельков, ты, наверное, замёрз.

– Неужели не замёрз...

– Эх, какое тебе страдание...

– Ну, куды я денусь таперь. Раз я на это дело учился, я приставлен, я должен кормить, какая бы болота ни была, я должен вас снабжать, кормить.

– Правильно, правильно, ну.

– Ну, теперь можно, товарищ лейтенант, скажи бойцам, мож, кто не наелся.

Он пошёл.

– Ну, ребята, как? Всем хватило, все сыты – нету? Вот повар, говорит, Кобельков, осталось там немного, может, кому добавец надо?

– Нет, нет, не надо, наелись. Поезжай, поезжай, Кобельков, а то скоро будет светать.

Перелез, ведра постановил, поехали. Ну, там мы вместе сошлись, всё это раздали, и опять поехали на свое место. И вот на этом месте мы тут две недели ездили, кормили. А потом отбой дал немец-то. Попёр и попёр. Ну, кто куда. Вот этот лейтенант у меня сел на коня и поехал. Я говорю:

– Ты далёко ли, товарищ лейтенант?

– Пойду, узнаю, а то люди бегут, солдаты гляди, как бегут.

– Наверное, отступам.

– Нет, нет, нет. Давай поезжай на передовую. Пропадём, товарищ, пропадём, понял?

– Понял, понял. Людей-то кормить бы надо. Ну, чаво делать-то чаво? Давай вперёд съездим.

– А, Кобельков, там всё спокойно, айда, поехали. Только две кухни по полю поедem.

Ладно, поехали. Подъехали.

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант!

Нет никаво. По окопам – нет никаво. Все они отступили, уж ушли, в лес туда поехали. Там помыряли, помыряли, – всё, нет никаво. Я – к блиндажу, к капитану (мы яму вообще как-то особе делали, котелок ему приготовили). Подошёл товарищ капитан.

– Я вас слушаю, товарищ Кобельков, я твой голосочек сразу узнал хорошо.

– Я, мол, я завтрак привёз.

– Товарищ Кобельков, послушай меня, милый ты мой, поезжай отсюда, отступам, только я остался здесь один в блиндаже. Отступам мы, поезжай!

– А как же кушать-то...

– Товарищ Кобельков! Я тебе ещё раз говорю: ничаво не хочу, я уж наелся. Всё, наверное, голова отлетит. Поезжай, поезжай!

Ну, я поехал. Приехали мы опять на то место. Он едет навстречу, этот лейтенант.

– Ну, чо? Я вот, мол, ездил, а вы говорили, всё в порядке. Нет ни одной души там. Подумай, ни одной души нет там. Все отступили, все ушли, ни-

каво там нет. Токо капитан в блиндаже, и то он мне сказал: "Езжай, скорей, езжай!" – Я поехал. А ты кого искал? Иль катался? Вот так вот, товарищ лейтенант. Надо с этим делом по правилу, а не так с этим делом... Вот съездил, поехал – там нету никакво. Ну, мол, понятно, не болтает капитан.

– Я был. Он мне сказал, всё в порядке.

– Не болтай! Давайте отступать.

– Я пойду, посмотрю опять.

Он был настырный. Сколько он там ездил, с час ли, больше.

– Кобельков!

– Я вас слушаю.

– Отступам.

– Проснулся?

– Вот, товарищ лейтенант, я говорю тебе: и народ, и машины едут, и пушки едут, все бегут с ружьями. А ты чаво делаешь, а? Мы тут останемся, в такой просак попадем, и всё, и капут нам будет. Подумай!

Ну, собрались, поехали. Скорей, скорей!! Доехали до Днепра. Всё, капут, чаво, девацца куды? Плоты-то тонут. Я говорю:

– Ну, как хорошо ехать-то! Да, чай, не утонем.

– Мы утонем, а они (немцы) не утонут.

– Ну, потихоньку.

Только перебрались на ту сторону... Вот всё забываю эти деревушки. Там народу-то много скопилось наших-то. Вот летят штук, наверно, тринадцать этих самолётов. Подлетели – и вся деревня горит, таки бомбы кидали зажигательные. Как упадёт, разорвалась – и горит. И опять сколько народу у нас погибло. Ну, загорелось всё. Мы мимо этого села проехали в лес. Проехали в этот, ну, там маненько собрались народа-то. Начал я опять:

– Давайте, ребята, подходите, пожалуйста, покушайте, всё у меня цело, всё сварено и не израсходовано никуда. Кто наши, кто не наши, которы ротные из каких-то там ротов, бегут.

– Давай, давай, повар, мы жрать хотим!

– Давайте, давайте!

Накормили, все свои кухни израсходовали. Ну, в лесу так остались, постояли, постояли в этом лесу. Ну, чаво делать?

– Товарищ лейтенант, поедем дальше или что?

– Давай ждать приказа. Что скажут – назад ли, на перёд ли, куды, мол. Скажут...

Только выехали из этого лесу, выехали, немец – на нас, и засёк, и попались в плен, в плен попали, в плен. Эх, сколько народу тут погубило,

мало осталось совсем. Убили нас тут много. Ну, остались некоторые, которых побиили, которых забрали, погнажи. Меня вот правда на другой день...

Плен

Нас с кухней бросили в лесу. Ну, что с нами делать, раз [если] он и сзади прёт, и спереди у нас кольцо. Ну, девацца некуда, всё, пропали. Ну, все мы тут вырвались, в лес добежали. В лесу пробыли мы до утра. Ну, сколько нас ребят с пятнадцать, больше ли ребят собралось. Куда пойдём?

– Айдайте в эту сторону. Тут какая деревушка попадётся, спросим, где, мол, сейчас немец находицца? Покажут путь, чтобы уйти. Ну, зашли в одно село. Женщина стоит у двора. Я говорю:

– Баушка, где вот тут нам пробрацца вот на свою сторону, к своим людям?

– Да, не знаю, как проберешься.

– Как так? Ты Расскажи, были немцы?

– Нет, здесь не были, оне..., здесь ни одного немца не было. Ну, вот давайте вот так, вот я сейчас вам покажу дорогу, и погодите, маненько, я вам принясу по кусочку хлеба, вы, наверно, голодны. Покуда мы этот хлеб ждали, она, подлая скотина, ведет троих немцев с автоматами. "Вот, – говорит, вам и хлеб. Закусили?" Ну, и всё. Куды девацца, девацца некуда больше, попались.

Едет машина немецкая, нас посадили в машину закрытую и повезли в Бобруйск. Там в старинно время тюрьма была, укрепа какая-то, высокое каменное здание. Эх, там сколько было нашего брата! Вот и попался в кашу. Вот я сколько был на войне: из Бобруйска в Брянск, оттуда в Германию послали в Гамбург. Када война кончилась, нас освободил американец. Поработали, а вечером нас забирали опять в лагерь, работали на хозяй. Утром встаёшь, ведут нас опять к хозяину работать. Свёклу мотыжили, морковь мотыжили. Время подойдет, урожай косишь, убираешь яво, молотишь. Вот этим делом я был занятый – работой. И били, и секли, и морили, – всё делали. Озоровали над нами. Нарочно выведут нас, какая-нибудь калужина [=лужа], ну вот, начнут над нами издевацца: ложись прям в эту калужину. Дня три-четыре не дают жратвы: "Мало работате! Вам много есть, а работать не хотите".

*Кобельков Фёдор Ефимович, 1904 г.р., с. Потьма,
зан. 11.07.1987.*

Самолёт сбил

[Соб: Расскажите, как Вы воевали]

Ну, как воевал? Ходил в наступление. Медали есть. И три ранения было. Орден Красной Звезды.

[Соб: А как Вы его получили?] Как получил-то? Самолёт сбил я. Перерыв был. Воевали ночь, а к утру успокоилось. Я дежурил с ружьём. Он и начал разведку делать. Самолёт тихо раз прошёл. Я – ничаво. Ещё прошёл. Третий раз когда, думаю: "Пусть мне башку расшибит". Как ударил яво, он и сгорел. Вызывают меня: "Кто стрелял?". – Сообщили уж. Вызвали. "Кто разрешил?". – "Сам разрешил". – "Хорошо, что ты его сжёг. Если бы нет, тебя бы сожгли. Вот твоя заслуга, – орден, значит".

Митченкова Мария Владимировна, 1922 г.р, м.р. д. Михалёво, Смоленской области, в Потье с 1954 г., зап. 07.07.1989.

«Мама только спасалась мной»

Нас было 12 детей. Я осталась у мамы старшей. Все разъехались. Отец распивал крепко. Мама только спасалась мной. И я только ей помогала. Мне уж 7 лет было, а я печку русскую топила. В колхозе работала с 11 лет: пошла в колхозе работать свинаркой. И варила, и кормила всех. Поели все травы, все мхи поели. Картошку гнилую собирали весной, ели. Давали на трудодень 200–250 грамм отходов. А в войну мы вообще ничаво не видали. Ходила в школу босая, считай, что ходила. Деревяшки их раньше звали: низ деревянный, а тут маненько кожечкой или полотном каким обтянут. В лаптях ходили.

В бураны идёшь... Меня одна тётенька спасла. Завезло вот по сих пор, по головушку.. Буран сильный был. Одна там свинарка заметила нас. Вытащила, принесла (с девчонкой мы шли). И одной мне ещё три километра идти после этой девчонки. Ну, вот. Брат подошёл. "Пойду искать, нигде нет". Пошёл, а свинарка-то: "Не ходи, она у нас. Я их вытащила, они у меня на кухне". Мама только и спасалась мной.

Война. Смоленск бомбят

Я на работе была. В колхозе. Видим: летят, летят самолеты. Никогда так не летали. Летят. И вдруг, ну, мы же не понимали тогда, грохот такой, стук. Поднимаю головы – ба, Смоленск горит! Пылает весь Смоленск. А я прибегаю: "Мама! Чо это весь Смоленск пылат?" – Но и мама не понимала. Знала, что войны были, но не понимала. Потом отец зашел домой: "Война, Смоленск бомбят".

Отец пошёл – яво не взяли. Он три войны прошёл, но на эту яво не взяли. Двух братьев взяли, и ни один не вернулся. Один был на производстве. Не знаю даже – не на наших глазах. Ему ещё было... 16 лет. Младше

меня был года на два. Яво взяли. Яво как будто в обоз взяли: будет помогать подвозить. Ну, и всё, и не пришёл. Приехали, взяли, говорят: "Собирайся побыстрей!" А тут немцы наступают. Яво увезли, боле не видали. Только что оделся – ушёл. Так мы друг друга уважали. Без одного никуда не ходили. Всё говорю, лучше б меня убили. И писем не было. Там немцы быстро пошли.

В оккупации

Они (немцы) мимо нас пройдут, впереди остановяцца. Мы – посреди. У нас не останавливались: у нас деревушка маленька была. Видела, когда проходили. Больно были злые. На ходу и девчонок расстреливали, и старушек били. Мы, молодежь, работали. Они расстреливали. С соседней деревни 12 штук расстреляли. Прямо наповал. И расстреливали полицаи – Можейкин и еще, фамилию не помню, начальники были.

Я связь имела с партизанами, признацца. У нас один был партизан с нашей деревни – Трофнов Михаил Андреевич. Яво жена рядом с нами жила. И вот я связь с ними имела. Он, бывало, придет и скажет: "Дочь, сходи, узнай, что там в Кашкурине". – Это в тридцати километрах от нас. Там и оружие всяко было, и лошади были немецкие. Ну, я пойду. И все удачно проходило.

А тут поселились эти вот полицаи, ближе сюда к нам. Я одно время иду, меня поймали – и в амбар. И передо мной они одного расстреляли. И меня в амбар: "Падла, завтра порох покушаешь на рассвете". А я с одним парнем была знакома. Они в дружеских отношениях были. Они, которые были в полиции, только разоблачали. А некоторые были вредны. И он, этот парень, знал, что меня посадили в амбар. Они подошли: "Маш, ты здесь?" – "Здесь. Сказали, завтра расстреляют". Они подучили, как говорить. "Не бойся, выручим как-нибудь". Ну, наутро пришли. Правда, выручили. Как они подучили, так я сказала. Сказала: "У меня тетенька живет в Кашкурине. Я иду узнать, она больная, как чово". – "Ты связь имеешь?" – "Нет, – я говорю, – я никакой связи не имею". Отпустили меня, не расстреляли. Только я домой пришла, а там какая-то сука донесла, что я связь имею. Только в хату я зашла, и они на порог. И один сразу вот так передо мной пистолет. Я говорю: "В чом дело?" – "Ты связь имеешь, падла эдакая!" Я говорю: "Ты не падлай меня, я перед тобой пока не падала. Что это ты меня косишь? Кто это тебе сказал?" – "Сказали, тебе нет делов, чтоб я тебе говорил". Ну и ладно. Может быть, и расстрелял бы, не знаю. Вдруг один кричит: "Мошкин! Вылетай быстрее! Красные идут!" И он тут же вылетел. И не расстреляли опять меня, опять уехали. На лошадей – и поехали. И ничаво

мы не видали. И этот крикнул, что идут красные. Не то он выручить меня опять захотел, не то чаво... Ну, вот так и жили.

Мобилизовали нас, как и мужиков. После освобождения Смоленска.

«Наши идут»

Нас раза три освобождали. Там Смоленск переходил из рук в руки. В 43-м году, это я вот знаю хорошо, освободили нас.

Мы все прятались, и по мхам прятались, по болотинам прятались. Недели три ходили вот так вот по болотам. Потом моя подруга говорит мне: "Не пойду, боюсь! Там змеи". Я говорю: "Не пойдешь? Тогда айда к нам. Залезем на подловку и будем на подловке. Если уж будут искать, только старики. Ничаво не будет". Ну, пришли мы. На подловку с ней залезли. А у нас сено на подловке. Мы за сено залезли туда с ней, смотрим в щель. Слышим, такой стон, такой крик невыносимый. Отступают немцы, мы поняли так. Хотя мы и не больно, но поняли, что немцы отступают. И идут, и кричат, и бегут, и машины идут, – чаво только не делаеца. Мы сидим с ней. Я вот так заглянула: у нас, слава Богу, не запалили село, а следующее, рядом с нами, все выпалили. И наших не слышно. Они летят дурью, наших не видать. Потом стало рассветать. Мы слезли отгудова, с подловки, боязно стало, потому, что там зажигают и все. Слезли с подругой, а я вот так вот смотрю и говорю: "Тять, – на отца, – смотри-ка, наши идут". "Да, дочь, дождешься наших". – "Айда, посмотри, наши идут!" – я обратно. Он подошел, вот так смотрит: "Да, доченька, это, – говорит, – подделка такая". Я на двор выбежала и смотрю пристально. И слышу разговор. Нет, разговор наш. Я обратно в хату, так обрадовалась. "Наши, тять, идут, разговаривают по-нашему". Они подошли и в село зашли. Пришли к нам. – "Отец, не есть ли чаво-нибудь поесть с дороги. Мы много идём". Ну, мы их покормили. У отца мёд был, все было. Накормили, напоили их. Они говорят: "Вот простите нас. Вы только соберитесь, куда-нибудь выйдите. Сейчас будет бум большой здесь. Наши окапываеца, и те там окопались". А те километров за тридцать ушли от нас, немцы. Ну, и, слава Богу, у нас только бури не было. Была така перестрелка, но не больно большая. И вот с того [времени] я немцев не видала.

Наши-то в грязи были. Их не понять: молодой или старый, обросшие все. Правда, после они у нас стояли и танкисты, месяца три. И так воины. Были и пожилые, были и одногодки. Но более пожилых было. Вот, примерно, я бы пожалела свою сестру младшую. Я бы пошла, а младшую оставили. Было много таких. Даже вот в соседней у нас деревне было. Она на личность нехороша была, и так как-то, загибая была она. А у нее взяли

сестру младшую. Хороша така, представительна. Она дома ее оставила, а сама ушла за нее. Многие шли такие стары. Были, как и я, но мало.

Мобилизация

Нас потребовали в район. Пешком шли 25 километров. Мама еще не знала, возьмут нас или не возьмут. Это нас требовали явицца обязательно в райвоенкомат. Ну, мы ходили. Нас проверяли врачи: кто какой. Нас трех с деревни брали: меня, подруга, постарше маненько меня годов на шесть была, и одну пожилую, ей лет тридцать с лишним было. Ту не взяли. Эту, когда положили на скамейку, – она беременна, девка эта оказалась. Ей говорят: "Как так? Сколь тебе месяцев?". Она говорит: "Пять месяцев." – "А где твой муж?" – "Мой муж – пограничник". А я, стол еще там, вот так себя за голову взяла. Батюшки! Она замуж не выходила, никакого мужа у нее нет, а она говорит – муж! А я говорю: "Нюр, не ходи. Я одна боюсь". Ну, она стояла. Я легла, стали проверять. Вот нисколько не хвастаю, говорят: "Как мать родила. Годная, пойдет". А это не годная – не пошла. И эта старая не пошла, не взяли. Я одна с своей деревни пошла.

Два дня нам дали, потом, говорят, вернуцца сюда, в военкомат. Ну, провожал отец, мать провожала меня. До дороги до большой, где машины ходят. Маненько яичек сварила, кусочек вот такой хлеба дала. Ну и пошла. А этот парень, который мне говорил, он больно меня звал: "Пойдем, зарегистрируемся, я тебя к маме отправлю". Украинiec он был. Я не согласилась. И, между прочим, отец не пустил. "Убью, – говорит, – кончицца война, выходи. А пока война, никуда не пойдешь". Ну, ладно. А он говорит: "Когда тебя возьмут, напиши мне письмо". Я написала ему письмо. А он далеко от нас, за тридцать километров стоял. Я два дня побыла. Девочек неделю собирали, ездили по домам. А я по-честному. Я собралась и пошла. Ну, меня проводили. Я на машину села и уехала. Дальше пошла с отцом. Мы пришли туды пять только. Никаво. 180 было. Из 180-ти пять только. Ну, мы там в какой-то избенке ночевали, нас определили. Пять дней сидели, пока собрали. Я, правда, просилась домой. Говорила: "Пустите, пожалуйста. Да приду. Я пришла уж в первый день." Так и не пустили меня. Ладно, не пустили, Бог с вами.

Потом мне мама прислала письмо, брат прислал, мать неграмотна. Он пишет, а мама ему говорила. Брат пишет: "Сестричка, миленька! Только ты уехала, мать пришла домой, села и плачет. В дверь стучацца. Мама не знает, ничаво не ответила. Я крикнул: "Да!" И Виталька зашел. Как, сестричка, он плакал, что тебя не застал. Спрашивает у мамы: "Куда она уехала?". Мама не знат, а отец яму не сказал. Он бы туда приехал, он бы забрал все равно. А отец ему не сказал, где вы находитесь. Он ночевал у нас, всю ночь

проплакал. И говорит: "Папа, ты вот пожалел, чтоб я ее спас. Вот погубишь ее. Придет она к тебе с дитём". Так и получилось. С дитём пришла. Но он нашенский был, да что толку.

«Бьюцца сутки, другие, третьи...»

От района нас направили на станцию Рудное. И мы разгружали вагоны, нагруженные. Сразу сказали: "Вот, будете эту работу выполнять. Бой пройдет, будете собирать оружие. Людей будете собирать да хоронить". Питание и оружие разгружали. А грузили чаво в ящиках, я не знаю. 180 девушек было. Жили не то в сарае, не то, скотина какая стояла, не знаю. Ну, нары сделали, на нарах так и валялись. Печку поставили такую, железеньку. Сеном, соломой покрывали. Там только бой, бой, бой... Вот страх господний, бьюцца сутки, другие, третьи. На километра три отгонют врага этого, и опять завтра бой. Только одни бои. Только сидишь и глядишь, чаво делацца. После боя собирали раненых, некоторым даже помощь делали сами. Находили в кустах. Кто платки рвали, кто чаво, перевязывали сами, пока доставят до медсанбата. Я сама два платка изорвала, перевязывала. Хоронили. Могилы большие выкопал. Где три, где четыре [убитых] лежали. А где одного. Где как найдёшь, так и хоронишь. На дощечку ставили, а сломам и поставим крестик. И подпись делали, если документ находили. А документов нет – то ничаво не писали. Потому что мы не знаем, откуда, какой. А документы сдавали, а на дощечке писали фамилию, имя.

Были в наступлении, выносили раненых, контуженных выносили. Две девчонки нас было. Откуда она была, я не знаю. Только одного боялись: идём, а вокруг одни пули визжат. В 43-м, как нас забрали – и до конца в этой части. Оттудова и вернулась домой. Это был 3-ий Белорусский. Переодевать одежду давали, а бань никаких не было. Землянки повырыли, в них и жили. В наступление пошли. Передохнули сутки, и трое суток в походе. Пол земляной, спали на шинелях. А то, как стоишь – упадёшь и спишь.

Однажды в лесу мы стояли, и зимой это было. Мы втроём легли под ёлочку и уснули. Ладно, командир роты нашёл, а то б ноги поотнимали. Стали сапоги снимать, – и кожа вместе с портянками. Командир хватился, обошёл, а нас нет. "Девчонки! Вы не замёрзли?" – "Нет". – "А пошевели-те ногами, снимите сапог". А грязь – кожа с ног, как чужая. У меня руки и ноги были, как склянки. Я как в зеркало глядела. Мы осмотрели ноги, и слава Богу, обошлось. Он с первого раза следил за мной, и выследил, что я ходила, как мёртвая. Он сел, письмо написал отцу. Хороший человек, сознательный. Он за людей страдал и переживал.

Из госпиталя – в повара

Заболела, в госпиталь попала. Кровотечение линуло так, что с ведра. После родов такого не видала. А я была действительно девчонка. Я думала, я умру. Определили в госпиталь. Две или полторы недели лежала. Селезнёва Татьяна зимой домой пришла первая, Сашка Лавренёва, она издалека. Это из подруг.

Я из госпиталя пошла лесочком каким-то. Старший лейтенант меня встретил. Спросил: "Вы откуда?" – "Лежала в госпитале. К вам попала. Никто не провожал". Он ответил: "Здесь побудете, и потом приедут покупатели. В какую-нибудь часть возьмут". Я попала в пехотную часть. Человек 50 было. Три девчонки были, а остальные все солдаты. Мы стояли в обороне, когда нас взяли. Там снайперы стреляли. У нас повара убили. Заметют огонёк, они и бьют. Меня заставили работать поваром. Недели три работала поваром, а меня и не учил никто. Но всё же кормила батальон. Лошадей убивали. Мы их отчистим, варим... И лошадину варили и рыбу, консервы, крупу, макароны. Как соображали, не знаю. Пожилые, бывало, спасибо скажут: "Молодец, дочка, хорошо стряпашь". Котёл большой, как подладица, чтоб людей накормить. Я всё: "Не буду, не буду, освободите меня, пожалуйста. Буду любую выполнять работу, только не здесь". Нашли повара ученого. Заменили.

Орден за бдительность

Я стояла на посту. Стою на посту, а сердце вот эдак забивацца, не дай Бог – немцы. Однажды стою, а наш генерал-майор идёт. Я у яво землянки стояла, кричу: "Стой, кто идёт? Стрелять буду!" И выстрелила вверх. – "Пароль? Буду стрелять в упор!" Он тут сдрейфил и отвечал пароль. Пустила. Он пошёл. Когда я сказала: "Стрелять буду в упор" – он подошёл и сказал: "Неужели бы убила?" – "Не ответили бы пароль, убила бы". Он: "Молодец! Стрелять умеешь!" – и наградил меня орденом Красной Звезды.

*Слободенюк Павел Петрович, 1928 г.р., с. Потьма,
зап. 19.07.1987.*

В разведке

Когда шли в разведку, ну, попалась нам немецка разведка – шли к нашим. Обратно стали возвращацца, они опять попадающа на пути. Дело утром было. Мы всю ночь там провели. Тогда старшина приказал: "Нас 8 человек, а их – 6. Раз попались на пути, надо задержать". С ними офицер был. Они кинулись в полустанок. Там был один железнодорожный. Они –

на этот полустанок. Мы – за ними. Им скрыцца негде. Бой завязывать нельзя. Они – прямо на чердак. Начали обстрел. А меня тогда ранили в ногу, но не сильно, по мякоти. Тут же перевязали. И дальше давай бой продолжать, Я на близкое расстояние подполз. А старшина рядом, неподалёку, в 5–6-ти метрах. А там окошко было небольшое. Ну, и что тогда получилось. Я тогда огонь открыл по этому окну. Старшина подскочил под окно. Мы думали, кто-то в помещении остался. А там не было никаво, они все стояли в двери. Последний, похоже, залез на чердак. Этим временем старшина дверь открывал, я прикрывал. Старшина вошел в это здание, и я за ним следом заскочил. А ребята там сидели, прикрывали, не давали огонь вести. Ну, и вот. Я обратно обошёл, выхожу на улицу, там ребята не дают подняцца. Я тогда недалеко отошел, шагов 5–6. Вытаскиваю лимонку – и туда, в окошко. Там уж затихло. Вокруг окружили, им больше негде [укрыться]. Старшина посмотреть хотел. Только за подловку на руках повис. Я – внизу. А оттуда немец гранату бросил. Я враз стоял за дверью. И старшине всю ступню оторвало на правой ноге. Ну, мы тогда старшине перевязали ногу. Давай их дальше шелудить [=гонять]. Зашли – и прямо на чердак. Три гранаты бросили. А там, в окошке стоит с автоматом, и не даёт им никакова выхода стрельба. Вот когда гранатами их забросали, там остался один солдат и офицер немецкий. Ну, мы их оттудова сняли, оружие сбросили и в плен забрали. Ну, мы их когда в часть привезли, их – в особый отдел, в штаб.

Чо дальше было, не знаю. Меня сразу – в санбат.

После победы

Когда объявили победу, кто чаво, кто с автомата. Все обрадовались. Но это обрадование было плохое. Они ещё много по подвалам попрятались. У меня брат там погиб, он радистом был. Я в одном полку был, он в другом. Ну и в подвал спускались. Ну его оттудова. Там полно немцев было. Ну прям в лоб ему. Там же и схоронили в братской могиле.

Ходили по лагерям. Ребят, которых в Германию увозили. Один лагерь мы нашли, осмотрели. Курт какой-то держал его. Он сам был хирург, академик. Он учил их, чтобы они не хлеб ели, чтоб траву, как скотину пасти их. Они работали. Кто не выдерживал, там крематорий был, всех сжигали. Сколько их было!

Два брата погибли, а я один остался. Ну а мать-то... когда в Днепропетровске был, я ездил после войны насчет родни узнавать. Мать на казни замучили, на пилораме. На пилораму и пропустили. Прямо к бревну привязали, начиная с ног и кончая головой... Вот каки жестоки были. Когда немец отступал, там ГЭС была. Мирных жителей согнали: стариков, калек.

Там мост стоял в три яруса, машины, шли, лошади, пешеходы. Загнали с обоих сторон, проволокой окрутили и взорвали всех жителей.

Степанов Фёдор Николаевич, 1926 г.р., с. Потьма,
зап. 14.07.1987.

Борьба с бандеровскими бандами

В (19)43-м взяли прямо за границу. Мы учёбу прошли, – и на Украину. За Климом гонялись, за бандой. И с бандами, с бендерами Клима-то боролись. Вперёд днём ездили, а потом и днём, и ночью. И всё село помогало, защищало. Они же все украинцы. Там ещё зверей было. Нам вредили. Своих, кто нам помогал, отомщали. Придём, дадут попить, и то отомстят хозяевам этим. Их не одна банда была. Сотни. Все жители могли быть бандой. И бандой ловили. И нас шуровали крепко. И кубанских казаков прислали на помощь, с фронта. Откуда узнашь, наш – не наш. Идёт по селу... Они приспособились, все с документами. Днём живёт, пашет, сеет, а ночью мстит.

Там не улицы, дома разбросаны. Наш офицер пришёл оттудова, как лунь, белый. Яво как испытывали: посылали разведовать. Он как резведовать из другой банды, как бандит. Он нам сведения сообщает. А как увидел, что разоблачают, – к нам, двадцатипятилетний, весь белый. Выбирали таких, чтоб не проговорился...

Суслин Михаил Сергеевич, 1911 г.р., с. Потьма,
зап. 08.07.1987.

Разве на войне легко?

Разве на войне легко? Мамы нет, койки нет. Война есть война. Неделями не спали. Были большие переходы. На ходу спали. Грохнеца человек ночью. Подымали. "Идти надо! Идти надо!". Пришлось воевать. Вот и прожил. Отпустили по ранению. Дали бронь в МТС.

Просин Владимир Николаевич, 1924 г.р., с. Потьма,
зап. 14.07.1987.

Ночью – разведка, днём – бой

Я в 40-м году взятый в школу ФЗО. В Кротовке учился на шофера. Нам всем было слышней, когда война началась. Мы работали на станции. Смотрим, все поезда идут под брезентом. А нам известно, что там пушки

стоят. А зима – 42 градуса. Из дежурки выходишь, поезд обследуешь – и назад. Нам эта война всех вперед была известна...

В армию взяли 23 августа (19)42 года. Станция Кротовка, авиаполк. Три месяца – курсы.

Когда под Белгородом самые сильные бои были, он нас не допускал на машинах. Мы занимались подготовкой к следующему бою, к следующему рейсу. Ночами ехали, свет не разрешали включать. Делали разведку. Ночью бой вести нельзя: я тебя убью, ты меня убьёшь. Я даже два раза на машине перевёртывался. Дорога была под уклон. Продовольствие доставляли, боеприпасы. По четверо суток не питались. Ни с той, ни с другой стороны не давали подхода. Он жёт и жёт.

Не было свободного времени. Если я пробуду десять дней в бою, нас выводили из первого эшелона во второй или в третий. Ночью разведка, а днем – бой. Вроде для отдыха – побрицца...

Вот Орёл, там были повешены дети, вешали годовалых детей. Всё равно... Он гнал всю молодёжь в концлагеря, в Германию. Он всех туда, всех...

Меня ранило при бомбёжке. Из города Тулы вёз боеприпасы. Когда заехали в местный лесок, над нами пролетел немецкий разведчик. Потом два самолёта везут бомбы. Команда: "Разогнать машины!". Мы разогнали в стороны, и они начали бомбить, и при этой бомбёжке меня ранило. В госпитале представители с завода набирали специалистов, а я жестянщик, и плотник, и столяр.

Вот нас и увезли в Москву, поселили в общежитие шесть человек. Работали в оздоровительном батальоне. Кормили хорошо (гражданский плюс оздоровительный паёк). Награды есть юбилейные.

**Трифонов Иван Филиппович, 1914 г.р., с. Потьма,
зан. 12.07.1987.**

До войны

До войны, чаво тут, значит, до войны я остался, если так сказать, про себя, я остался пяти лет без отца. Отец погиб в семнадцатом году на фронте. Ну, тут единолично хозяйство было. Я как раз... вроде подросток маненько, пошёл пасти. Пасты, а зиму до войны, маленький ещё был, ходил в работники – лапти плели. Лапти плетёшь, и даст [хозяин] какие-нибудь штанишки и рубашонку за все шесть месяцев, зимой-то. Вот так жили. Потом на тридцать третьем году колхоз образовался. До колхоза я ещё плотничал ходил. Потом в колхозе... в колхозе, чаво мы тут делали: и пахали, и зерно возили на Вешкайму на хлебопоставки. И тут на трудодни не давали, так как-то пе-

ребивались кое-как. Ну, всё-таки тяжело нам было. Потом уж я в тридцать третьем трактористом пошёл.

Два года в колхозе работал. В двадцать восьмом колхоз образовался наш. Два года проработал – ушёл кадровым [военным]. В кадровых я служил в танковой части. Пришёл домой (я на монгольской границе служил), пришёл домой, тут я работал шофёром в колхозе. Так проработал я в колхозе до войны.

Подъехал ко двору, – и, пожалуйста, – извещение приходит – двадцать второе июня.

На Ленинградском фронте. Блокада

На третий день, двадцать четвертого нас взяли. Нас сразу взяли и бросили на Ленинградский фронт, в саму блокаду. Я все три года там просуществовал. Двести двадцать один полк наш был. Крупнокалиберный ДШК. У меня было шесть машин в этом батальоне.

И само трудно, девчонки [обращаясь к Соб.], было – Ленинград. Само самое тяжёлое вот – это блокада. Вот, что кажут в кино, что возят на себе – да всё ведь до капельки точно. Ну, хлеба – ясно... Я вот малоедливый. У нас шофера в моей же вот [части], нас шесть-семь человек. Глядишь – загибаша – загнулся, помер... Шофера же вместе ведь пайки получали. Некоторые-то потребляли много пищи, вот. Это хуже нет было. Съел – снова есть хочу. Ну, чаво есть-то...

Раз один случай такой. Овраг вот – глубже этого оврага [показывает] и выше. Вот, как обрывом. А на той стороне-то, это ещё в Ленинграде, а на той стороне-то капусту садили, это уже осенью сорок четвертого – сорок третьего года, наверно (год вот забыл). Наверно. Да, капуста.

Там стоят в саду солдаты. И мы с автоматами идём. Дураки-то какие, а? Откуда там знают, что это идут наши солдаты? Ладно. Чаво делать? А сами идём, боимся. Ну, а мы стояли от этой капусты примерно как вот до тех, с полкилометра. И ладно... "Давайте, ребята, сделаем шест длинный с крючком. Из оврага-то – раз, – кочен к себе. В овраг скочишь с ним..."

Вот есть такие банки из-под повидла белые. Полну банку намаринуешь её, накипятишь, она уварицца, уварицца, – и всё сразу съешь. Вот какой голод был.

Ну, по-тяжёлому ходил я, откровенно я скажу, раз в месяц. Вот какой я работник.

Идёшь – тяжело винтовку таскать. Мы во втором эшелоне стояли. Вот где наш батальон был, побольше добавили, а нам – триста грамм. Похлёбка. Похлёбка вон, как, ну, как забелёна, когда забелят молоком. Вот и всё...

Но солдаты, надо прямо сказать, делали всё, что могли, даже свой кусочек и то... Вот один раз стоим мы за своим пайком, за этой бурдой. Оне подошли – девочка и мальчик, вот такие, ну, прямо тень заgrabна. Ну, как это, чаво тут. Оне еле говорят. У них родителей нет никак, наверно. Ну, дашь им кусочек – сам голодный будешь. Вот так было дело. Военные относились к гражданским очень хорошо. Всё, что просили граждане, всё это делали...

Переправа

На переправе мы были, когда блокада была. На переправе через Неву. Их семь переправ было. В семи местах. Ну, и верите – не верите, как отсюда вот до Голошубихи [соседняя улица в селе] сутки шли для того, чтоб... кто тащит сухари, кто боеприпасы. На машине доедешь, а дальше, где ползком, где как... Вот я вместе – шесть ребят со мной, я – шестой. Вот какие были случаи. Ударил [снаряд], рядышком были мы... Лясок, весь оббитый, как конопель. На земле рука треплещца... Яво нет человека, яво завалило сразу, только рука вот так, как плеть, бьётца, видно только ударило яво. И кто знат про няво – без вести пропавший...

А мы заехали в сторону. И всё-таки нашли свою часть, прошли по траншеям.

Шли мы ночь, и попали к связистам. Зашли в землянку – связисты. Я говорю: "Я заплутался, не знаю, куда идти. Ночь, она и есть ночь, чёрт яво знат". – "Ну, – говорят, – мы жас пойдём проверять связь как раз на обувную фабрику". Фабрика обувная разбита была. А от фабрики я уж найду дорожку-то. Ну, я с ними дошёл, только они мне сказали: "Вот".

Я подошёл, батюшки! А он [немец] только пробомбил, мои товарищи попали под бомбёжку, шофера. А я сзади, я заплутался в траншее-то. Ну, вот, верите, обвели понтоны, лодки эти, мы их, понтоны, наладили – по ним танки проходят.

Значит, настил делают. Подошёл, гляжу, стоят шофера. Ну, шофера мы и есть шофера. А там вот так [показывает по горло] болота. Поперёк дрова, лес клали, не вдоль, а поперёк. Тина. Но там всё-таки почва есть: железяки вон сколько. И вот как сейчас помню, вытаскивают раненого и спрашивают: "Откуда ты? Чаво ты?" А он раненый, ещё весь-весь в тине. Как не задавило его? Попал под машины – и вытащили ребята. А тут нет медсанбата. Эти, прям на передовой, санитарки были. Его туда – в санпункт. Оне [раненые], как черти. Там его обмоют, может, он и жив останецца... Вот как были случаи-то.

А я прихожу в свою часть, это к своей землянке подхожу, а они: "Ну, вот, а мы считали – тебя убило".

Я говорю: "Бомбил враз, была бомбёжка, обстрел был, мы попали в няво". – "Думали тебя нет, ты сзади был нас, вот и отстал".

А один раз я попал, было, нечаянно... не убило бы, а сварило бы. Сидим, кто это, повар у нас женщина была Настя-то. Сидим. Вот он и начал жарить. Ну, а эти ребятки, как мырнули в землянку-то, как крысы. Вот. А я, не знай, растерялся, не знай, чо... как эта яма вырыта под кухней, котёл замаскированный. Я в эту яму-то около котла и лёг. Ну, в котёл бы попал осколок – сварило бы. Там кипит десять вёдер. Вот как случает. Это вроде от страха глаза страшат, что ли...

Старшим шофером был. Перебрасывали. Сегодня в одном месте, завтра – в другом. Моё дело – организовать, перебросить войска – человек сорок, вроде батальона, и в яму зарыцца [спрятать машину]. Вот так. Становись, где воронка большая. Копать-то нечем.

Через Ладогу

Через Ладогу ездили мы вот как: от берега лёд отстал, сколько тут, и мырнешь тут. Наклали досок. Специальны люди были. Доски кладут. Проедешь тут, а там глушители отнимаешь. Тут же вот сколько воды по Ладоге-те. Всё-таки ездили. Везли, кто боеприпасы, кто продукты.

Я большинство был тут, у Ленинграда, потом на етим, ну, вот забыл город под Ленинградом-то... Колпино. Вот мне хотелось туды съездить: проехать по той дороге. Вот там усть-ижорский автозавод, тракторный завод есть. Мы как раз под нём стояли. Вот завод, а мы от нёво, наверно, метров триста. По заводу-то хлыщет, хлыщет, хлыщет, хлыщет. Да по нам начнёт. Равно ведь, как суслика выселили из норы. Ну, шофера и есть шофера. Наше дело – команду дали – к бою боеприпасы перевести. А когда нет – вот така яма, это траншея там, блиндаж, окопы за ним. Вышли, а один у нас был московский парень, уж больно чудак.

"Чарли Чаплин". [К соб.] Кино видали кто-нибудь, девчонки? Вот он так себя представляет. Немец бомбит, а он: "Перелёт!" Другой раз: "Недолёт!" Ну, и только... Он, как чуть: "Перелёт и недолёт", "Перелёт и недолёт". Вроде высмеиват немца. Потом как он только нас жажнет в метрах пяти-десяти. Мы все – раз – туды, а не пролезем, и только ноги торчат вверх. Ну, ясно... вот давайте пять-шесть человек в эту дыру. А после ведь никак не вылезем, головы там, а ноги-то вверх. И Чаплин с нами. Смеялись над нём: "Чаплин! Опять перелёт-недолёт!".

Дорога на Курскую дугу, на Большую землю

И уж тут в сорок четвёртом Курска-то началась [битва на Курской дуге]. И как попал я? Нечаянно попал я.

на Большую землю

Услыхал, что на Большую землю командирова. Старший сержант мечеца, говорит так и так: "Трифонов! Подготовь хорошенько машину". Потом, – говорит, – это... на Большую землю. А на Курску или куды, я ведь не знал. На Большую землю – и всё. Там маленькой не было.

Ну, и... я со своей, как говорица, смекалкой, гляжу, машин тыщу на нашу базу привели. Пряма, как отсюдова и до лесу [показывает в окно] стоят машины в два ряда. Военны техники ходят, принимают их, эти машины. Я гляжу, они каки-то... (ну, я всё-таки с тридцать седьмого года шофер. У меня опыт какой был). Гляжу, принимают. Моя хуже машина, а эти лучше – их не принимают, – плохи машины. Я молча стою. Подходят. Я завёл её, машинёшку свою. (Знаю, что хочецца вырвацца, ведь голодный... Что там – триста грамм хлеба в день).

Я завёл – она работат, машина-то. А я знаю, что у неё там ни прокладок, – ничаво не было. Ну, этот [техник]: "Сколько нужно бензина? Сколько пройдёт машина?" – Я говорю: "Хоть десять тыщ [километров]!" А ведь далеко тут: с Ленинграда ехали через Москву, Тулу, Серпухов, – вот по этим местам.

Тут меня взяли комвзвода, и дали двадцать пять машин. И до Курской дуге я их довёл, эти машины, – в село Жердево, Косаржа, – запомнил.

Неожиданный случай

И вот неожиданный у меня случай был. Еду я, боеприпасы вёз. Овраг, долину-то направо от речки переехал – там деревушка, вот как на той стороне [показывает] порядочек. Что такое? Остановился. Тут я машину остановил, что такое, что за крики? Под землёй крик-то. А она [земля] вся тлееца, трубы торчат. Ну, трубы стоят, а дым ещё дымицца... Что такое? А она, женщина с двумя детьми в погребе. Она думала – немцы. А ведь это мы пришли. А она всё сидит с двумя детьми: "Я думала, немцы". А она там три-четыре дня сидела. Вот как бывает. И как горело, а ведь не сгорела. Всё творило сгорело, а туды дыма не попало, видно, не задохнулась...

Вот ещё один случай. Это уж мы на Курску дугу приехали, в сяло, в город Ливны, есть такой. Приехали... на Курску дугу-то, это уж как отъехали от Ленинграда. Ну, кое-кто в кабинке лёг, кто где устроился погребца. И вот на станции нагрузили мы эту... ну, кашу – греча и всякие концентраты. А

голодны. Тут уж стали давать нам... Да где там! То кухня отстанет от нас, то мы отъехали: "Стой, ребята, стой!". У каждого такая баночка со спиртом, чик! – её зажёт и подогрешь еду-то. А есть... досыта уж этой каши наелись. Ну, полна машина продуктов. Как не есть-то. Приехали в Косаржу.

Видите, как это было всё тяжело. Ведь сейчас бульдозеры, скрипера ходят, а тогда – ничаво. Женщины, мужчины, солдаты ращипали дорогу зимой-то. И вот тащат пушки на себе, пулемёты на себе. Дорога вот так ухабами идёт. А солдатам-то что за трудность – с ним яво автомат, наган, – всё оружие. Как только мырнёшь в эту ухабину, по снегу-то – и ящик – фьють, свернут оттуда [из машины]. Приехали в Косаржу (я последний, замыкающий). Да, приехали. "Слушайте, товарищ командир, надо что-то делать. Мы, – говорят, – что делали: нас научили. Они там ящики-то взвешены. Скажем, сто дали ящиков. Ну, тут чаво. Мы тут их стали резать, колотить – и раскидали по машинам-то. Ну, утащили у нас побольше у каждого-то".

Стрелять-то ведь не будешь, как же, ведь свой солдат голодный. И так сдали это всё, все эти продукты. А мы боялись, почему боялись? Там за триста грамм в Ленинграде-то вот при моих глазах одного расстреляли. Выставили яво, за триста грамм... я триста грамм получаю, и ты у меня стащил. И яму... тогда указ был – расстрел за воровство. Солдат, русский солдат. Вот, мол, ты б у меня взял, или я у тебя взял триста грамм. Ведь хлеб-то он весь в минутку в кулак жмётся. Какой там хлеб: всяки шмётки, всяки, и всё-таки хлеб...

Вот я, когда мы растащили машины, боялся, потому что на глазах расстреливали. А тут нет – нас помиловали.

Приехали в Косаржу.

Рентген-техник поневоле

И мы стали машины разбирать по частям. Подходит майор ко мне (у нас осталось шесть машин, девятнадцать отдали): "Товарищ Трифонов, надо мне хорошева шофера. Прислали машину рентген-аппаратуру взять. Нам надо хорошева".

Ну, там в Берлине [в конце войны], какие были шофера? Ну, пять-шесть месяцев проучат его скорей, водит – и ладно. А ведь это ж... Ну, я говорю: "Я поеду. Возьмёшь меня?". Спросил. Так, шутейно спросил: "Айда. А чо за организация, кака часть?" – "Вот, – говорит кака: рентгенолог-врач, рентген-техник, санитар и шофер – вся бригада". Лафа солдату тогда. Ну, пришёл. Свою машинёшку я сдал этому майору. Он принял. В общем, до Восточной Пруссии я дошёл на ней. Этот майор, – не к нему я попал. А

попал я в другую станцию. Две станции в армии было этих, две аппаратуры. Ну, вот... попал на втору станцию. А тот, который за мной приходил, майор-то, он с жаной был на фронте. Жана с нём, она майор тоже была, терапевт, по медицине.

Вот попали. Шофер попал... ну, что, с булызиной [=болван, неуч]. Так и есть, что с булызиной был. И рентген-техник попал, по-моему, я после знаю, что самозванец. Высказался! А в тот момент-то чуточку соображал и всё. Ну, и майор-то в технике ничаво ведь не понимает, ну, что он – медицина. Ну, чаво, что скажут яму, то и делат. Они разбили всю эту американску аппаратуру-те, и движок расколотили. Я пойду к ним, подремонтирую кое-как. Ну, чем? Ведь нет запчастей-то, нет, она не наша. Он бился, бился с нём [с техником], стал просить: "Дайте мне, – мол, – такого человека, иначе ведь я пропадаю. Станция стоит, больных, раненых много. А одна станция не обеспечит ведь". Ну и меня перевели туда.

Тут уж тут, в Курску дугу-то, это ясно – по госпиталиям. Всё, сразу всё с себя. Пять раз скидал... Худоба. Я тут попал в госпиталья-то – легче [чем на Ленинградском фронте]. Ну, бомбят... наше дело, чтоб нас бомбили. Пробомбят – и рядом, может – не попадёт...

С этой рентгеноаппаратурой ведь так и дошёл до Берлина. Да, до самого Берлина я с ними работал... А вот этот, с кем я работал, он капитаном был, моих лет рентгенолог. Он учил нас. "Вот, – мол, – дескать, рентген-техника убьют (а всё время десять, пятнадцать, двадцать километров от передовой стоял полевой госпиталь), кто его заменит? Надо снимки делать, снимки и аппаратурой занимацца". Вот он нас учил. Я ругался с нём. На кой, – мол, черт мне занимацца этой рентгеной? Ну, я – неграмотный, неучёный. Я практически понимал, знаю, всё знаю. И научился. Ну, тут меня перевели на другую станцию. Перевели. Только перевели – мотор лопнул, коленвал полетел вдребезги.

Крупнокалиберный ДШК мотор тот же. Вот наехали полковник, подполковник: "Как же это? Аппаратура американска, а ты, – мол, – тут движок сделал", – это они же говорят. А я думаю: "Кака радость-те, обороты-то одни и те же". Ну, не соображают. Да, а меня смех берёт. Ведь, кака радость-то! Ну, я пришёл, пустил яво, запустил, подошёл к пульта управления, как обычно.

Майор глядит, этот Сергей Маркович, рентгеноскопию делать. "Ну, как?" – "Маловато току, маловато". Я подошёл, гайки подкрутил – больше оборотов сделал. Мне ведь это легче пустяка сделать. Да что ж вспоминать. Ну, и хорошо, – говорили. Снимки – надо больше оборотов, больше току. Ну я..., а они стоят, все дрожат: дескать, щас сожжёт всю аппаратуру (она

ценна очень – не наша). Ну, тут, а чаво я её сожгу, чем я её сожгу – нет ничем. "Нет, – говорит, – Иван Филиппович, маненько ещё надо, маловато". Снимки-те делают – маловато. Я ещё подключил – и пошла работать! Работат и стала работать. Только закончил, с неделю проработал, – замучился. Неделю ремонтирую – неделю работаю.

Подходят с Ленинградского фронта свои, мово взвода ребята – подвезли раненых.

– Здорово!

– Здорово, здорово.

А он в ящике был, мотор этот.

Подходят:

– Эх, а мы, – говорят, – чёрт, – да, выругались даже. – Мы, – говорят, – замучались возить эдакий мотор.

– Как замучались?

– Хуёвый мотор, никто у нас его не заведёт.

– Эх, ёлки зелёные!

Я тут же майору докладываю: так и так. В этом госпитале, мол, то, что нам нужно. Двадцать-тридцать километров ехать.

Тут же снимаю машину с колодок – и на этой будке [рентгеновской] туда – за нём. И вот и доработал на этом моторе, до самого до Берлина дошёл. Так, наверно, и остался с этой аппаратурой...

Вот так и попал я тут рентген-техником. Прямо нечаянно.

Вот он и научил, как бы сказать, он правильно говорил, что ведь убьют техника, кто заменять будет? А это было. Скоко нашего брата-то... Ну, я и научился.

Когда меня перетащили на другую станцию, к майору-то этому, у них двигателя-то не работают. Всё ж я менял двигателя. А сам он [рентген-техник] халатно относился. Бывало, как придёт раненый критически, – скорей, скорей – раз, раз – яму снимки сделают, – куды-нибудь в хирургичку, в операцию ли. А техник – детина, на голову повыешет меня, здоровый вот такой (я б яво палкой бы убил за этих солдат). Ну, один человек, дело-то было в Восточной Пруссии, он – солдат раненый... Ну, майор говорит, рентгенолог-то: "Ну, снимки-то сделаете". А уж инея была. Ну, а на носилках, что там – ни подстилки, ничаво ведь нет. Инея была утром. "Я пойду позавтракаю, а пока вы снимки делайте," – технику говорит.

Ну, мы сидим, обедам. Санитар мне принёс котелок на двоих. Техник спрашивает: "Ну, зачем мне яво [снимок] делать?" Спрашивает солдата: откуда родом, то да сё... Да чаво уж тут: скорей, скорей, да эвакуируй их.

Майор-то идёт, я гляжу на него, идёт с завтрака-то. И побелел. Больно уж расстроился, век вот так не ходил (он сам из Курска, я ездил к нему туда). Вот. Как крикнул он: "Тут же снимки! Снимки за полчаса! За полчаса мне снимки сделать!" Потом пошёл он, проявил этот рентгенотехник. Я фамилию не знал. Даже, может, знал и забыл.

Потом гляжу, будка эта на машине-то [передвижной рентгенкабинет], он [врач] он открыл дверь, его [техника] как тяпнет. Он – брык из машины-те, – майор-то его ударил. Расстроенный, ну как это так: раненые бойцы, ба, они только пришли из медсанбата, их привезли только первую перевязку сделали, чо у него – тут осколки, там осколки, а ты его спрашивашь... И тут через каких-то полчаса – смерть.

И яво убрали, и меня поставили рентген-техником. Вот я говорю, попал по нещастью... Ну, способности есть, что мне не работать, мне, чай, всё равно. Сам всё делал. Вот, где уж щас я эти... экспозиции позабыл, любой зуб, любой глаз...

Глаз только смотреть – шесть снимков делать... Вверх, вниз – два, вправо – три, прямо – четыре, влево – шесть снимков. Это один глаз. Дело-то такое: у него – тут вот [показывает на лбу] всё распухло. А когда он так-то вот делал, когда ему говоришь: "Налево, направо гляди", – он, нерв-те глядит там. Ага, раз смещался – значит, глаз целай. Дескать, ничаво нет в нём. Вот так врачи учили-то. Такой порядок был.

Ну, и привезли генерала. Толстый чёрт, здоровый... Майор-то и говорит: "Ну, уж ты, Иван, сними снимки-те". Он меня оставляет одного, и я снимки делаю и проявляю яму. Он придёт – прочитает, знат он, откуда куда, кака нить идёт. Это не наше дело, не моё дело. Ну, вот. Генерал-то – вот такой дядя здоровый: тридцать шесть на тридцать плёнок положил кассет-то. Дал ток, да, видно, жир-то не пробил яму. Он встаёт, я говорю: "Товарищ генерал, плёночка маленько испорчена". А я слабо дал току-то. Мало. Жир-то, вон он какой жирный-то. Ну, он мне говорит: "Ну, чаво, товарищ доктор", – я сам себе думаю: "Какой, чёрт я – доктор, Иван – я!"

Ну, в этот момент майор пришёл. Ну, тут я снимок другой сделал. Снимки я уж знал, как делать. Дал яму точный свет, да как фотограф там, принцип один и тот же. Майор приходит, я яму рассказываю: "Вот, – говорю, – я попал в доктора". Ну, ведь в халате, кто яво знат...

Санитары безобразно относились к раненым, к мёртвым, конечно. Вот тут вот, так вот у забора моя палатка была, наша рентгенологическая. А тут вот выкопали яму оне [санитары]. И вить оне [мертвые], конечно уж сини все, разложёны. Это было в сорок..., да в сорок четвёртом году, я на рентгене ведь работал. И вот – и берут, и кидают, кто вверх, кто вниз головой-

то, кто как. Я подошёл, как меня жуть взяла: "Эх, вы, подлецы, ну что вы делаете? Неужели нельзя положить всех головой кряду и потихоньку туды свалить в эту могилу, не в могилу, а в яму-то". И всё. Встали ребята, послушали меня всё-таки. А их было этих раненых (это село Косаржа) ведь больше этого сарая в нашем госпитале, больше вон того сарая [показывает].

Наш врач – хороший мужик был. Замечательный. Вот он офицерский паёк получал, у нас ведь, кто в рентгентехнике, тот – офицерский. У нас ведь тока два солдата да санитар. Он нисколько... – ешьте, – всё давал. А этот техник, Базилевич-то, этот-то не давал. Один санитаришко и стащил у него кусочек. Будка-то [где находился рентгенаппарат] большая была, в кабине-то. Вот он туда нанёс. Он там и прятал, сухарики всё складывал. Он глупый ещё, молодой мальчишка-то (у меня где-то фоторафия есть). Ну, и взял эти три, может пять, сколько он их взял... Ну, вот тут же его уволили из-за сухаря.

С нас ведь требуют... И там же така история-то. Когда я попал, стал налаживать всё это, рентгенаппаратуру, он [врач] рад не на рад [не нарадуется], и она [жена врача] рада. Один раз юбилей нашей части был, это в Восточной Пруссии, по-моему, было. Пошли мы, вернее они все эти сёстры, ну, прислали начальство, сёстры которых. В общем, много, человек тридцать-сорок, наверное было, примерно так. Ну, вина было... Сергей Маркович – это, я с нём сижу. Она говорит: "Не давай, не давай мне вина-то". А он нет – раз... Потом жена видит, и она оттуда мне даёт: "На, стаканчик, Иван Филиппович". Они меня Иван Филипповичем звали. Ну, и я... как сейчас помню, вдоль речки идти-то мне, никак не идут мои ноги, никак, никак не идут. Утром встал, раненых несут. Тогда осень, помню, как встал с похмелья, ну, мне чаво тут...

Ведь не пил вино-то. Он [врач] не даёт похмелища – нельзя. Ну, как это: раненых будешь укладывать, а от тебя пахнет! "Иди, – говорит, – чёрт, иди походи хоть по улице-то, по саду-то". Не забуду я, простой мужик был. А она нам каждый праздник, какой праздник бы ни был, принесёт нам то платочков, то ещё чаво-нибудь. Вот она нас ругает. Ну, мужчины, мы и есть мужчины... Она женщина: то у нас тут грязь, то чово. Иной раз в ихем госпитале придёшь, к ним придёшь, вот она тоже в полевом госпитале была. А иной раз рядом где-нибудь – она приедет. Ну, она мало ездила, редко. Большинство мы попадали в их госпиталь.

Власовцы

Вот опять случай с немцами. В каком городе, я уж забыл, стояли. Я приехал в этот город, только приехал. Вот колонну немцев, не знай в Восточной Пруссии город, уж забыл. Вот ведут колонну немцев, человек двести, на-

верно, не больше. Наши солдаты ведут. А там немцы и русские – власовцы. Оне, только, только бой прошёл, оне кричат: ”Давай, Иван, схватимся, – говорят, – Ты – Иван, и я – Иван”, – власовцы-те. Только доехали до нашего госпиталя... И все ранены, кто с коклюшкой, кто с рукой [раненые], и вот эти ранены-то, кто мог бить коклюшкой – ни одного немца не ударили, ни одного, только власовцев. А эти власовцы нашего брата вот как лупили, и ни один, никто не подошёл и не сказал: ”Что вы делаете-то?”. Раненый-то так изломат коклюшку всё – во как бил.

”Ты, – говорит, – пёс, давеча кричал мне: давай подерёмся. Вот, – говорит, – теперь-ка иди!” – власовцу-то. Он сколько сдал, пёс! Ну, хоть бы одного немца ударили, хоть бы одного – нечаянно. Ведь вроде тоже – враг. Ну, по сути дела солдат солдату-то не враг. А вот нашего брата лупили, русских-то. И на самом деле – псы. Ну, ты уж попал на передовую, – стремись удрать-то, если на передовую попал. А ведь он кричит. Вот какие истории-то происходят...

«Иван с Волги...»

Победу уж в Берлине встречали. Вот, и в этой станции майор Василий Иванович, помню, рентген-техником с нём работал. Вот он... Яво в Россию отправляют, части расформировали. А меня оставляют в Берлине, в оккупационных войсках в Германии. А он нахватал этого барахла: мотоцикл у него был, баян был. Нахватал этого барахла, а тут приказ: всё оставлять, ничаво с собой не брать. А яму, видно, жалко. Я что-то на это не обратил внимания. Он говорит: ”Иван Филиппович, давай меняцца – ты, – говорит, – в Россию поедешь, а я в Германии останусь”. Я думаю, а мне не всё равно, что ли? Ещё лучше. Надо договорицца с автоуправлением армии. А там полковник начальником.

Я с яво шофером подружился. Он: ”Надо, мол, нам шофера. Айда, Иван, я скажу батё”. Батей мы его звали. Приехал, да, видимо, на счастье. Да как же это – пришли в штаб. Надо ведь до начальства договорицца, как это так – меняцца-то, ведь приказание есть. А он [шофер начальника] приходит и говорит: ”Так и так, Трифонов уходит, не хочет работать”. Ну, вот я ему и говорю, мол, согласен меняцца. А он – никогда не забуду эти слова: ”Ты что, Трифонов, какая радость здесь служить, всё же не война, всё равно где служить”.

А я говорю: ”Товарищ полковник, я ведь не рентген-техник, – я говорю, – я – чистый шофер – Иван с Волги”. Он глаза-то вылупил: ”А как же ты у нас работаешь? Вроде ты, мол, в должности офицера”. А мне и не платили ни хрена никакого, офицерские. Прямо ничо не платили. Вот. ”Ну, раз ты так хочешь, – пожалуйста. Меняйся”. Ну, этот остался на рентгентехнике, а меня перевели в эту часть. Принял легковую машину и уехал. Ну, как тут ещё... Послушайте, я тут рассказываю. Это говорицца быстро – долго дело делацца.

Я и ушёл к этому полковнику водить... Доехали до Чкалова. В Чкалов наши части приходят. Из Чкалова уж я демобилизовался домой.

с. Большое Станичное

Макаров Пётр Федорович, 1905 г.р., с. Большое Станичное, зап. 10.07.1987.

Смерть командира

Попал 2 августа (19)41 года на войну. Пригнали в Пензу. А землянки, как конюшни, земля мёрзлая и воды по щиколотке. Я беру свой язык и иду в миномётную команду. Пришёл и говорю: ”Я хочу учинца миномётному делу и идти на фронт”. Записали меня в 103 запасной стрелковый полк. Старшина полка вредный был. Вызвал нас и выстроил всех, и все мы стали свои вещи складывать. Подходит командир полка и давай матом ругать старшину, мол, как ты смеешь обижать солдат. Ну, а потом погрузились и поехали под Смоленск.

В (19)41 году 27 декабря впервые я увидел «Катюшу» под Смоленском. «Катюша» вышла, дали команду разбить вал, она разбила, и пошла пехота. А я ”как артиллерийский разведчик” иду впереди во Второе Фомино [название населенного пункта]. Там много нашего брата полегло, и друг мой Роман Тарабарин – курский соловей.

В (19)42 году 5 сентября вступил в бой под Сталинградом. Немцы самолёты летели с задания пустые, а мы за 5 минут быстренько окопались. Самолёты вернулись, а тут пусто уже. Но командира ращота моего убили. А я повёз его в медсанбат, а он и говорит: ”Товарищ Макаров, дайте попить”. Он у меня на руках и кончился. Ох, жалко было, хороший был мужик...

с. Большая Кандарать

Бутяшина Анастасия Семёновна, в девичестве – Ильина, 1923 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 13.07.1989.

Дорога с Дальнего Востока

Я была на Дальнем Востоке сестрой завербована. Это до войны. Война застала меня на Дальнем Востоке. У сестры было двое детей маленьких. Муж у неё ушёл на фронт, когда она рожала. Она родила ещё третьяво. И мне яво семидневного дали из больницы. Сказали: ”Вот вам даём се-

мидневного малыша, и вы должны яво воспитать. Я говорю: "Что она померла?" – "Очень долго ваша сестра будет лежать в больнице". И я взяла семидневного и я яво воспитывала. Молочка покупала. Ну, и чаво делать? Вызывают меня в больницу. Прошёл месяц. "Вот чаво, деточка, ей не климат здесь, надо на материк. Вам придёцца отсюда убиратца, иначе она не будет жить". Я и говорю Лизе [сестре]: "Лиза, вот такие дела". – "Тая, а на чаво мы поедем?". Я говорю: "Ну, почему? Чаво-нибудь придумаю". Я работала электромотористкой. Я прихожу, поплакала немного и говорю: "Чаво я плачу? Дети. Трое детей. Кто же поможет, кроме меня?" Картошку мы корчавали. Тайга-то – Дальний Восток. Девчонка глупая была. Я и говорю: "Ну, и что? Картошку продадим и поедем". Тогда карточная система была. Продали, собрались и повезла я её, сама пятая. Это в войну. И только мне было, у меня, помню, дело хорошее было – работала электромотористкой. Была я шустрая такая, смелая. Приехали, нам дали талоны. "На такой большой станции будете получать, в железнодорожном буфете хлеб". Она плачет. "Не плачь, Зачем плачешь? Разве я тебя брошу?". И вот такой каравай нам очень вкусный дали на столько-то человек. Если есть талон, то можно на узловой станции получить. И так всю дорогу.

Одно время я отстала. А как? Тогда ведь не было перекидных мостов. И я, значит, через каждый состав переныривала. Я не думала, что меня задают, что я останусь. "Ну, говорю, сестричка, мы доезжаем до Уфы. Это уже наше". Была нам баня в Иркутске. Объявили, чтобы в бане все мылись. На всех смены не было. Все только – на фронт, на фронт. И мы вместе. Останавливают нас в тупик. Все на фронт.

Ну, ладно, доехали до Уфы. Ну, как? Она говорит: "Тая, мне получше стало. Как ты мне помогла хорошо". Я и говорю: "Вот и хорошо". Закомпостировала я билет. Девчонка такая лютая: много так народу, а она, пожалуйста, закомпостировала билет. Закомпостировала до Ульяновска. Когда приехала домой, пешочком шла от Карсуна. А её оставила в Карсуне с детьми, она больная. Отец мне говорит: "Тая, как же ты могла приехать? Лизу оставила!" Я говорю: "В Карсуне оставила". "Какая ты умница, дочка! Я наливаю, дочка, воды в больницу". Мы в больнице жили. Мама дояркой была. Я говорю: "Я завтра обратно уеду, только рано, а то она будет беспокоицца". Приехала туда, меня посадили на лошадь в Вальдиватском. Довезли меня до Карсуна. И вдруг – две машины стоят. А когда мы приехали из Уфы, эта же машина везла меня с Вешкаймы. Подвезла эта же машина. Они зачем-то приезжали. Оказываецца, они у ее знакомой на квартире жили. И привезли в дом нас. Когда я пришла обратно в Карсун, мне хозяйка говорит: "Знашь чаво, шофера-то у нас живут. Попроси, подвезут вас". Ну, и подвезли.

Повестка

Месяц я дома побыла, больше не была. Надо ворачиватца [возвращаться]. А почаму? Мы прошли военобуч, всё: стреляли, винтовки нам давали... И вдруг мне – повестка.

Мне 18 лет исполнилось. Отец и говорит: "Тай, все спрятались, а ты не прячься". Я говорю: "Я законно". Когда на учёт дали мне паспорт пятигодичный, я только и поведала [узнала] об этом один-единственный раз, раз там написано: "Подготовлена к обороне". Раз мне повестка, нужно собирацца. Мама говорит: "А с чем собирацца?". Приехали в Карсун. Медкомиссию проходили. Девушки проходят. Девчонка говорит (она медсестра, пошла с нами в часть): "А тебя я никуда не пущу". "Да ты что? Я ж одинаковая с ними". Она говорит: "Ты простой человек, открытый, а тут есть воображалы". Комиссию прошли. Смотрит на нас военком, поднимает сапожки, валенки... С Карсуна нас пешёчком до Вешкаймы. На нас жаке-точки с кармашками, у ково байковы, у ково суконны. Рваные, платочок на нас такой тоненький. Всё равно тёплый, но тоненький. Как старушонки, незаметны были. Полил дождь со снегом. И сапожки намочили, и сами себя. Вошли, а там много: все грязненькие, болезненькие, и взрослые и дети. Смотрим, и мы такие. Наш сопровождающий нам сказал: "Девушки, вот эта печка ваша будет. Давайте, снимайте валенки, мы их как накалим". – "А когда мы поедем?" – "Когда подойдёт состав, тогда поедем". Не сказали, что поезд пассажирский. Состав пришёл, scomандовал [спровождающий]: "Соберите баб быстро!" Это было в 11 часов ночи. Говорят: "Горшкова, Гудина..., – меня, нас четверо с ними как со старшими, – выходите, подошёл состав". Вышли мы. Я думала, пассажирский поезд, как я приехала, а это состав – товарный вагон. Горшкова, Гудина, Солдатова, я – залезли, руки подавать, тащить [остальных]. И всё. Погрузились мы. Смотрим – солома, сено и кал лошадиный, мы говорим помёт. И туда, и сюда – в каждый угол... Ноги намочили. Всё же прохлада была ужасная, мороз. Приехали в Ульяновск на распределительный пункт. Распределять нас надо.

"Девушки, ждите!" – вышел старший лейтенант. – "Конечно, будем ждать. Назад не поедем! Ха-ха-ха!" – смеялись. Всё равно смеялись. Да и как смеялись! Распределили. В Ульяновске оставили нас. Кого куда распределяют в часть. "Вам будет полевой хирургический госпиталь передвигного батальона". Была Ольга, говорит: "Тай, давайте просицца на зенитчиков. Чово эт мы будем там..." – "Как это мы будем просицца?". Раз, с Ольгой Баталиной ушли. Девушки ушли, они были зачислены в зенитчицы. Военный сидит: "Возьмите нас". – "Да вы, – говорит, – не одни. А вас вон сколько". Ну, посидели, есть хочецца очень. Но ничаво, всё съели.

Подходит старшина. Говорим: "Товарищ старшина, нам хочецца поесть". – "Когда обмундирование получите, – тогда. В баню сначала, а потом – обмундирование". Дали мужское обмундирование: кальсоны мужские, чулки, перчатки, шапки.

«Нас не узнавали, что мы девчонки.»

Обрядка-то у нас мужская. Форма-то. Мужичок идёт: "Девчонки, идите, погрейтесь у меня". Он топит в котельной. Вдруг старшина идёт и говорит: "Идите, получайте обувку". Обувку получили, обмотки и американские ботинки с такими толстыми губами. Сапожки нам ещё не были готовы. Есть хотим, всё равно хотим есть...

Семечки

Пошли на базар. Всё обмундирование получили: шинель, валенки. Пошли на базар. "Айдате, семечков купим". Пришли. Раз стакан в карман, два. Вот питание. Пошли. Стали обходить в другой раз, может, здесь своих увидим. Нас – цоп! – в комендатуру. "Вы нас за что?" – "Вы чаво тут болтаетесь?" Забрали нас в подвал. Там картошка. – чистить. Сели мы на кучонку. Вот такая картошка [показывает мизинец. – Соб.]. Вот этот бак нам очистить. Я говорю: "Нас, наверное, расстреляют". – "Как это вас расстреляют? Вас ведь вон сколько, вы сейчас очистите". Я говорю: "Нас пять". "А пятая-то где?" – "Она болеет". Ну, что ж, начили этот бак.

Приходит старший лейтенант: "Девушки, вы из какой же это части? Как попали?" – Говорим, вот так вот. "Нас забрали на базаре. Мы семечки покупали". – "Да разве же семечки сейчас лузгают?" Я говорю: "Давайте нам поесть. Я не буду". Вдруг звонят. И говорят: "Девушки, а вы ведь госпитальные работники. При хирургическом госпитале. Сейчас звонил капитан". Вот нас пять девушек. Фамилии записал он по телефону.

Пришли, кашонку дали нам.

В госпитале

Какая была дисциплина! Сделал операцию, захотел в туалет – терпи! Ну, необходимо идти надо – хирург засёк – 5 минут. Это взад-вперёд. Сначала брюки расстёгивам, кальсоны, ремень. Делов-то ведь много. Десять минут было. "Вы посмотрите, сколь раненых, как овец". Я говорю: "Я не виноватая, потому что обмундирование не моё, это же мужское". Он улыбнулся и говорит: "Ну, какая ты молодец!" – погладил меня и балдой назвал. "Вот я Зинаиде Александровне пожалуюсь".

Мы пошли на пятиминутку. Главный врач говорит: "Самые, самые у нас – Трофимова, Барышкова, Ильина, Саулова. Нельзя их обижать так". – "Как?" – хирург говорит. Сама Нафтуллишина, она там была говорит: "Не надо". А он: "Я её не то, чтоб оскорбляю, а вот именно, все бы так делали, выполняли". Он такой полный был. Когда мы в Даунице стояли, халаты нам дали шёлковы, кремовы. Мы этого не видали. Глаза вытаращили все. Первый раз одели. Надо же стирать яво. Он говорит: "Стирай мне халат". Выстирала, высушила. Сама бегала то и дело. "А гладить?" – "Есть, товарищ командир!" Утюга нет. Без утюга буду гладить. А как? А так. Складываю яво. Бока отглаживаю своим телом. А потом – перёд. Обратно меня – балдой. "Где ж ты утюг взяла, балда ты, балда?" – "Вот мой утюг, вот – спина".

«В новом обмундировании»

В Ульяновске, когда отчитали, объявили, что новое обмундирование привезли. Я говорю: "Вы не спешите. В бане ещё нас намоют когда". Вот такой вот фитилёк в бане-те. И нам старшина говорит: "Девчонки! По росту". Вымылись мы в бане, как уж мы мылись, Господи! Фитилёк, – намылились и, слава Богу! Когда нас обмундировали, мы из бани вышли и друг друга не узнаём. Это фамилии друг друга кличем. "Севадасева, откликнись, пожалуйста, мне же тебя надо". А мы в две шеренги шли. Она говорит: "Надо, подойдешь". Старшина и засёк. "Зачем отвечаешь так? Как подойдешь?"

Нас поселили в село Мостовая в Ульяновске. И там ночевли. Расселили нас по два, по три человека. И нас там дрессировали: и по-пластунски, и по-строеному, и учили стрелять, и гранаты... Всё, мы подготовлены. Майор-начальник госпиталя говорил: "Девушки, готовьтесь". Сготовились. Подогнали машину. Говорят: "Девушки все подготовились". В машину поднялись – солдаты мы стали. Не сидица, конечно. И дорогой нас бомбили.

Боевое крещение

Боевое крещение мы приняли в Старом Осколе. Стали располагацца потом в госпитале. У нас отдых один только был в воскресенье. Развернули палатки. У нас всё же госпиталь – и обмундирование, и продукты, носилки, простыни. Развернули. Мы тут немного отдохнули. А потом бомбить нас начали. Ракетку давали предатели. Мы этого не ожидали, потому что стояли в саду, под пологом – овраг. Пока мы всё собирали, приказ старшины: "Губина, Ильина, Солдатова, будете в отделении в перевязочных". Трофимову от нас убрали, она была в операционной. Не хотелось нам её от-

давать. Все мы были. Если старшина даёт какие-то трофеи, то обязательно, пусть по-столько, но обязательно делились.

А потом нас разбомбили – и в Старый Оскол. Они листовки бросали: «Разобьём до крошки».

Кровный брат

Мы там поселились – окон не было, потолок, когда сложные операции, прибывали сами. Не врач, не хирург, – мы сами. Чистота идеальная. Начали с нас кровь брать. С согласия, конечно. Один, он, наверное, не русский, бледенький лежал на носилках. Говорят: "Ильина, дайте кровь мальчику". Всё время ведь первая группа, хоть сто грамм. Он мне и говорит: "Сестра, ты мне теперь сестра – кровь дала". Я ушла с перевязочной, бинта не хватило. А потом он второй раз говорит мне: "А ещё дашь кровь, я, возможно пить буду". Пошла, отдала бинты и вату, хирург говорит: "Ильина, иди посмотри свояво братика". Пошла, а он улыбацца. Говорю: "Вот ведь как прекрасно". У няво совместилась кровь с моей, и у няво нарумянились щёчки. Хирург подошёл и меня обратно: "Балда!" Я говорю: "Товарищ майор! Я больше не хочу этого слышать. Все бы были такие. Я вам халат своим телом выгладила, когда утюга не было..."

В Польше

Потом попали в Польшу. Стоим в разрушенном таком доме. Там мы набрали нателных рубашек, кальсонов, мыла, полотенцев и наволочков. На своих-то надо надевать, оне все в крови, все грязные, всё же на полях. Мы вздохнули всей грудью: у нас раненые чисты, хорошие. Мы за собой так не ухаживали.

«Сразу девушки другими стали»

Из штаба армии приехал, говорит: "Товарищ майор Головкин, Вы что это сделали над девушками? Вы что их в мужиков нарядили, как кукол?" Такой ему разгон дал! Откуда всё взял: пожалуйста, принесли юбки шерстяные. Все подшили гимнастёрки. Всё начищено: зеркала нет. В воду глядели – вот какое было зеркало на фронте. И сразу девушки другими стали.

В Прагу попали – долечивали раненых. Конечно, не всех.

В (19)45-м война кончилась. В (19)46-м я пришла домой. Стояли мы в Дарнице. Это за Киевом. Тяжёлый раненый попал, старший лейтенант. Он с Москвы. Когда яво к нам привезли, ему делали перевязку. Мы яво обрабатывали. Хирург говорит: "Ильина, придёцца кровь тебе ему дать. Давай, готовь инструменты, операцию будем делать этому старшему лейтенанту".

Положили яво. Такой красавица ужасный. Он говорит мне: "Сестричка, откройте мне маску, своё лицо". Я говорю: "Зачем? Вас здесь очень много, я не поспею завязывать и развязывать. У нас не разрешаецца". А как звать, раненые тоже не знают. Они: сестра – и всё. Подходит хирург, говорит: "Будем операцию делать?" Я говорю: "Ну, что ж, я – не старшая сестра". "Операция несложная. Готовьтесь. Кровь сдавать надо". Операцию сделали. Доктор подходит ко мне, и меня по плечу: "Ильина, оставайся дежурить".

Около няво сижу. А он поворачивает глаза и мне так говорит: "Сестра, расстегните пуговку на вашем халате. Я так давно не видел женскую грудь". А потом: "Сестричка, дайте мне планшетку, она у меня в головах". Я ему даю планшетку, и он мне даёт фотографию свою семейную. Сама хороша и дети хорошие: одному, наверное, годиков пять, а второй постарше. А он смотрит и говорит: "Жена у меня хорошая, красивая, умная". А я говорю: "Ну, и хорошо, вы должны встретиться". А он мне: "А я не умру?" – "Нет, почому это вы умрёте? Мы вам всё прекрасно сделали, хорошо". Мне чаво тут говорить?.

У няво кишечник забила пуля, порват кишечник. Хирург когда пошёл, говорит мне: "Когда будет икать, мне сообщите".

И во сколько? – Не помню, были у нас часы, он стал икать. Так сердце заволновалось: такой человек уходит хороший. Похоронили яво. Был Красный Бор, лесок. У ёлочки схоронили. А он говорил: "Если что, в случае чаво, только не так, как на боях". В семью сообщила старшая сестра.

Ну, представьте, сколько операций, а я держу стерильные салфеточки и смотрю в рану, а хирург говорит: "Чаво нос суёшь?" – и измазал мне нос кровью. – "А, может я врачом буду?" И так и заинтересовалась.

Бандеровцы

Страшные были бандеровцы. Они появяцца, зарежут кого-нибудь. Мы в палатках были, такие чахленькие кусточки. Мы спасались как-то. Как-то очищали дом, а там – и бандеровцы с ножами, и наши. И лошади у них плюющца, и они сами.

Помню мужчина один лежал. Украинец. Жену застрелили в комнате с ребенком, сын подошёл, и яво начали казнить во дворе. Это бандеровцы. Их окружали, когда фронт шёл.

И этот парень-украинец взял, как моя рука, берёзову топтину. Им подлаживали солону, немцам раненым. Он взял, всех начал хлыстать: Сейчас всех перебью! Нам не положено так (с пленными). А он только от свояво дома отошёл – не стерпел...

Госпиталь в Польше

Нам пришлось развёртывать госпиталь в Польше на окраине. Все, как один, носилки таскали. Я говорю одному: "Ты такой здоровый?" А у няво, в первую очередь, ягодицу оторвало. Она висит, как тыква. "Когда перевязка была первая?" – врач спрашивает. – "Неделя. Пока яво нашли в кустах". Врач говорит: "Ильина, Губина, здесь открывайте". На нём намотано столько. Я говорю: "Губина, давай ножи, будем тормозить". Я открыла, вроде, мне ничаво. Рана ужасная. Чорвяков полно, и очень чистая рана. Чорвяки съедают всё. Но всё же перевязали, подушка ваты ушла. И отправили яво в глубокий тыл.

У нас были немцы. Но мы им гладили [бельё], мы их лечили. И они нам передавали, что положено. Большинство 18–20 лет, молодые ребятёнки. Их взяли в окружение, подлечили и отправили, куда – не знаю.

«Мы были забиты работой...»

Мы находились на фронте, мы были забиты работой, ранеными. Я и гипсовала, с врачом гипсовала корсет. Перевязка – из марли ходила вошь. Станешь перевязывать – бинт серый. Станешь перевязывать руку или ногу, он говорит: "Сестричка, они поползли по рукаву". Я стряхну: "Нормально всё будет". Были бани из бочек, калили одежду тяжёлых раненых, мыли мы их, одевали, как детей. Письма писали.

День Победы

День Победы встретила в Айзенштадте, на немецкой территории. Мы эвакуировали раненых, нам дали отдых. Кто в перевязочной, кто в операционной, нам дали зал. Девушки отдыхали. В четыре часа ночи – выстрел, ракета, пули. Все всполошились, но мы не знали ничаво. Мы занавесились все, думали нас окружают. Война окончена! Девчонки побежали вниз, мы на втором этаже – нам же отдых дали. И мы вышли, все кинулись обнимацца. Слез на плечо, как речной водой. Война кончилась. Сколько радости!

Емельянов Михаил Фёдорович, 1921 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 09.07.1989.

До войны

Родился я в Белозерье Карсунского района в семье крестьянской. Родители, деды, прадеды были крестьяне. Жили бедно. В хозяйстве имелась лошадь, корова, птица. Несчастье было у моего отца: овцы не держа-

лись почему-то. Сколько ездили покупать в разных районах, сёлах, – не держались.

Потом я кусочек НЭПа застал. Начал в поле ходить очень рано. Младший брат у меня был – 2 года. Пока он спит в люльке – я в няньки. В (19)30 году вступили в колхоз, с первого дня колхоза. Когда я учился, в каникулы был в колхозе, работал, даже пахал на лошадях.

Кончил 7 классов, поступил в фельдшерскую школу – в Ульяновск. Кончил в (19)40 году, и до призыва в армию два года работал в колхозе. Надо было питацца, одевацца.

В (19)40 году был призван на действительную службу в армию. В Забайкалье, в Улан-Удэ. Начал служить курсантом. После Финской войны нарком обороны был Тимошенко. И он говорил: учить тому, что [пригодится] на войне. Дисциплина была очень жёсткая.

Были гауптвахты строгие, сверхстрогие и всякие.

Война меня застала на действительной службе. На фронт взяли не сразу, поскольку известно было, что тройственный пакт существовал: Берлин-Рим-Токио. Сначала считали, что Япония выступит на стороне Германии, и нас перевели на границу с Манжурией. Станция Оловянная. А с сентября месяца (19)41-го выехали на фронт. Ехали очень долго. Приехали и разместились в районе Тихвина.

Не допустить второго кольца блокады

Перед нами была поставлена задача – не допустить второго кольца блокады Ленинграда. Нас направили на север против финнов. Мы шли пешком до Петрозаводска. Но противник встретил посередине между Тихвином и Петрозаводском. Не помню число, но ночью были на марше, встретились с противником, вступили в бой. Условия там тяжёлы – тайга, болота. Питание было очень плохое. Техника от нас отстала, потому что мы были – пехота, всё тащили на себе. Тащили, погибали, но фронт в основном был стабильный. В первые месяцы вступления в бой наших частей, я был в составе 114 стрелковой дивизии, 763 стрелкового полка.

Потеснили финнов километров на 200–250 за Свирью. И на этом остановились. Финны всё время рвались на соединение с немцами, а наша задача была – не дать им соединиться. Удержать нужно было Дорогу жизни знаменитую и нефтепровод. Вот 44-ый год. Финны вояки очень смелые. Особенно «кукушки» были развиты. На ели сидели и начали кричать: "Рус, бросай стрелять!". Потом президент приехал финский.

21 июня 44-го года мы начали наступать и сделали прорыв на Свири. Наступать наступали и вышли на границу, на старую финско-советскую. Меня ранило тяжело. Семь с половиной месяцев пролежал в больнице. Вернулся домой. Победу уже встретил я дома. Из наград имею Орден Отечественной войны второй степени.

В партию вступил в 43-м на фронте. Принимали очень просто. Заявление писал, и тогда очень многие так писали: "Прошу принять меня в члены партии, в бой хочу идти коммунистом". Кандидатский стаж у меня был три месяца. Через три месяца из кандидатов перевели в члены.

[Соб.]: Был какой-то случай на фронте, который запомнился особо?

[ЕМФ]: Вот во время нашего наступления была санинструктор, фамилии не помню, вроде Машей звали. В один из боёв наш полк попал в такое, ну, трудное положение. Была передана из дивизии автоматная рота. Были молодые все. И почти все погибли. Были убиты или ранены. Остался последним политрук роты. И санинструктор, женщина, девушка, наверное, последней вышла из боя и вытащила раненого политрука, и убила двух финнов, которые хотели захватить политрука. Тут же была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

[Соб.]: А были среди молодых трусы или предатели?

[ЕМФ]: Насколько я помню, что в плен сдавались из приписного состава [т.е. не из постоянного состава подразделения], большинство пришлые, которые пережили в душе старое время. Почему – объяснить я не могу. Молодые, вот наш возраст, особенно кадровики, мне не приходилось видеть, чтобы они сдавались в плен. Они дрались просто героически. Шли в бой со словами: "За Родину, за Сталина!" Весь лозунг был такой, всего два слова.

«Веселье – это ведь касаетца духа»

Холодные, голодные, уставшие, а всё-таки идём отдыхать. Тем более в условиях карельской тайги: горы, болота, сопки. Вот в такое время дыры копали в сопках, где бы укрыцца от снега, да и от снарядов. И тут, пожалуйста – самодеятельность. Артистов мне не приходилось видеть за три года.

Не могу вспомнить фамилию, в звании капитана был, начальник разведки батальона дивизии. Он знал бесконечное количество анекдотов. И вот перед какой-нибудь ситуацией, когда готовицца какое-нибудь сражение, пойдёт он на командный пункт. А потом он всю ночь рассказывать такие весёлые анекдоты. И ночью в Карелии по 20 часов. Откуда он их брал – не знаю. На ходу, видимо, сочинял...

Казанцев Иван Максимович, 1924 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 06.07.1987.

Танкисты

В первый день я дома был, в отряде. Прямо из поля – и в райвоенкомат. Старшие нам сказали, да, братеньник пришёл с кадровой, потом по радио объявили – так и пошла весть, а потом, когда объявили, уж какой непорядок кругом был! В общем, на фронт я попал. А как тракторист попал в танковое училище. Мы там проучились примерно месяцев шесть, и оттуда – в Нижний Тагил. Ночью прямо получили машины, и по тревоге – на фронт. Самый первый бой – Крупянск. Задача была поставлена (у нас девятое гвардейское танковое отделение было) – прорвать оборону и в тыл проби-вацца – бомбить врага. Было трудно, но мы прорвали. Пошли дальше. Там подошла пехота. Заняли оборону. Первое время, конечно, страшно было, говорить нечаво. А потом ведь семнадцать лет было. Не только я один, многие там были.

Война есть война

А всё-таки война есть война – ничаво не поделаешь. Ну, вот ведь взять, к примеру картину "Два солдата" [имеется в виду кинофильм "Два бойца"]]. Мы в Германии были. Там и немцы и немки. Мы тут и гулять с ними стали – молодые ведь. Идём с ними из кино. "Это неправда, чтобы один русский солдат, – это немка одна говорит, – побил столько немецких солдат". А это, ведь, всё правда. У нас был один такой сильный, здоровый, по пять человек раскидывал. Это из десанта. Комроты у них был.

Мы с ними (с десантом) были, когда в атаку пошли. А когда вернулись, одного танка нет. Комроты и послал две машины – ехать и найти танк и привезти на исходные позиции, откуда выходили в атаку.

И вот, когда поехали мы – тяжело, люк открыть опасно, через щель не видать. А кто его знает – вдруг тут фриц сидит. Ну, ехали мы, ехали, нашли его, наконец. Танк-то. А у него что случилось: трак [гусеница] один лопнул, танк с обрыву-то и упал. Как вразгонку шёл – так и в тряси-ну. Когда мы нашли, подъехали к нему, ну, я одним танком своим зацепил. Чувствую, он тонет, вязнет, и меня – за собой. Ну, мы – двумя. Двумя-то вытащили, притащили утром рано прямо на опушку леса, откуда уходили в атаку. Да, тут лес был, где мы стояли. И вдруг идёт колонна машин. Фрицы! Они не знали, что мы здесь. А нам стрелять запретили, пока все машины не выйдут. А бить только по головной и по хвосту. Так и сделали. Они там все и остались. Настала ночь, а за ночь враг силы-то подтянул. Опять бой ждём.

Утром подходит комроты, опять два танка – на разведку. Ну, мы и поехали. Только подъехали к деревне, по нам открыли огонь. Три штуки попали: в люк водителю, в башню и в моторное отделение. Ну, а мы там подавили несколько пулемётных гнёзд. А потом они опять по нас начали. А ведь попало в моторное отделение, в двигатель, и командира ранило. Крошками от бомбы засыпало его, и он не может [пошевелиться]. Я когда сунулся в люк вылезать, она [башня] рикошетом пошла. И через башню нельзя было, тут били их пулемёты. Кое-как вытащили. Потащили – встать-то нельзя, только встал – пулемёт. Опять грохаемся. А потом чо? Разве перевяжешь? У нас – индивидуальные пакетики. Скорее – к нашим. Подползли, встаём. Как пизданёт по нас пулемёт! Ну, мы и грохнулись. Командир машины говорит: ”Снимите танкошлем и сверху киньте”. Мы и сделали. А там оказалось, что пехота пришла и на наши позиции. ”Кто-то идёт, – фашисты. Надо бить скорее”. А когда танкошлем кинули, они уж догадались, прекратили пулять. Тут уж мы встали. Командира когда подтащили, ну, там стали с ним – санитарная машина, госпиталь. А когда увезём – не знаю. А мы, значит, на СПАМ (сборный пункт аварийных машин).

Потом помню – в районе Петропавловки были – шёл бой тоже. Задание опять – прорвать оборону. Мирные жители и то говорят: ”Как на кронштадтский лёд вас кидали”.

Выход из окружения

После боя мы оказались в окружении. Немец-то уходит в эту сторону, и в эту. Даёт дорогу, чтобы сделать мешок. Ну, бой был сильный, говорить нечаво. Там поколотили и наших много, и фрицев много. У нас технику побили. На нас налетела их авиация. Специально обстреливали бронетранспортеры.

Ну, что ж, мы в окружении. Ну, и вот, мы начали выходить. Четверо зашли в домик с заднего двора. Сидит старик здоровый, и пацанишка лет восьми. Как увидели нас, говорят: ”Гиньте [=уходите]! Во дворе немцы! Гиньте сейчас же!”. Ну, мы как выбежали – да в поле, мимо порядочка. Поля не пахались – бурьян. Верите ли, пули так не летели, как мы промчались. Но старик сказал правду. Они [немцы] сразу тут мотоциклы завели с пулемётами. Это я видел. Мы отползли, как ужи, ногами двигались по земле всё. Если б заметили, то сразу б покосили нас всех. Ходили четверо суток, бродили. Ни пить, ни есть. Ночью шли. Переходили раз лесопосадку. А там ведь на деревьях птицы сидят. Только мы зашли, а птицы – ф-ррр! Сердце в пятки зашло, не дышим. Думали – всё! Но обошлось. Спустились в балку, там, на низу – клумбы кустарников. Мы – туда. А по нас открыли огонь. Но, к счастью, никак не зацепило. По воде друг за дружкой пошли.

И в последнюю ночь так получилось: бегали, бегали, где укрыцца? Опасно в омётах. Радиста в разведку послали: ”Узнай, что там”. Он приходит и говорит, что никак нет. И бочка с водой стоит. А мы сейчас только наелись сахару-мёду на брошенной пасеке. Ну, мы встали во весь рост и подались к этим омётам, потому что нас могут обнаружить – светает ведь. А солома свежая, только намолоченная. Подошли к бочке, попили спокойно. Два омёта были по двум прикладам [рядам]. Посоветовались, решили: вдоль прикладов спустимся и проведём день. Я первый шёл, первый забрёл по этой прикладке. Даю руку другому, за руку – пособили, пошёл. Они там втаскиваюцца. А я шел и дошёл до омёта. Вдруг гляжу – человек лежит, рука на сене раскинута. Фашист! Рядом банка пустая и автомат. Жрал, наверно. Пьяный был. Что решать – думай! Или он нас, или мы его. Стрелять нельзя. Я вынул нож и... бросился на него. Не знаю, попал ли в сердце, но зёву не было. Со злом воткнул. Автомат забрали. Спрыгнули – и бежать дальше. Время к свету. В траве укрылись. Хлеб стоит непаханный – вот в него. Залегли. Потом попали к своим.

Рогожин Иван Григорьевич, 1919 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 13.07.1989.

До войны

Вот мы остались без отца у матери восемь человек. Жили в единоличии. Лошадь была, корова, овцы были. Вот, как колхоз начался, в колхоз поступил. В 30-м, чай, в колхоз вступил. Под раскулачивание не попадали. И вообще не раскулачивали всех почти к ряду. За налогом придут, а платить-то нечем, а шобы-то какие были. Машина швейна была, её брали в налог. Опять отдали, налог принесли, и отдали.

До армии работал в колхозе. Отсюда забрали в армию в (19)39 году перед самой войной. Мы служили у монгольской границы. В Бурятии. И 15 мая мы оттудова выехали на фронт.

Дорога на фронт

Вот нас загрузили мёртвым грузом. Слышать-то мы слышали, что война началась. А официально нам не объявляли. Засекречено всё было. Я был адъютантом у командира. Услышал я маненько они [командиры] разговаривали. Они больно не разрешали говорить ничаво. Перегонять-то нас перегоняли. Ну, вот, погрузились мы, сказали: ”Поедем”. Приезжаю на новое место мёртвым грузом. Офицерам – ни собак, ни жён – ничаво не брать. Чемоданы наши (солдат) сложили со всего полка, бензином облили и за-

палили, чтобы не таскацца с ними. Но уже 28 числа, 22 началось, а 28 мы приехали в Смоленск. О войне мы узнали, к Алма-Ате, подъезжая. Это 24 июня, мы трое суток едем, что такое: собрания какие-то, что у них, праздник, что ли? Взвод у нас засекреченный был, в кавалерии я служил. Ну, вот, пошел политрук газеты получать: "Война, ребята! Не в бирюльки едем играть". Настроение плохое уж сразу. Ну, мы чаво? Нас никто не провожат, молодёжь всё-таки. Люк только открытый был, а то двери закупорены были. Подъезжать уж стали к Саратову. Тут уж эвакуированны были, и раненых везут. Все двери открыли, тут уж стали у двери мы стоять. И то политрук: "Ой, не подходи!". Ну, тут уж свободней стало. Стали провожать. Старых брать. Кто чаво. Жёны плачут, дети за него зацепяцца – не пускают. Ну, а мы чаво – молодёжь, девчата цветы кидают или чо, смеемся. А мы едем как будто не на войну, а куды на праздник. Мы считали, что нам уже осталось три месяца служить, сколько в столовую сходим, сколько в баню.

Доехали до Москвы – тут тревога. Бомбят уже. А из вагона не выпускают – одевай противогаз и сиди там. Я говорю: "Как лупанёт бомбой, так тут все и остануцца". Ну, приехали, только разгрузились в Смоленске, тут же – бомбёжка. Отбомбили, поехали дальше. В лес приехали тут за Смоленском, говорят: "Девять дён отдыха будет". На третий день – боевая тревога, и пошли на передовую. В первый раз пошли на передовую, тут сразу и под Оршу ушли. Вот приехали на фронт, а фронт – там стреляют, части наши отступают, едут, и я на КП – с командующими наблюдаю в бинокли, в подзорную трубу. А это ведь сутки смотришь, ночи не спишь. Там сидели – никакой связи нет. Какая где часть – трудно разобрать. У нас уж и политрука нет, и подполковника. Пополнение тут нам дали – дивизию московскую. А они молодёжь, майское пополнение, плачут... А им дают бутылки с горючим. "Ой, не бери, – говорят, – а то сгоришь. Один, бёг, упал, сразу от воздуха загорелся". На них глядеть – сердце скрябает. Вот один говорит: "В какую сторону стреляет? Там стреляет, давай назад".

Перешли. Опять окопались. Потом опять назад. Граждански плакать начинают: "Вы бросате, уходите". – "Да куды мы уходим, никуды мы не уходим". – "Вы не говорите нам". А они уж больше нашего знают. Женщины плачут: "А мы как будем?"

Первый бой

А оттуда из-под Орши – в Смоленск. Первый бой у нас был в Смоленске. Опять в Смоленск приходим, там военный городок был в палатках. Мы овраг перешли – и к Смоленску подходить, а там ещё наши

части подошли. Не поймём, где фашисты, где свои. Ладно ещё сержант шёл с белым платком, а то бы покосили всех. Ну, туда мы идём, у нас там пулемётная рота была, зашли в город – ничаво. А Смоленск метро наполам пересекает. Туда дошли, немец орёт: "Рус, стой!" Мы – назад, а нас встретили сразу. Раз – и пошла! И оттоль бьют, и отсель. Не поймём сразу, откуда чаво. Нас тут осталось от первого боя 15 человек от ста. Меня тут сразу контузило. Но дня через четыре оклемались. Потом он нас зажал в овраг, мы сидели, а он не выпускал. Бьёт и бьёт из миномёта – и всё. Я оглох, в башке шум. Потом опять.

Немцев видел, как вас. И стрелял в них. Если не ты в него, то он тебя убьёт. Хошь-не хошь, а бей. Там жалости нет. И милости нет.

Заваливало несколько раз. Когда завалило, грудь завалило, сутки или больше лежали. А там, не знай, как было: бомбёжка ли, осколок ли... А как трахнул осколок, так всё выдрало сразу. Всяко было. На часу сколько всего бывает. В окружении были мы. А в плену не был. Так частью и вышли из окружения. То там стреляют, то здесь. В окружении были тут под Смоленском в (19)41 году. Идём, а наши машины и танки горелые уже валялись. Немец обошёл Рогачев – и на Витебск, на Демидово. Там три армии наши были. Так частью шли и шли. До Смоленска нам никто не попадался.

У нас командир батальона погиб, а этот другой приходит: "Где ваши солдаты?" – "Да, нет. Мы тут трое были. Потом пришли. Вот 7 человек нас осталось". Потом: "Давай за пулемётом идите, давайте пулемёт. Вас трое, идите три пулемёта берите". Притащили три пулемёта, потом за лентой пошли. Прицеп забрали и пошли в бой. Товарную станцию взяли. Тут подошли наши части и к вокзалу пошли. Бомбёжка и танки. Меня тут ранило.

Ранение

Меня ранило в руку и в ногу. А командир меня ждёт за третьим взводом, а в третьем взводе осталось всего три человека. Замполит говорит: "Бомбят. Завалило в окопах сколько". Он пошёл. Я говорю: "Ты далёко?" – "За третьим взводом". – "Вон они идут". Сел там и говорит: "Ну, Рогожин, всё равно нас с тобой убьют".

Только сказал, мина – бах! – как даст мне в руку, потом в ногу. А он погиб сразу. А один кричал: "Ой, мамыньки! Иди пристрели меня!" – а я говорю: "Самого меня пристрели". Другой бёг солдат, он перевязал меня. Командир бежит, я тут валяюсь. Он меня – цап – и понёс. Я ему говорю: "Бросай, один спасайся". По линии нельзя идти, а по берегу мина – шлёп!

И не разорвалась, песок ведь там. Я воды просил, он не дал: "Ты видишь, кровь течет, какой тебе воды-то". Не дал... Сидели тут, потащил меня в другой окоп, а сам – в другой. А тут откуда-то наши солдаты тут – цап меня – и дальше. А там овраг глубокий.

В медсанбате меня перевязали, а там неподалёку госпиталь был. Привезли – сразу на операцию. Кто кровью истекает – тому сразу операцию. Машина пришла, погрузили нас и повезли за 80 километров в тыл. Нас опять оттуда на передовую. И там наклали раненых, не знай сколько. Все искалечены. А наши машины ещё не ушли. А он-то давай с птичьего полёта расстреливать, которы ранены, которы убиты, которы затерялись. Он нас как начал, как попёр по ямам и кюветам. "Ой-ой-ой!" Ори не ори, а он пролетел. Ну, а там в колхозный сарай. Свою-то скотину угнали. Вот солому вдоль плетня расстелили – и в серёдку. Ни воды, ничаво, ни перевязки. Стали загноения, умирают. Потом – дальше, опять в сарай. Дальше, дальше, а потом уже в госпиталь. Четыре месяца я был там.

Сейчас болит локоть. Нога-то легче – зажила. Ещё потом ранило: полколенки проволокой скручено. Операцию делали в (19)45 году. Потом опять на фронт, в свою часть. На Калининском фронте мы были. И дошли до Дрездена. Около Дрездена мы закончили войну. 80 километров до Праги не дошли. Там война кончилась.

Победа

О победе узнали, когда к Праге шли. Эльбу перешли на ту сторону. В 11 часов дня 9 мая нам говорили: "Договор, договор, капитуляция". Но немцы всё лупят и лупят. Уже и не верицца, что когда-то это кончицца. Пролетела немецкая рама – и заглохло всё. Прогремело в рупор: "Война кончилась!" И по немецки: "Фриц капут!" Кто плачет, кто смеёцца, кто чаво.

«Друзья – вся твоя надёжа на войне»

Мы с товарищами, мы не зоровали: граждански не виноваты. Друзья – вся твоя надёжа на войне. Друзей много за эти годы. Кто жив, а кто и... Вот Черняев жил в Карсуне. Потом куда уехал – уж не знаю. Петя Корниенко, был такой украинец. Чуть затишье – он анекдот такой завернёт – животы болят. Весельчаки были на фронте. Сколь хошь. Бьёт иль что, а они могли развеселить.

Спервачка-то веры в победу не было. А потом... В бой шли со словами: "Вперёд, ура, за Родину, за Сталина!"

Харитонов Василий Петрович, 1916 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 11.07.1989.

Голод 1922 года

До войны я в колхозе работал. Ну, я получил квалификацию шофера. И на фронте тоже я сначала был шофёром.

Помню я хорошо (19)22 год. В этот год был голод здесь очень сильный. Не знаю, повсеместно или как, но в Ульяновской области было. Вот тут народ очень сильно страдал. Правда, спасались травой. Траву ели. Но траву, конечно, сдабривали молоком, у кого коровы были. Но тогда они у всех были. Молоко нас спасало. А тут пошёл период НЭПа. Тут зажили народ хорошо. Появилось в магазинах всё, но только что одёжа была дороговата. Но всё же, можно было приобрести. А с продуктами было всё достаточно.

Раскулачивание

Вот в 30-х годах начали строить колхозы. Вот у нас тут первый колхоз «Новый мир» был. Потом согнали всех почти. И тут что-то повлияло. Головокружение у Сталина появилось. И так, значит, стали объединять колхозы. Надо заявление писать, и начали писать по порядку. И, значит, у каво две лошади было, то яво раскулачивали. У няго отбирали это всё и угоняли. Я, например, был даже как исполнитель в сельсовете, охранял вот этих раскулаченных. Нас привлекали. Но тут была милиция и военны (приезжали сюда). Их набирали и отправляли в Карсун, потом уж куда, я не знаю. Наверно, до Вешкаймы и дальше. Они невинны были. Каво раскулачивали – это самые труженики были. Он спал в лаптях, ему разувацца некогда было, потому что он на какие-нибудь два-три часа уснёт, а потом – запрягать и в поле. А который сидел у двора, семечки грыз и махорку курил, вино пил, это он вот был первым, как его объединяют без земельного поля. Протестовать нельзя было. Ну, объясняли, что заходите добровольно в колхоз. Которы-то средний класс, они упёрлись, они не пошли. Была у них группа такая при сельсовете из бедняков, они приходили и вроде как раскулачивали и давали им чьё-то задание. За задание облагали налогом. Последки приходили, забирали всё и даже из печи чугульки. И одёжу, и даже начинали прощупывать пиками, где, не закопали ли чаво ли, скотину, конечно. Сразу всю забирали. И выгоняли из дома. Вот на этом месте, где я живу, тут вот тоже был хозяин. Детей было пять человек. Его выгнали из дома, дом взломали. А сам сбегал, а дети-то маленьки были, они по селу страдали, страдали, но всё ж таки остались живы. Вот такие вот дела были. Вот до 36-го года. Вот уже в 36-м году стало получше. Стали маненько хлеба

давать. Голод был ужасный в 30-х годах. Этот голод не то что неурожай, а то, что отбирали всё.

Один раз пошёл в совхоз Устерень [=Усть-Урень] молотить за кусок хлеба. До обеда я проработал, стали делить, как сейчас, хлеб по пайке хлеба (пайка так была грамм 300) и по половине супу, и вот как тут народ-то хлынул, это всё растащили, а мне не досталось. Прихожу домой, отец с матерью сидят: "Что ты пришёл?" – "А мне не досталось". А они тоже голодные сидят. Да, не дай Бог эдак так помучацца, голод само страшно.

Начало войны

Война началась, я был в Чапаевске. Хотелось уехать. Из армии-те я пришёл (три года кадровым прослужил) в (19)40 году осенью. Поехал в Чапаевск и устроился там на работу после армии. На завод устроился, поработал сколько там, а о войне уж все мы узнали в 3–4 часа дня. Молотов или Сталин выступили по радио. Вот тут мы и узнали. Никто в Советском Союзе не знал о войне, пока не выступили по радио. Раз уж началась война – тут уж всё. Магазины были открыты, вещей было вдоволь. Кто чаво, начали собирацца, прощальные вечера устраивать. Каждому понятно, что завтра же начнётся мобилизация. Какой завтра – вечером уже мобилизация началась. Я уже на третий день попал. Вечером принесли повестку, дали машину и повезли на Москву.

Первые бои

Я сразу попал в Москву. Числа 25 июля я уже был в Москве. Вот собиралась там ополченческая дивизия. После этой ополченческой дивизии, значит, пошли под Витебск, и начали его [немца] сдерживать. Ну, ещё под Вязьмой у нас был бой. Сильные бои были.

Я был связным на передовой, командиром рот. Тут-то и были задания:

Связь имел с командирами рот. Были, конечно, критические моменты. Кто в окружение попадал, кто чаво... И раненых было много и эвакуация. Но с этими боями мы отступали, отступали до самой Москвы. Ну, уж в Подольске тут заняли такую оборону, что он дальше не прошёл.

Наступление

После Подольска нас перебросили под Крюково. Это уже в начале декабря. Это я там был в восьмой гвардейской дивизии имени Панфилова. Ну, вот после этого, как мы только его тронули от Крюкова, оттоль пошли ходом. Начали мы зимой освобождать города и сёла. Ну, после боёв, чаво там было – одни развалины. У нас тут – очень техника хороша: танки, самолёты, «илы» пошли. Так что мы начали его громить, как следует. Потом

помогал нам мороз хорошо. Нас обули, одели хорошо. А он – очень так скудно одетый. Когда в плен попадали – и шальями обмотаны были.

Местное население встречали нас с радостью, что там толковать. Где бы враг ни появлялся, везде он шкодил ужасно, издевался, расстреливал много. Как только где освобождали, везде виселицы висели. И народ много в партизаны уходили, а который не успел уйти или надеялся на "авось", тем приходилось трудно расплачивацца. Очень трудно было.

В (19)42 году, это уж были мы тут в обороне (восьмая гвардейская дивизия). В обороне и на Калининском фронте. Дошли до Калинина – Калинин, правда, мы не освобождали – после Калинина пошли на Стару Русу. Вот там под Старой Русой бои были очень сильны. Вот он уж там и крепился. Сделал оборону какую, могучу, можно сказать. Нам там было трудно. А уж весной (19)42 года мы там были уже в обороне. А (19)43 год я уже был на 3 Украинском фронте. Вот туда я попал. Это была Украина, там освобождали Украину. Бои были сильны, особенно вот момент был на Калининском фронте, когда мы прорвали его оборону.

Было кино «Майнштейн». Тогда Гитлер Манштейна запросил. Из Калининского фронта – это когда Сталинград наши окружили – ему было там трудно, и наши пошли на Ростов. Вот он там Гитлер запросил Майнштейна из Калининского фронта. И вот наша ставка, значит, перебросила туды корпус танковый. Прорвали они линию обороны, и начали они громить танки, которые предназначены были для этой самой группировки волгоградской (сталинградской). Вот тут-то бои очень сильны были. Вот уж я там побывал, когда он отошёл. Там трупов очень много было наших. Ужасно! Там оттудова мало совсем вернулось. Вот это кино было. Мы были как раз на этом рубеже, на передовой, которая эти самы войска пропустила через нас. На Украине тоже бои были сильные. Ужасно сильные. Форсировали Днепр. Зацепились за правый берег Днепра, погибло народу много.

Бандеровцы там крепко зверствовали. Но встречацца нам с ним не приходилось. С ними занимались особые войска.

На фронте у меня три машины разбило. Это было в сорок первом году. Потом пришлось уже в пехоту идти. А уж в пехоте! Бомбили, ужасно бомбили. Вот один эпизод. Едем с боеприпасами. Ну, со мной был грузчик один. И раз – вот налетела авиация. Они ходили низко очень. Ну, что, пришлось машину – в кювет, а самому выпрыгивать в кювет, залегать с товарищами. Лежим.. Ну, сразу – бомбу – раз, и всё полетело на воздух. Одну – из пулемёта расстреляли машину. Это была полуторка, а бак у неё как раз развороченный. Ну, что как лупануло в кювет-то. Только успели выпрыгнуть. Вот такие были дела.

А уж в (19)42 году – это уж меня опять поставили шофером на машину. Вот перебросили в другую дивизию, в другую армию. Вот так я попал на Украину. Закрепили меня за миномётами, 120-ью миномётами, они такие большие. Это уже в (19)43 –м было. Вот я эти миномёты возил и боеприпасы. Перебрасывали. Ну, наступление шло всё время вперёд и вперёд, мы это, значит, перебросим, они ставят их, и боеприпасы к ним я подвозил. Вот такая моя работа была. И до самого конца. Я до самого конца войны воевал. Да меня ещё задержали. Демобилизация-то была по пятнадцатый год, а меня отрезали и ещё на один год оставили. И я уж в сорок шестом демобилизовался. А в сорок четвёртом мы перешли румынскую границу в Болгарию.

За границей

Вступили в Болгарию. Мы помогали болгарским партизанам восстановить там власть. Вступили на территории Румынии, Болгарии, Югославии, Австрии. Население – это те же славяне. Они тоже одинаковы, как и русские. Разницы никакой. Югославы особенно. ”Добры братушки”, – ”Добры, добры”. – ”А кокошки вам зачем?”. ”А наши солдаты курицу – хап, раз ей голову, – и в котёл”. В Венгрии там были такие, которые встречали с неудовольствием. А в этих государствах, как Болгария, Югославия и в Австрии всё-таки мирный народ. Они нас встретили и по домам нас, на квартиры развели. Так всё благополучно.

Командиры

У нас ещё командиры были хороши. Командир батареи был вот такой развитой. Ну, вот, когда делали им задание, где обработать передний край, где, например, там скопление есть. Сколько командиров полков только побито, полковников. Вот я почитал на моих глазах в войну семь полковников убило. Командир, он всё-таки выходит на передовую. Там же ведь везде стреляют. И особенно охотница снайпер за командирами. Охотились очень сильно снайпера.

Наш полк брал в плен немцев. Приходилось брать, без этого не бывало.

Бежать нельзя...

Ранений я не имею. Вот снайпера по мне сколько раз били. Прямо: ”Вжик, вжик”. Ну и всё так мимо проходило. Два раза меня одного расстреливал самолёт, за мной охотился. Тоже ничаво – не попал. Так, маскировка. Я сразу ложусь, окапываюсь. И всё. Как он попадёт или не попадёт... А бежать будешь – обязательно попадёт, бежать там некуда, бежать там нельзя. И, которые многие погибли, которые, как сказать, не выдерживают нервы, или трусили: побежит – обязательно его сметёт. Или вот особенно танки

когда. В танковом бою, когда отступали, они же идут, надо же иметь такие нервы. И тут така лавина грозная, стреляют из пулемётов и пушек. И тут вот человек стоит, а на него прёт такая махина. Тут вот выдержит человек или нет. А вот, которые не выдерживали, значит, он побежал. Вот глядишь – раз в спину, и он перевернулся – и всё. Вот тут – скатывацца и не дыши...

Дезертирство

Были случаи дезертирства. Там тоже был особый отдел. Были заградотряды, которые строго наказывали. Были случаи и в нашем полку. Была у нас при полку даже штрафная рота, и судили. Сначала, как в (19)42 году расстреливали, а потом приказ Сталина был, наверно, в начале (19)43-его, что расстреливать их не стали, таких-то паникёров, изменников, а судить. Судили – и давай в штрафную роту.

А штрафная рота – это така была. Вот их, значит, выстраивали – и пошли в атаку. Если только ранило – значит, он искупил своей кровью. А уж погиб – всё. Я знал, командир батальона был у нас по фамилии Архипов, родом не знаю откуда. Он был просто такой, не знаю, отчаянный, не знаю сумасшедший. Он просто расстреливал бойцов ни за что. И вот его, значит, за это судили, дали ему эту штрафную. Но, как-то раз его ранило крепко в грудь, и он через сутки умер. Ну, много там таких случаев было.

Дети полка

Были у нас сыны полка, дети. Вот один пацан, да нет, не один, их много. Были они так у нас при хоззвезде. Там закрепляюцца, и они там так были. Ну, это сироты такие вообще уж, у них родителей не было. Они как уж приставлены за нами, так и ходили до конца войны. Сёла проходили, они приставали. Ну, их командир и приводит. Они помогали, картошку чистили, а таких боевых операций им не давали.

День Победы

День этот был у нас в Австрии. Мы, конечно, уже знали, что ей [войне] конец. Дня за три командира полка убили. Там горы ведь. Тут он пошёл обследовать передовую. Там горы – это ведь не открытая местность. Она вся закрыта маскировка. Его, снайпера-то трудно обнаружить. Он [снайпер] выстелил, вдарил и смотался. Замаскировался. Вот таки дела.

Я там был не один, а со всей группой. У нас там связь кругом устанавливацца. Эту новость передало командование. Сначала мы встречались с американцами. Наш полк в Австрии. Ну, была там встреча. А уж окончание-то войны передали, что война кончилась. Гитлер, Германия капитулировали.

Ну, конечно, был этот день очень радостным, мы плакали. И те, кто остался жив, страдали в войну. Это ведь большой период. За каждую секунду жизни нельзя гарантировацца. Ну, вот так и закончилась моя трагедия, моя война...

В (19)46 году был в Румынии. В части служили, выполняли служебные поручения. Я был шофером: где дрова возил, где продукты, где боеприпасы. Вот наше дело.

Награды

Награды у меня: медаль «За боевые заслуги» и медаль «За отвагу». «За боевые заслуги» в (19)43 году получил. Она даётся за безупречную такую службу и за выполнение всех приказов, а «За отвагу» дали мне... это я боеприпасы во время боёв возил – обеспечивал передовую, где я не считался ни с жизнью, ни с чем. Вот в (19)43 году я её получил на Украине. Это на Днестре [Днепре], мы Днестр форсировали. Вот тут тоже бои сильные. Там была Корсун-Шевченковская группировка, мы там сражались. Вот за подвоз батареи, вовремя я её доставлял в самые горячие бои и обеспечивал боеприпасами. Вот мне ещё вторую дали медаль.

р.п. Языково

Богданов Михаил Петрович, 1924 г.р., раб. посёлок Языково, зап. 08.07.1985.

Я с пяти лет играл на балалайке. Дедушка – старший конюх. Мы летом не бегали, а работали. Нам гороха наварят с кусочком хлеба – вкусно. Жили в труде. В десять лет косить начал. Отец – кузнец. Я ему помогал.

В 16 лет в армию. Попал в город Горький в школу военно-воздушных лётчиков, но в боях “как лётчик” не участвовал. Инвалидом первой группы вернулся домой.

В январе (19)47 года стал занимацца физкультурой, дали вторую и третью группу [инвалидности]. Физкультуру вёл на фабрике, в школе и в совхозе. Работал 25 лет. Всю физкультуру на ноги поднял.

Как лётчик в боях не участвовал, молодой ещё был, но на передовой был. Там и получил контузию.

Друг писал хорошие стихи

А вще мы с товарищем Николаем Козловым начали с детства готовицца к войне. Тогда стали показывать много фильмов о войне, часто пе-

сни пели военные, так мы чувствовали, что война скоро. Друг мой Козлов жил через дом, с 12 лет стал писать стихи. Он когда на фронте был, всё стихи писал. У меня осталось одно его стихотворение. И знаете, у этого стихотворения своя история. На другой день, как Коля это стихотворение («Размышление») написал, бой был. Восемь танков они подбили, а девятый их раздавил. Умер он в госпитале под Варшавой от тяжелых ран. На день Победы у нас в школе его стихи читала учительница одна, хороши стихи были. Если б он сейчас был жив, ещё лучше бы смог написать.

Старомайнский район с. Аристовка

Дырова Вера Константиновна, 1926 г.р., с. Аристовка, зап. 16.07.1988.

«Мертвых очень боялась»

Наша часть в лесу располагалась. Днём еду сварим, ночью развозим. Трудно было. У меня сначала напарница была Аня Борисова. Мы с ней как-то днём развозить еду поехали. Термосы повесили и пошли. Идём, а она мне говорит: “Ой, мне что-то руку жжёт”. Снайпер, наверное, сидел где-то и подстрелил. Её от меня забрали, и я одна осталась. Днём никуда не ходила. Боялась, мёртвых очень боялась. Увидела как-то – и грохнулась.

Один раз поехали мы, как всегда, еду развозить. Моросил дождик. Наткнулись на сарай и стог сена. Подошла я к стогу, потянула соломку, смотрю: немец лежит замёрзший...

Бывало, обед сварить и три дня развезти не можешь: бой идёт. Бой кончицца – поедешь. Всё соберёшь и везёшь. Солдаты-то голодны: “Сестра! Давай, нам есть охота”. Приедешь к ним, а у них там всё разбито, сломано после боя.

Лашин Александр Сергеевич, 1913 г.р., с. Аристовка, зап. 10.07.1988.

Конец войны

До Вены мы не дошли: война кончилась. Как узнали? У нас радиосвязь была, нам и объявили: конец войны!

При капитуляции Германии наши такую стрельбу подняли! Австрийцы бегут к нам, спрашивают: “Чаво?” – а мы говорим им: “Гитлер капут!”.

Николаев Николай Александрович, 1918 г.р., с. Аристовка,
зап. 16.07.1988.

Путь на фронт

На фронт меня забрали так. Когда аэроклубы эвакуировались из Москвы, нам нужно было добрацца до Алтайского края. Долетели до Свердловска. Там нас стали переучивать на военные самолёты, сформировали вполне. Обучали нас на кустарном оборудовании: бомбы, пулямёты. Я был мотористом, помощником механика. С месяц мы там побыли – и обратно на Запад. Мотористы ехали поездом до Саранска, а лётчики летели. Тут мы поменяли учебны самолёты на боевые, и нас направили на Калининский фронт. Приехали мы туда, а там наши самолёты. Мы проучились на новых машино-тренингах Ил-2. Лётчики потренировались, и в августе – нас обратно на фронт.

Волховский фронт

Попали мы на Волховский фронт. Там были мы года два, отражали немцев. Мы маневрировали, были на нескольких аэродромах. Держали оборону, не давали немцам прорвацца. К тому времени Ленинград был уже блокирован. Нужно было нам прорвать оборону немцев, чтобы снабдить Ленинград [рассказчик имеет в виду снабжение боеприпасами частей Ленинградского фронта. – Соб.]. Потом было сосредоточено наступление Ленинградского и Волховского фронтов. Они соединились и стали называцца как Ленинградский фронт. На нём мы тоже долгое время оборону держали. Несколько раз готовили операцию, но всё никак не удавалось прорвацца. А около Шлиссельбурга потеснили мы немца, и стали продвигацца по направлению к Эстонии. Когда Эстония очистилась, мы перебазировались в город Тарту. Тут месяцев шесть стояли.

Девять раз летал я на самолётах «За тебя, Родина» [название лётной бригады]. Их часть убивало: как даст – так и привозят мясо одно. Ну, а меня ни разу не ранило.

Налёт немецких бомбардировщиков

Было дело на Волховском фронте весной (19)43 года. Был немецкий налёт. Наша часть была в лесу на запасном аэродроме. Наши – в землянках. С одной стороны Синявинские болота стояли.

И вот мы не заметили, как прилетел немецкий самолёт. Начал он бомбить наш аэродром. Сразу дали воздушную тревогу. Ну, все из землянок повыбежали – и в траншею. А весна была, капель. Все, не разбираясь, прыгают. Так один из штаба начальник, еврей, как махнул туда, а на него другие стали махать – чуть не утопили его.

Караул у Красного знамени

А две девушки стояли у Красного знамени во время налёта. Они так и остались у него. Можно было свернуть знамя, взять с собой и спрятацца, а они не свернули, не убежали, так и стояли. А бомба взорвалась метрах в 50-ти от них. И было страшное потрясение земли, так что стена около девушек повалилась. Мы их после спрашивали: "Ну, как?". – "Ни живы, ни мёртвы стояли. Завалит ведь", – они сказали. Из-под Воронежа обе были. Вот такой налёт.

Бои на линии Маннергейма

Когда мы только прилетели на Карельский перешеек, то нас через лес обстреляли немецкие пушки. Тут БАО пустили на взрытый снег трактора, огромные такие – вот как от пола до потолка. Они стали утюжить снег, так утюжили, что самолёты весом в 10 тонн ударит, а в снег не провалицца. И вот наступление на Карельском фронте. Утром мы встали, слышим, наши ударили туда из 250 орудий, которы были установлены на каждом квадратном километре. Два часа была артподготовка, потом пустили авиацию. Бомбили. Потом пустили танки и пехоту. Немец не выдержал и побежал из окопов. На линии Маннергейма, когда пехота проходила, уже ни одного немца не было. И тогда Финляндия капитулировала, а фронт Карельский ликвидировали.

Зимы в это время были суровы, люты. Сейчас не такие. Снегов много. Ни проехать, ни пройти, поэтому иной раз продуктов не доставляли, сидели голодны.

Война кончилась

Мы были в Эстонии, когда кончилась война. Нам сообщили по радио. Настроение было, куда лучше. Утром встали – объявляют. И всем тут же дали отпуска в город. Все пошли в увольнение. В этот день от радости или от чаво – между лётчиками и моряками получилась «война». И лётчики, и моряки выпили, вот и пошли из пистолетов палить. А потом успокоились. Но их простили в связи с днём Победы.

Фомичёв Александр Иванович, 1923 г.р., с. Аристовка,
зап. 16.07.1988.

Начало

Мы в лес пошли за ягодами 22 июня (19)41 года. Идём часа в 2–3 обратно, а тут уж шум, технику гонят, лошадей всех. Тут же и людей забирать стали. Так война и началась.

Попал я на фронт в (19)43 году. Привезли нас в Днепропетровскую область. Попал я в 194 запасный стрелковый полк. В ноябре направили на передовую. В пехоте я был, потом у пулемёта стоял. Наш полк потрепало крепко. Нас снова послали на переформировку. Попал я в 39 гвардейскую дивизию, 120 полк, в батальон. Потом меня ранило в первый раз. Это под Малой Костровкой было.

Мы взяли Новомиколаевку. Нашу часть здорово потрепали, поэтому после этого боя дали нам пополнение и бросили на передний край. Мы сходу пошли в наступление на станцию Апостоловка. А у нас ещё ни танки, ни артиллерия не подоспела. У немцев же 35 танков было, а нам немного соседняя артиллерия помогла. Бой крепкий был. В бедро меня ранило. Отправили в госпиталь.

Ну, полежал я в госпитале три месяца. И в мае – меня снова в Одессу. Прибыл я. Тут же: ”Марш в роту! ” В 109 дивизии был автоматчиком. А потом меня ранило второй раз. И уже до победы – в госпитале.

О власовцах

Власовцы – это страшно. Вот в Будапеште сорок пять дней осада шла. Там немец уже не стрелял. А власовцы бились крепко, до последнего патрона. Но если их в плен брали, то они раскаивались. А наши тоже их не всех убивали, если в плен брали. Наш шофёр нам рассказывал, что видел колонну пленных власовцев. Бить их надо, а мы их жалели.

В Европе

Мой призыв (парни, которые родились в (19)25 году) на фронте не отступали. Мы выполняли освободительную миссию. Вот 22 августа вышли мы на территорию Румынии. Там народ попрятался, все, как вымерли. Но потом постепенно стали показывацца на улице, привыкли к нам. А так, нас по-разному встречали. Я лично участвовал в освобождении шести государств: Румынии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Австрии. И народ, надо сказать, там разный. Вот в Болгарии, Чехословакии, Югославии нас встречали очень хорошо: народ на улицах, букеты цветов, все довольны были. А в Венгрии, Австрии народ запуганный был, боялись нас. Им про нас, как про чудовищ с рогами, рассказывали. Они потом нас спрашивали: ”А где ваши рога? ”. Всякое было...

Второе ранение. Конец войны

Я был в десанте. У нас были танки, мы за ними шли. Дело было под Веной. Мы штурмовали Вену, а тут немцы массированный огонь открыли. Меня ранило в руку. Вот до конца войны в госпитале пролежал с 7 апреля (19)45 года.

с. Жедяевка

Вахромеев Павел Николаевич, 1905 г.р., с. Жедяевка, зап. 08.07.1988.

«Языка» взяли

До общего наступления, до перелома в (19)43 году два месяца находились при фронте. А потом орудия пришли – и нас в артиллерию. Приехал генерал-майор Савченко. Приехал: ”Нужно во что бы то ни стало взять «языка»”. А было это в Курской области. Я был младшим сержантом, дежурил на кухне. Он приехал, как сейчас помню, с ординарцем. Вошёл на кухню, говорит: ”Языка взять из штаба надо. И надо самых-самых, смелые чтоб были, чтобы была смекалка, находка”. 3 июля собрали всех вместе, самых надёжных. Я – артиллерист, и они – артиллеристы. Вместе друг дружку знали.

Настала ночь. От леса до села Торостно километра два-три. Мы пошли. У штаба немец дежурил. А дом деревянный высокий – школа, немец там. Ограда высокая и вокруг бурьянник. Пока мы шли – дело к свету. У штаба скамейка поставлена. Сел он на эту скамейку и закурил. Он нас не видит и не слышит. Нас было трое: сибиряк Лозовой, самый смелый, казанский татарин Ахметзянов и я. В артиллерию берут только сильных. Глядим – закурил, стал дремать, окурочек упал. Лозовой пополз вперёд, я за ним. Скатал носок – и в рот немцу. Ведь он может закричать. А казанский татарин приготовил автомат: если откroцца дверь, он их автоматом порежет, а то они нас всех положат. Лозовой сильный, как навалицца, а я, чтоб молчал, кляп в рот засовываю. Связали руки-ноги. Он не идёт, упирацца. Ахметзянова оставили с нём. А мы вернулись: штаб-то взорвать надо.

Штаб взорвали, подошли к Ахметзянову. Пленного немца развязали: ”Малый, иди своими ногами, мы тебя в свой штаб не потащим”. Пришли, значит, в штаб, майор вышел, поблагодарил, руки нам пожал. И нас всех награждают «За отвагу».

Семанов Иван Александрович, 1925 г.р., с. Жедяевка, зап. 08.07.1988.

Солдатская кухня

Бой был смертельный. Мы пошли на то место, где овраг был. Уже смеркалось, но ещё светло было. Приехали повара солдат кормить. Мы подходим туда – раз! – бомба! И одного убило. Не в бою, а убило. Если бы мы подошли к ним, и нас убило бы. Знать, судьба или что... Повара кричат нам:

“Ребята! Подходите”. А я думаю: чо делать? Сердце болит... Подошли. Еду накладыват, накладыват, а есть некому...

с. Кокрять

***Воронин Михаил Ильич, 1925 г.р., с. Кокрять,
зап. 09.07.1988.***

Ушли бандеровцы...

Тогда, в тот раз мы тринадцать человек враз потеряли. Разобрались по мелким группам, по 6–7 человек, и пошли по хуторам. Шли ночью: днём нельзя показывацца. А хутора у них в лесах расположены. И вот увидели свет из лесу. Это подозрительно ночью. Мы подошли. Трое остались рядом с домом, а остальные пошли в открытую дверь. А там уже темно было. Так один наш зажёг бензинку. В ответ раздалась автоматна очередь. Двое сразу погибли. Потом наши отстреливацца стали. Другие группы услышали стрельбу, привстали. Один солдат хотел гранатой в окно, да не успел. Граната у него в руках взорвалась. А бандеровцы по чердакам, крышам ушли. Мы всю деревню перешивыряли, даже солому, а бандеровцев не нашли. А потом разведка сообщила, что их всего трое было. А они тринадцать наших постреляли.

В дозоре

Однажды в дозоре мы были. А тут кто-то должен впереди идти. Так вот нас всего семь человек было, шли цепочкой, а я – впереди. Наткнулись мы на банду. А я сразу увидел: немец-часовой стоит с винтовкой и спит. Стрелять надо бы, а нельзя, не велят. Велят живыми брать. Я по цепочке сообщил, что банда здесь. Все бросились врассыпную, залегли. И стрельба пошла. Бандеровцы снялись, как были, босяком, так и побежали.

***Сироткин Александр Яковлевич, 1917 г.р., с. Кокрять,
зап. 09.07.1988.***

В окружении

Под Орлом в окружении были. Попали незаметно. Заехали на «Катюшах». Две недели сидели там. А над нами самолёт летат. И немец с самолёта кулаком грозицца. Болотина, низина была. Лесу натаскали, сделали настил, наши танки пошли. Вытащили нас. Так мы вышли.

Зайцы

В Восточной Пруссии две машины отстали. В лесу сидим, ждём. Один говорит: “Давай на опушку сходим”. А зайцы вокруг бегают... “Давай из винтовки пальнём!” И на траву сели, за куст. Разгребли ветки и увидели, что немцы ползут. А они, как увидели нас – руки вверх – «хенде хох». Вот и попались «зайцы».

Один немец по-русски говорил. Поговорили. Убивать, знашь, жалко. У них ведь, как у нас: дом, семья, дети... И дом их недалеко. – Ну, идите, чёрт с вами! Только сказали, что у них всё разбито, ничаво нет. Они пригласили, правда: “Приходите к нам”.

Обратно попали, к ним зашли. А встречали-то они нас... У-у-у! Ну, что, посидели, самогонку поставили. Хоть и нельзя, а немного выпили. А потом один говорит: “Вот собираюсь в Советску Армию, повестку мне дали...”

Конец войне!

“Построил нас командир полка и говорит: “Ну, вставайте, солдаты! Конец войне! Давайте стрелять в воздух. Только в себя не попадайте!”. И мы как начали полоскать в небо!”.

***Шопин Фёдор Матвеевич, 1920 г.р., с. Кокрять,
зап. 09.07.1988.***

«Только шинель да шашку задело...»

В Сызрани я тогда служил. Как-то собрали всех на митинг. Солдаты в строю стоят. И женщин много сошлось. И тут объявили, что Гитлер начал войну.

Направили меня в Ульяновский запасной полк. Был механиком-водителем. В Минске стояли 6 месяцев – это, считай, как третий эшелон. Там мы землянки делали. Потом в Польше простояли. На фронт пошли 14 января. Там и случилось нам в воронку залезть. Из миномётов били – и ни туды, ни сюды нам. А он бьёт и бьёт. Но нас тут не ранило. Только шинель да шашку задело...

[Соб.: Какие случаи на войне Вам запомнились особо?]

[ШФМ]: Вот раз мы власовцев расстреляли. В подвале это было. Они все хохлы с угольниками на руках. А один был грузин, его свои же там повесили. Мы расстреляли их всех автоматной очередью, они пьяные были все. Кровищи было, ой!

А одного, вроде, лазутчика, расстрелял лейтенант, сказал, что он на церкви сидел и вредил. Я спросил: “За что его?” – Вот так лейтенант и объяснил мне. Я не знаю, правда ли.

А как-то нас оставили на ночь метрах в трёхстах от основной части. А тут ключик был, мы через ключик перешли, купались тут. Заночевали. И вот немец ночью придумал к нам пробрацца. Вот дремлет один наш парень, а к нему немец подбирацца – «языка», видно, им надо было. А наш встrepенулcя, да и в бровь немцу выстрелил. Так и спасся.

Ранение

Я с жедявским [житель села Жедяевка] мужиком вместе служил. Меня ранило вчepом, часов в пять. Кровища из руки течет, пальцы сразу оторвало. А как получилось? Мне жедявский сказал: "Смотри, вон немец идёт". Я выглянул из укрытия посмотреть, а меня – раз! Хорошо, что я быстро спрятался, а то бы грудь перерезало.

Меня жедявский повёл к санитарной машине. Лейтенант, санитар службы, спросил: "Что, Шопин, ранило?" – Тут мы с жедявским простились, больше не виделись.

Потом повезли нас на санитарке. Машин миллион скопилось – ни пройти, ни проехать. А у меня ноги – ничаво, целы. Ещё один говорит: "Пошли пешком". Так и дошли мы до санчасти. Там палец отрезали, ломота была.

Потом госпитали... Один, другой, третий...

Про Рокоссовского

Давеча забыл сказать: я ведь у Рокоссовского служил. Про няво говорили, вроде, в тюрьме сидел до войны, потом Жуков яво освободил. Поставили, вроде сначала полковником яво, а потом – командующим.

Я яво издали видел. Такой высокай он, как я.

с. Матвеевка

Ананьев Александр Васильевич, 1926 г.р., с. Матвеевка, зап. 15.07.1988.

«Не только за Родину, но и за девчонку сражацца надо...»

Я помню, последню ночь. Но и меня одна девчонка больно целовала. А я целовацца-то не умел. Вот она меня поучила. Учительницей она у нас была. Так вот она мне толчок дала, что не только за родину, но и за девчонку сражацца надо. Тут слёзы, пение, гармошка играет. А меня ещё два дедушки провожали. Одному уж за 80 было. Он говорит: "Куды вас! Вон каких молодцов побило, а вы?" А я: "Нет, мы победим!". И точно: пришёл домой с победой, да ещё с медалями «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Случай на учениях

Прежде чем на фронт попасть, мы в училище были. И вот на учениях у нас убило одного. Саша Маслов. У нас маневры были. Он спрятался в траншею [чтобы не участвовать в учениях – соб.], а ему осколком мины – по голове.

Вот так вот быть недисциплинированным.

Не кради

Один солдат Малышкин в училище украл 18 булок белого хлеба. Он был заодно с сержантом Сысоевым. А я на кухне котлы для приготовления пищи топил. И чтобы отвести от себя подозрение, он половину хлеба спрятал в тумбочке у солдат и мне в дрова буханку сунул. И главное, я не заметил, как он это сделал! А тут старшина Сысоев прибежал, стал рыть (он знал, где хлеб) и с меня тут же погоны содрал. Ну, потом всё выяснилось. Этого Малышкина – в штрафной батальон отправили, а следом за ним и нас с училища на фронт увезли.

Бой в Польше

А на фронте бои всякие были. Раз старший сержант Воробьёв зашёл к нам, отобрал нас четырёх гвардейцев. Это уж под вечер было. Мы ворвались в один польский дом, меня охранять оставили. А я с западной Белоруссии парня взял (он по-польски говорил). В этом доме немецкие офицеры ложились спать. Сержант вбежал в дом, а немец не растерялся: взял пистолет и стрелянул старшему-то. Наши тут выбежали из дома, меня чуть не сшибли, а немцы в окна стали прыгать. Но мы их перестреляли. А старший сержант из строя тоже выбыл.

Как я первого немца убил

В засаде мы сидели. А тут немцы идут. Мало их. Я прицелился – выстрелил. Гляжу – попал. В бою никакого удовольствия: не знашь, ты убил или другой. А тут – собственноручно. Ну что, стащил я с него хромовые сапоги, а то у меня обувки – никакой. И на память взял у него кольцо золотое, часы, но потом я всё это раздал. А ещё взял его солдатскую книжку. Долго её в комсомольском билете носил, а потом потерял где-то.

Граната в лоб попала...

На войне такое бывает – не поверите. Солдат у нас был, Агафонов. Он гранаты хорошо кидал. Как-то у него шишка на лбу вскочила. А вот почему. Фашист кинул гранату, она ему в лоб угодила. Ну, он не растерялся, схватил её и снова в фашиста кинул. А шишка осталась.

О вреде алкоголя

Вот сейчас, знате, пьют много. Алкоголь-то он не только в мирной жизни вреден, но, если его в больших дозах употреблять, и на войне. Вот какой случай был. Первый раз попали мы на Висле под Варшавой в большой бой. Два часа артиллерийская канонада была. А потом нас пустили. Добежали мы до немецких траншей. А тут они хлестать из пулемётов стали. Мы залегли, начали стрелять. И вот командир пулемётного взвода (он лишнего выпил) стал всех в атаку поднимать, его никто не слушат. Он уже был четыре раза раненный, а пятое ранение, которое он в этом бою по своей дурости получил, стало для него последним.

А ещё случай был: солдат Кривonos лишнего выпил, провалялся в окопах. А пока он спал, мы в атаку пошли. Пришлось ему потом нас долго искать.

Пить много вредно.

Не удалось пообедать...

Мне дали как-то раз котелки, говорят: "Ты молодой, иди за обедом". Ну, пошёл я, встали мы в очередь. И только мне получать, немцы как начали бухать. Я все котелки побросал, побежал к своим. Так и не удалось нам пообедать...

Штаб наш был внизу, на первом этаже. А немцы засели наверху, на втором. Затаились. И сверху наших писарей расстреливали и командиров. Они же хитрые...

Однажды паника у нас началась. Все куда-то бегут. Я ничаво не понял, тоже побежал. Бегу, в одном месте через забор прыгнул, да неудачно: носком плетень задел и свалился. Это меня и спасло. Тут второй солдат – прыг и свалился на меня. А я думаю, что это немец на меня прыгнул и душить сейчас начнёт. А потом смотрю – наш. Командир взвода нас останавливает, кричит: "Куда?!". Ну, вроде мы остановились. Он нас в атаку повёл. "Ура!" – кричит. И мы: "Ура!". Смелый был. Сумел за собой повести.

Чуть не утонул

Я самый молодой был, а молодых эксплуатировали сильно. Вот дали мне задание: "Иди за спиртом. Ожидаца наступление на Франкфурт-на-Одере". Я пошёл, а нужно было через Одер переправляцца. Вот я чуть не утонул. Днём дело было. Мы сели в лодку, и стали нас перевозить. А нас заметили, бомбить начали. Лодку разбомбило, пришлось плыть. А обратно я уж по понтону перебежал.

Как я немца в плен взял

Мы уже на территории Германии были. Мы ворвались в населённый пункт, и первым я увидел старика. Старик маленький, лысый, согнутый, как коромысло. Я за ним пошёл в дом. А там, у входа его старуха висела. Повесилась на своих седых космах. Я как зашёл, еле живым остался. Это она повесилась, потому что нас боялась. Их же запугивали, говорили, что мы звери. Вот она, дура, и решилась. А на чердаке, за трубой немецкий солдат (может, сын их) прятался. Он стрелять в нас стал, и мы его обнаружили. Стали решать, кому идти. Полез один и свалился убитый. Тогда я пошёл. Кинул туда гранату, у него автомат вышибло, а сам он живой. Я залез к нему туда, а он испуганный сидит, и орден у него болтацца. Я говорю ему: "Сними, сними". Он не снял, тогда я помог ему снять, а он всё равно нацепил. Ну, повёл я его. А тут танкисты едут наши. Орден у него увидели (а немец-то три наших танка подбил). Кричат мне: "Вон кого тащишь! Отдай его нам!". А я хотел награду за него получить, поэтому не отдаю. Стали они со мной спорить, отняли его у меня. И механик один залез в танк и проехался по нему. С землёй его сравнял. Так остался я без награды.

Опять без награды остался

Брали в плен мы много по одному. А раз я с моим сержантом взяли в плен 92 человека. Это уже к концу войны в Германии было. Вот повели их, а там мелкий лес. Они все разбегацца начали. Ну, мы их согнали и остаток постреляли. Так и не довели. Опять без награды остался...

На Эльбе

Я с американцами встречался. Вышли мы за Эльбу на 18 километров. А когда мы Германию на зоны поделили, нам пришлось возвращацца обратно. И вот тут мы с ними встретились. Мне до сих пор обидно. Они едут на машинах, а мы идём устамши, разуты, раздеты. Они бросают нам галеты, а наши солдаты хватают их, а американцы их в это время фотографируют. Я схватил один пакет и бросил назад им в машину. Нечаво издевацца...

А когда мы были на границе нашей и американской зон, к нам американский офицер прибежал. У них немцы троих солдат зарезали. А они думали на нас. Прибежал, скандалить начал. Ну, мы его быстро успокоили.

А ещё встречал я русских в американской армии. Он был раненый, его подобрали американцы в свою соцчасть. Он был сначала шофёром, а потом стал служить у них. И возвращацца не хотел. Говорил: "Если жена и дети живы, то вернусь. А нет – останусь". Дал мне письмо, чтобы я отправил. Но ответа не пришло. Так он у них, наверно, остался.

*Варфоломеев Сергей Иванович, 1907 г.р., с. Матвеевка,
зап. 13.07.1988.*

Перед поездкой на фронт

Я на тракторе работал. Тогда посевную кончили, трактора на ремонт отправляли. Моего товарища через месяц взяли в Майну. На другое утро и меня туда вызывают ремонтировать его трактор. Я отремонтировал и проводил товарища на фронт. Сам домой пришёл, ещё три дня пожил, и другого товарища с трактором забрали. Проводил. Потом я опять в Майне трактор ремонтировал три дня. Домой пришел, ночь одну ночовал и – повестка мне.

В бане я мылся, а меня уж ждут с повесткой. Ну, намылся и пошёл.

Отсюда нас в Майну, из Майны – к Волге, переправляли на пароходе.

Нас трое было товарищей, из Белечёвки двое, да я. А потом ещё мелекесских, заволжских 100 человек – телеграфно-строительная рота. В Ульяновске указано было место, куда явицца. А там сказали, чтобы явились в деревню Винновка, там палатки построили. А кормили нас у связистов, километр нужно было подныцца. Прислали нам туда три трактора, четыре легковые машины и шесть или восемь грузовых машин. Полтора месяца нас обучали, как столбы ставить, как по-пластунки ползать. Потом на поезд погрузились и поехали.

До Великих Лук и обратно...

Приехали мы на станцию Торополь. А там нам сказали: "Здесь не разгружайтесь, а там, за километр, шпалы накладывайте". Отъехали мы километр, а там – сосенки молодые, речка, и самолёт летит немецкий. Если он заметит эшелон, то сюда прилетит бомбить. И вот как-то заметил и нас, побросал бомбы. Одному немецкому солдату руку оторвало, и одну гражданскую женщину ранило.

Три дня мы там ночевали. А потом начальник задание получил: от Великих Лук речушку (там Волга ключом начиналась) перейти и там старую линию налаживать.

И вот трое нас по линии пошли, и ещё трое – в другую сторону. Мы километра три-четыре отошли, а там – лесник. У лесника ночевали. Потом увидели, как навстречу нам пехота отступала. Они и говорят нам: "Чаво вы тут строите? Слышите, немцы строчат?". И мы – назад. А трое других остались там где-то. Они не знали, что уходить надо. Но на второй день они нашли нас. Одному из них шальная пуля палец поранила. Тогда же мы от Великих Лук ещё три километра отошли. Опять нам навстречу во-

енный: "Не ездьте, – говорит, – немцы в Белой Церкви". И вот мы опять отъезжаем. Тут и самолёт бомбил нас. Разбомбил машину с продуктами. Потом продукты нам дали, и мы три дня шли на Москву. А командир части отстал, один лейтенант с нами. А на дороге стоит пехотный начальник и ловит нас. А у нас ведь половина с винтовками, а половина без винтовок. А начальник хотел нас в Калинин послать, чтобы его [город] отстаивать: там, говорят, кавалерию убило. Потом наш начальник части подошёл, обратился он к пехотному начальнику, говорил про нас. А про него мы узнали, что он оказался на немецкой территории вместе с машиной. Его один старик спас и вывел. Командир забрал нас, и мы пошли ближе к Москве. Долго стояли в городе Солнечногорске. Немец дошел аккуратно до этого места. Но немца отбили, и нас опять на то место отправили. А там увидели немцев убитых, которые в сарае на соломе лежали. Опять ремонтировали мы провода, столбы. Так взад-вперёд четыре года.

Немецкая обувь

Потом пошли морозы. А немцы в холодной обуви. И вот видели, как немцы лапти плетут. Их лапти похожи на хлебальны чашки, какие бабы плетут. Так немцы одевают эти хлебальны чашки на сапоги и ходят взад-вперёд на посту.

В дороге

В одном месте мы восемь километров линии ремонтировали. Утром начали и вечером кончили. В одном доме позавтракали, а как кончили – поужинали. Нас в машину посадили и обратно повезли. Все поехали в одной машине, а мы с командиром – в другой. Я телефон ему устанавливал: «когти» [железные приспособления для лазанья на столбы] надел и на столб лазил. Потом командир поговорил по телефону, и мы поехали. Задержались немного. Едем, видим – впереди клубок дыма. Командир и говорит: "Это наши на немецкой mine взорвались". Я смотрю: земляк тоже погиб. Один солдат на сучке висел. Были и ранены. Их шофёр возил до госпиталя. Так машину и не глушил. Многие до утра не дожили.

Конец войны

Я до Ленинграда дошел. Там долина, а мосты все разрушены. В город мы не входили. Только командир туда ездил по какому-то наплывному мосту. И привёз он нам оттуда пива (каждому по кружке) и сукна. Мне один шофёр обещал сукна на брюки дать, да так и не отрезал. Там мы и узнали, что война кончилась: тишина стояла, стрельбы не слышно.

Дорога домой

От Кёнигсберга нам приказали своим ходом отправицца домой. Шли на своих машинах. Дали нам четырёх коров, чтобы в дороге кормицца. Утром встали, позавтракали и едем, едем... Завтракам так: тёлку зарежем, сварим, поедим, ещё на ужин оставим мяса и едем.

Доехали так до Минска. Туда поздно приехали, так что четвёртую корову мы не съели, там оставили. И вот смотрим мы: солдаты наши домой ехали, а у них шинели новые, велосипеды, муку везут... А мы все рваные – потаскай-ка проволоку да столбы на плечах...

**Жарухин Николай Поликарпович, 1908 г.р, с. Матвеевка,
зап. 12.07.1988.**

«Я совести боялся»

Я совести боялся, никогда ничаво не брал. Это у меня врождённое. Я в сиротстве находился, в (19)21 году здесь голод был. Я воспитывался у брата. Он был зав. детдомом. Грубый был, бил всех подряд. А он сапожником был. Ребят эксплуатировал, не любили его. Уехал, а славу дурную после себя оставил. Проклинали его. И я его тоже проклинаю. Решил я от голода да от брата убежать. У него овечья шкура на чердаке лежала. Я сушил её, чтоб она не гнулась. Вот высушилась она, и я ночью ушёл. Дошёл до Лебяжьего. А там огоньки начались. Впустили меня ночовать. Хозяйка у меня спрашивает: "Как же тебя волки не съели?". Страшно ведь идти-то по лесу. Переночовал я у них, дальше пошёл. Иду, иду, ножиком шкуру строгаю, как опилки, и жую. Перешёл за Каму и снова зашел в деревню ночевать. Там старуха и сын её пятнадцатилетний жили. Пришёл к сыну друг с балалайкой, настроили они её, и сын заиграл:

*"Уж ты доля, моя доля, доля бедняка,
Тяжела ты, безотраднa, тяжела, горька.
Не твою ли, бедняк, хату ветер пошатнул,
С крыши бедную солому разметал, раздул?"*

Я заплакал и ушёл. Вот что мы пережили, перенесли...

О врагах истинных и ложных (про отца и сына)

Я помню, когда Чапаев с Колчаком воевал, сюда отступал. Здесь ещё Железная дивизия с Гаем была. Так вот приехали сюда красноармейцы. Все грязные, на худых лошадёнках. Спросили у нас про Цибульского (это был ку-

пец первой гильдии, а сын у него был белым офицером). Нашли его, вывели у него из конюшни две лошади. А он им ладони свои показыват и говорит: "Товарищи! Я же труженик". Тогда они попросили довезти их до Чистополя. А там они его расстреляли. А расстреляли его напрасно, он работал всю жизнь. Надо было сына его расстрелять, тот многих повесил. Ан, нет, живой, гадина, ходил. Вот вернулся он к НЭПу (это когда у нас народная экономическая политика была), вернулся в село и, чтобы его не трогали, дурачком притворился. Что он делал: ворота открывал и на виду у всех оправлялся. А когда в (19)29-м году за них снова взялись, он удрал. Взглянули, а Ивана Герасимовича уж нет.

И вот как-то мы с соседом в Казань ездили, возвращались обратно, а сосед выпить у меня любил, стал сманивать сойти меня в Тетюшах, в ресторане пообедать. Я согласился. И вот заходим мы, а тут этот Иван Герасимович с друзьями сидит. Оказывацца, он в (19)32 году в Татарию уехал и живёт. Сосед мой с нём поздоровался, а тот ему говорит: "Я теперь не Иван Герасимович, а Иван Кузьмич. Так что ты, смотри, не кричи". К чему я это говорю? Враги-то настоящие (как этот Цибульский-сын) скрылись, они и сейчас нам мстят. Так-то...

О продотрядах и кулацком бунте

Я помню продотряды были тут в (19)18-м году. У нас раньше напротив школа стояла. В школе собрание было. Попросили у крестьян помочь рабочим с продуктами. Но народ был не сознательный. Кулаки (да вообще-то не кулаки, а купцы первой и второй гильдии) решили, что их грабить приехали. У продотрядовцев винтовки были, они их к стенке поставили, а кулаки их похватили и начали народ поднимать. И весь народ, кто хотел, а кто нет, стали продотрядников бить. Я маленький был, помню с робятёшками за пустыми гильзами бегали. Так вот, подбежали к нашему дому, а там Ершов-продотрядник лежит, голову ему разбили, лежит, как мёртвый. А к нему Скорлетов Егوشка бежит (пастухом он был у кулаков всю жизнь). И этот Егوشка хотел этого продотрядовца убить. Винтовку зарядил, а мы, глупеньки, стоим, нам интересно, гильзу стреляющую ждём. А тут старик бежит, борода у него на ветру развевацца, грозный такой старик. Кричит Егوشке: "Ты что, подлец, делаешь?". А Егوشка испугался, что ему супротив старика, 14–15 лет только, говорит: "Убить хочу. Он же враг наш". Старик на него: "Какой он враг! Такой же бедняк, как и ты. Ты-то пастухом вечным у хозяев был". Отнял у него винтовку, разрядил: "Иди, подлец!". Тут Федотов Алексей Михайлович (председатель наш) подъехал с фельдшером Мухиной. Она пожилая такая, хорошо лечила. Забинтовала она Ершова, положили его на лошадь и повезли. А куда – не знаем. А на второй

день из Спасского, с Татарии, военные приехали, чтоб охранять от кулаков, и чтобы виновных наказать.

Первый и последний бой

Вот число, когда меня забрали, я не помню. Война-то у нас 22 июня началась, а меня числа 25 или 28 июля призвали. Нас большая группа была из Матвеевки. В райвоенкомате комиссия была медицинская. Но я на неё не пошёл, так как был здоровый, как бык. Потом старший сержант привёл нас на пароход, и на пароходе мы доплыли до Сызрани, там из нас роту сформировали. А потом перегнали в Оренбургскую область. Здесь уже дивизия формировалась. Оттуда нас снова в Сызрань переправили, а уж потом под Москву, в Подольский район. Заняли мы оборону, но боя не держали. К нам присоединилась панфиловская дивизия. Фактически немец был в Москве, немецкая разведка в Москву входила, и поэтому в Москве стали строить баррикады, ставили ежи, аэростаты запустили. Я это видел, когда был в командировке (меня туда за бельём посылали). Вот сейчас документальный фильм «Битва за Москву» смотрю, и у меня всё это перед глазами стоит.

Таперича нас перебросили на Калининский фронт, на шоссе Москва-Калининград. Мы подъехали в места, занятые врагом. Ржев был занят. Наши Ржев окружили, два года осаждали. И мы его обошли восточнее на 16 километров. И попали в город Осташков. У Осташкова Волга начинацца. Вот где озеро Солигер [Селигер]. Там было укрепление немцев.

Вспоминать трудно

Вспоминать-то о войне трудно. Мы наступали на оборонительный пункт. А он у них укреплен был ужасно, техника у них лучше. А зима 42-го года была суровой. Мороз был ужасный, до 50-ти градусов. Нам вино давали, а оно в бочке замерзло. Вот ведь как.

А на обороне немцев ещё и финны выступали. Мы вовремя тогда с ними не договорились, хотя сейчас и дружим. А они нам мстили за всё.

Вояки же они, ох и вояки! У них в основном «кукушки» – снайпера. На высокое дерево залезет и глядит, а если его обнаружат, то на лыжах пойдёт – не догонишь.

А они у немцев как смертники были. Вот ведь упрямый народ! Мы берём пункт, а немцы финнов оставляют. Было раз. Осталось их в церкви 13 человек. Были они у нас в тылу, поодиночке нас: тук, тук! Много убили. Наш танк въехал в село, купола разбил, они вниз спустились. Ребята их на штыки, а начальство не разрешат пленных убивать. Так эти 13 человек живыми и остались.

Здесь я принял свой первый и последний бой. Здесь меня ранило. В этом бою мы освободили село, где была повешена Лиза Чайкина, Осташков, Бологое, в общем, весь район. Дивизия двинулась дальше, а меня – в тыл. Да, поматался я по госпиталям. Вот ведь, никогда не думал о смерти, не боялся её, а как получилось...

Гибель друга

Какие молодцы с войны не возвращались! Сколько их там оставалось!

Жалко их как. Вот ведь лежишь в окопе вместе, разговаривашь, прошлое вспоминаешь, мечтаешь, привыкаешь друг к другу. А пойдёшь в бой, смотришь, а он отстал, глядь – он мёртвый лежит. Вот у меня друг был, Савенков Иван, с Кокряти он. Командиром отделения был. Вот также он отстал, а я думаю: "Что он там замешкался?". А ему – пуля в лоб. Я после нашёл его родных, сообщил им. А они уж знают, им похоронка пришла. Так вот не стало у меня друга.

Бой у Осташкова

У Осташкова, там, где начинацца Волга, у озера Солигер, было укрепление немцев. Здесь-то и принял я свой первый бой. Укрепление у него было, будь здоров: пулемётные ращоты, миномётные ращоты, даже электрическая кухня и освещение. Долго мы с ним мучились. Канонада была трое суток. А выбить его оттуда не могли. Тогда забросили десант 300 человек. А мы с флангов подошли и разбили его. Там нам партизанские отряды помогали, засады устраивали.

Я до войны охотница любил, стрелял метко, страха не знал, смерти не боялся. Вот и когда бой был, я не боялся, что убьют, даже об этом и не думал. А вот получилось, что ранили меня в этом бою, и последним он для меня оказался. Повезли в госпиталь.

Раненые в доме бывшего немецкого старосты

Ну, вот. Повезли нас раненых в госпиталь. Но не довезли, а оставили нас ночевать в деревне. Попали мы в дом бывшего немецкого старосты. А ночью в этот дом немец, тоже раненый, пришёл. Так мы и спали: мы в задней, они – в передней. Немцы-то этот дом хорошо знали, вот и шли сюда. А на следующий день к хозяину дома приехали из особого отдела. Стали спрашивать его. Обвиняют его в том, что он немцам служил, а он отказывацца. Тогда у него спрашивают: "Ты к немецкому офицеру заходил? Закуривал у него?" Тот: "Да", – говорит. "Вот и служил ты у немцев", – ему в ответ. А тут ещё одно обвинение ему предъявили. У няво (у хозяина) сын был инвалидом.

Однажды его с двумя комсомолками послали в разведку. Он их оставил, а сам ушёл. А потом ещё и немца у них в доме нашли. Вот и получалось, что отец – враг, и сын – враг. А мы стали у хозяйки есть просить, она нам не дала. А на другой день принесла нам курицу, говорит: ”Нате, кушайте, на помин души моих мужиков. Они уж у меня больше не вернуцца”.

Счастливый случай

В госпитале мы недолго были. Эвакуировали нас в срочном порядке (для рентгена-то у нас ранения слепые были). Нас повезли в десятиместной машине. Доехали мы до небольшой речушки, а там – мост, и ехать по нему нельзя. Водитель же просит: ”Помогите, подтолкните – и дальше поедем. А мы в верблужьи одеяла завернулись с товарищами. Пригрелись, вылезать неохота, но всё-таки вылезли, по нужде в овраг пошли. Только вылезли – летит. Товарищ говорит: ”Это – наш”. А я по звуку мог определять, чьи самолёты. Вот я и говорю: ”Нет, этот с гостинцем”. Только я так сказал, тот бомбить начал. Машину – в ключья. Нитки, шерсть от одеял по всему оврагу. Ну, пошли мы пешком, кто мог, и кто не мог. А тут на санках едут двое из инженерно-технического батальона. Они ехали мост ремонтировать. А мы им говорим: ”Поздно. Опоздали вы”. Снова мы до деревни дошли, распределили нас там по домам.

Как раненые голодали

Да, снова привезли нас в деревню, распределили по квартирам. И не ехали за нами три дня. А мы ничаво не ели, голодные ходили. Встретил я младшего лейтенанта и говорю: ”Как вам не стыдно? Мы ведь все голодные сидим”. А он мне: ”Да нам самим есть нечаво. Потерпите уж”. Ну, нашли мы два мешка мороженой картошки, варить её поставили, сидим, смотрим, как она варицца. Мы не удержались, взяли по картошке и сырую съели. И она такой сладкой мне показалась, потом драло. Я говорю; ”Нет, ребята, остальную давайте сварим, а то отравимся ведь”. Остальную картошку ели уже варёной. Ну, потом приехали за нами, в госпиталь в Осташков нас повезли. Там за нами старая дева ухаживала. Ей уже 37 лет было, а она в Бога верила. Она всё говорила, что это Бог ей велел за ранеными ухаживать. Вот ведь как ещё в жизни бывает.

В госпитале

Лежали мы в Осташкове в госпитале. Мест в госпитале не хватало. Так вот нас, тех, кто пошёл на поправку, решили перевести в школу № 2. Мы, кто мог, пошли. А школе этой ремонт нужен. Развалина такая посреди стояла двора, даже стёкол не было. Вот ведь куда нас отправили. Ладно, у меня было байко-

вое одеяло (подарили мне в госпитале). Вот мы с товарищем вдвоём им укрылись. Ну что. Решили мы обратно в госпиталь возвращацца. А сестра нас не пускает. ”Завтра это всё наладят”. Мы в ответ: ”Вот завтра и придём, а сегодня назад вернёмся”. До госпиталя идти сил не было. Решили у кого-нибудь переночовать. Подошли к дому, стучим, а хозяин говорит: ”Я бы рад вас пустить, но посмотрите на объявление, меня же расстреляют”. А начальник госпиталя орёт: ”На моей шее вас 50 тысяч человек. Возвращайтесь в школу”. А нас на лестнице у входа человек пять раненых собралось. Вот начальник госпиталя силой одного со ступенек стянул, да за другого принялся. Ладно, у меня под рукой костыль был, я на него замахнулся, он перестал нас донимать. Так мы и остались в старом госпитале. Так вот палка помогла, костыль помог.

«Как меня лечили»

Ранение-то у меня слепое, кровь начала под кожей разливацца. Я майку подыму, а у меня кровавое пятно на плечо, на спине. Страх, кажецца, прям, что гангрена началась. Я испугался, пошёл к заведующему, говорю: ”Вы что? У меня же заражение может начацца”. Он отвечает: ”Я вижу, да у меня камфорного спирта нет”. Я тогда написал в райком партии письмо. Вечером оттуда пришли, посмотрели. Не знаю, откуда, достали мне этого спирта. Стали мне мазать, через неделю всё рассосалось.

Случай на вокзале

Ну, так вот попал я в Осташкове в госпиталь, подлечился – и в тыл (до Казани). А поездить нам пришлось долго: все госпиталя были заняты, нас катали, катали и, наконец, доехали мы до Казани. Привезли нас, а есть хочецца, продуктов никаких нет. И вот что мы сделали. На четырёх платформах мешки были, гружёные мукой. Мушщина один его охранял. А я был старший вагона. Солдаты беспокоились: есть нечаво. Вот мы пошли к коменданту. Тот нам отказал. Ну, мы начали солдат успокаивать, но ведь это ненадолго. А я как-то шёл мимо мешков этих, а у меня ножик был. Я уголок мешка отрезал, взял горсть, смотрю, пшеничка, «примушка» мука. А со мной казанский один был. Я его послал, он сходил, принёс один килограмм. Солдаты про это узнали, – тоже мешки таскать. Тут переполох поднялся. Мушщина стрельбу начал. Милиция приехала. Успокоили всех. А оказывацца, многие муки принесли. Стали мы стряпать лепешки. Да и делать их не из чаво: воды нет. Приходицца идти далеко-далеко за снегом. У нас железная печка-буржуйка была. Так мы прислонили лепёшки палочкой к ней и держим, так они и запекающа. Наелись мы этих лепешек, а тут другое дело: запор у нас начался – погибам. Везут нас дальше. Привезли на

станцию Муром. Медсёстры идут, говорят нам: "Мы знаем, что вы голодны, сейчас мы вас покормим. Кашу манную, двойную порцию дадим с маслом". А потом нас по деревням распределили. Так вот нас с колёс сняли.

Домой

Я вам рассказывал, у меня слепое ранение в плечо. Пуля и сейчас около сердца сидит. Ну, меня в Казань отправили, а потом в Новосибирск, в клинику, посылали, но я не поехал. У меня там брат раненый лежал, писал мне оттуда, что нащот шамовки там очень плохо. И тогда вот комиссовали меня домой. Приехал я домой, ходил всё боком, болело у меня очень, приступы были часты. Пришёл я к Еремееву, председателю колхоза – хороший мужик. Он меня спрашивает "Ну, как тебе работу?". А без работы-то мне нельзя, жить-то надо. Определил он меня сторожем на пасеку. И с тех пор я работал на пасеке. Двадцать лет проработал. Потом пчеловодом стал. С бабушкой моей мы вместе работали. Я получал 26 рублей, а она была помощницей моей – 13 рублей. Потом она перешла на моё место. Сами видите, платили мало, а взять не каждый умет [умеет], а брать я не умел и не любил. Поэтому мы так сделали: я стал завклубом. Восемь лет работал. У меня диплом есть за вокальную группу (создал я её). Я и сам пел. Голоса-то большого не было, а петь-то пел. А сейчас я на пенсии.

**Казаров Пётр Константинович, 1917 г.р., с. Матвеевка;
зан. 15.07.1988.**

Начало

В (19)39 году я работал на заводе Володарском [Ульяновский патронный завод им. Володарского, расположенный на левом берегу Волги]. Сам-то я механизатор, а в завод нас брали по вербовке. Я уехал тогда в город, а тут финская [война] началась. Нас, механизаторов – на посевную. А как только отселись, нас сразу и забрали. Но не на финскую, а в Молдавию. Год там пробыли. Раз – война! Некоторых, которые уже с Молдавии домой ехали, с дороги вернули. И так вот шесть лет военными дорогами...

Я сначала был в артиллерии связистом. Грамотных мало было. Нас грамотных – в связь, к телефону. От командного пункта проводишь линию до передовой. Идёшь или ползёшь и за собой катушку, как бык, тащишь. И так до ранения. Линию у нас перервало, послали меня исправлять. Я начал делать, ну, меня в руку и ранило. После в госпиталь отправили. Больше я в связи не служил.

В разведке

В разведку ходили мы, но мало, конечно. Вот раз. Шли они (их двое было), и мы в разведку тоже пошли. А это было где-то между Одессой и Николаевым. Идём навстречу друг другу. Мы их раньше увидели, пропустили их вперёд и напали на них сзади. Обезоружили их и привели.

Как я в плен попал

Мы переправлялись через Днепр. Это в первый год войны. Ну, так вот. При переправе меня оглушило, но не совсем, а всё-таки я, как чумной, был. И вот нас окружили, нас взяли в плен. Командира батареи, капитана Бродника, замполита повесили сразу прямо перед нашими глазами. Мне этой участи удалось избежать. С плена я убежал. Спасибо, народ был подходящий. Помогали. А то ведь там у них народ всё больше плохой был. Нас немцам продавали. Немца хлебом-солью встречали. А потом, как пожили на оккупированной территории, так поняли...

Двое нас было, а куда этот второй потом делся, не знаю. Как же было-то: нас вывели, вроде, на ужин. А тут недалеко была яма. Я вышел, смотрю, охранник зазевался, ну я и прыгнул в эту яму, а там ещё один сидит. И вот ночь пришла, всё маненько когда затихло, я говорю: "Ну, чаво, давай выбирацца, а то ведь светать будет". Я полез первым, а потом его с трудом вытащил (он поздоровше меня был). Вышли мы, а куда идти-то? Ночь. Темно. Ну, шли, шли и обратно в лагерь пришли. Там часовой стоит, кричит нам по-немецки вроде: "Стой! Кто идёт?". Мы повернулись – и бежать, а он стрелять начал, но не попал. Убежали мы от няво, а потом разошлись с этим вторым. Стал я до линии фронта добирацца. Ох, трудно было! А когда пришёл к своим, меня начали вызывать в особый отдел: "Как? Где? С какой частью в плен попал?". А как же? Ведь всякое было. Может, я сам сдался. Ну, проверили. Всё правильно. Дальше стал воевать в пехоте. А потом пулемётчиком стал.

О власовцах

Вам о власовцах слышать приходилось? Да, они зверствовали. Власовцы сильно дрались. Они страшнее немца были. Ведь указ такой был: изменников родины убивать. Как же, раз изменил родине, значит, первый враг. Это ведь надо – родину предать, изменить, перейти на вражескую сторону! Ну, так они это знали. Терять им было уже нечаво, им этого никто бы не простил. Так они бились уже насмерть. А всё-таки у них ничаво не получилось. Ведь они думали, что немцы победят, вот, и когда в плен их брали, перешли вместе с генералом на вражескую сторону. В бой ходили они сильно пьяные, для смелости. Ведь и нам выпить давали. А им подавно. Как же, в бой идут на

смерть, а тем более на своих. Это ж тяжело. Мы их тоже не жалели. Если власовец к нам попадёт, его допросят в особом отделе, а потом расстреляют.

Конец войны

Мы ничаво не знали. Я после ранения работал в сборно-пересыльном пункте. Собрали туда мы молодёжь, которую немцы в Германию угнали, и девочек, и парней. И вот я заступил на дежурство. Выдал им продукты, повёз на станцию, там эшалон им приготовили. А там на станции радио: "Война кончилась! Победа!". Эх, сколько радости было! Я как узнал, так по телу мороз... Все бегают, даже коты без ног выбегают. Шапки, платки вверх – победа! Все из поезда повыскакивали, часа два он тронуцца не мог. Радости-то! Конечно, столько пережить: щитай, финская, Молдавия, эти четыре года – мороз, дождь, жара, голод... Всяко было. Уж и не верил никто, что победим, а тут – победа! Это забыть нельзя.

Карасёв Сергей Павлович, 1910 г.р., с. Матвеевка,
зап. 12.07.1988.

Выход из окружения

Нам [двум раненым солдатам] надо было перейти через маленькую речку, чтобы попасть к своим из окружения. Вдвоём мы пошли с Костей. Над рекой деревянный мост, и в него попала бомба, образовалась большая дыра. На дыру положена доска длиной метров восемь. Под дырой – вода. Высота моста метров десять. А Костя контужен был, плохо слышал и с палочкой. Я думаю: первым пойду, ноги у меня здоровые. Кричу Косте: "Ты пройдёшь?". – "Пройду". Я первый прошёл. Стою и думаю, как он там пройдёт? А я ничем помочь не могу. Немцы за нами гонялись. По дороге идти нельзя было. И всё-таки мы прошли в свою часть через линию фронта...

Софьин Василий Егорович, 1922 г.р., с. Матвеевка,
зап. 13.07.1988.

Мы чудом живы остались

Взят я был 15 июня в армию, поэтому войну я встретил 22 июня в 9 утра в Смоленске. Повезли нас на запад: Витебск, Полоцк. Немцы уже там шли. Народу было полно, как селёдки в бочке.

3 июля отправили нас в Москву. Куда девать нас? Никто не берёт. Как раз выступление Сталина было, громкоговоритель на станции был, ну, а там опять в Ульяновск, а через день – в Москву. А потом в Балашовку по-

пал, в школу для командиров. Почти до декабря пробыл. Пригнали нас в Медынь, разгрузили. Ни лошадей, ни оружия у нас не было. Потом получили миномёты. Начались у нас занятия. Ближе к фронту сделали передышку для миномётов. И вот 13 августа мы попали в наступление. Ну, сколько мы были? За месяц 40 километров прошли. Потом отдых, потом опять на фронт. Обычно всё, как на фронте. Ну, вот зимой, в 43-м послали нас на комиссаров училища. Потом их упразднили. Потом – в авиационное училище. После нас на Сахалин послали, потом Чукотка, Эстония, потом приехали домой...

Когда ехали из Полоцка в Москву, разбомбили нас. Осталось нас 16 человек из 104. Я взглянул в дверь вагона, смотрю – самолёт. Думаю, нас охраняет, летит. А он – ух! – и в нас бомбу. Потом его где-то там сбили.

В другой раз мы позицию меняли. Ехали открыто. Немцу всё видать было. Окапывацца начали. Немец летит. 24 самолёта пролетели, нас не бомбили. Потом 19 из них вернулись, бомбить начали. Мы втроём в блиндаж побежали, я и ещё двое товарищей. Вот мы и остались только живы. А все погибли. Потом опять пополнение было: люди и техника.

А раз, как получилось дело. В стороне стог сена стоял, тут танк «34», и гора ящиков с минами лежала. У меня мины загорелись. Я открыл ящики, одну мину вытащил, другую потушил...

О конце войны узнал в училище

На стажировке были. Там новые машины получали, тренировались. Тут же с 8 на 9 ночью узнали. Спали все. Откуда-то стреляют. А у нас пирамиды из винтовок были. Ну, все подскочили: "Война кончилась! Война кончилась!". Ну, тут радости сколько было – полно: кричали, обнимались, стреляли.

Радищевский район с. Адоевщина

Первушкин Николай Васильевич, 1915 г.р., с. Адоевщина,
зал. 12.07.1986.

О начале войны

Недолго я после Финской побыл дома. На седьмой день после объявления пошёл я на Отечественную войну. Попали мы в лагерь в Селисту, там долго формировались. Потом нас направили в Горький. А потом на фронт.

Мы действовали вместе со 189 танковой бригадой, будучи в мотострелковом батальоне.

Шли мы донскими степями: хутор Сиворино, Качалин, Зелёный. Тут мы долго немцев задержали.

Помощнику комбата оторвало ногу миной. Мы с санитаром его на плащпалатке выволокли. А другу, санитару Бадигину все четыре пальца оторвало.

Случай при отступлении

Один я остался для того, чтобы наши отступили. Командир говорил, что надо 8 человек оставить. А я сказал, что один останусь, у меня три станковых пулемета было. Мне помогал дедушка Маньшин Сысой, который в домике неподалеку жил. Немцы – то на меня сбоку ползли, а я не видел. А Сысой мне стучит. Я смотрю: ползут. У меня ещё снайперская винтовка была. Пострелял я немцев много. Надо было уходить, а куда пулеметы денешь?

На хуторе две девушки жили, Таня и Полина. А у дома Сысои была землянка, где мы все припасы и зарыли. Шофер Бакланов вывез меня оттуда.

Оборона Сталинграда

Наша 62-ая армия была под командованием Чуйкова. Мы держали оборону в районе Тракторного завода.

Один раз утром встали: солнышко, снег вокруг. Была наша артиллерия (500 орудий, как лес, и длилась эта канонада 35 минут). Инда краска на орудиях вздувалась. Там только столб чёрный вверх поднимался. В Сталинграде ни снежка не было – все смешалось с землей. Домов не осталось почти. А немцев столько, что дров в поленнице меньше. Подошел я к дымящимся остаткам от дома и спрашиваю: "Есть тут кто?" – Выходит женщина вся в саже, говорит, что больше нет никаво. Немцев ползло столько, будто какую ленту тащили (километров 18 шли немцы видимо-невидимо). Долго мы тут держались и немцев в котле держали.

В Бухенвальде

Были в Бухенвальде. Все видел, где Тельмана стреляли, золу видел.

На спине военнопленных были фосфорные буквы "US", которые светились ночью, когда вдруг кто-то из них убегал. Потом прямо из Бухенвальда нас всех и демобилизовали.

Я был вторым номером пулеметчика до того, как Ермолова, начальника арттехснабжения ранило. Я за него остался. Мне 23 года было, а на висках уже седина.

Гибель после Победы

Шли мы через Польшу, Познань, Варшаву, Шверин, Зоненбург. В Зоненбурге заключенных было 18 тысяч, всех их сожгли в тюрьме (на решетках висели, как барашки). Потом приказ дали: «На Берлин!». Я тогда боеприпасы доставлял. Поехал за патронами «Фауст», они немецки. Их же боеприпасами стали их и бить. Доехали до госпиталя, где мой товарищ Квитко Алексей Максимович служил. Встретились, будто братья (все говорили, что похожи). Он меня спрашивает: "Ну, как ты?". – А я: "Воюю". Он мне и говорит, что война-то кончилась. А у меня волосы дыбом и встали. Выпили мы за Победу. Я поехал обратно. Приезжаю: везде немецкие склады рвут. Говорю капитану: "Квитко сказал, что война-то кончилась, вот водку прислал за конец выпить". Потом шоферня наладили приёмник, и мы о конце от Сталина услышали в 4 утра. Муха пролетит – слышно, вот как тихо было.

Чаво? Надо выпить за победу. Сменяли паек на бочонок пива. Так и выпили за нашу победу.

Но и после войны погибло много. Майор Куцый вызвался помочь крестьянам немецким картошку садить. Он пахать мог. Его спрашивают, зачем. А он говорит, что наши долго тут стоять будут, им есть что-то надо. Так вот майор чаво-то голову от "фауста" поднял, держит и говорит: "Чья-то смерть". Его смерть и оказалась.

А Мишку Плугова нашим танком задавило. Шли мы по дороге. А сломанный танк на цепи тащили, он бултыхался из стороны в сторону. Мишку захватило, раздавило, как доску. У него сердце через рот и выскочило.

с. Волчанка

Зорькин Илларион Захарович, 1919 г.р., с. Волчанка, зап. 08.07.1986.

«Никто ничаво не подозревал»

22 июня часика в четыре нас отбомбили. Мы были в летних лагерях, воинская часть 2804, мехпехота. Я – пулемётчик, там и пехотинцы были. Лёгкие танкетки, мотоциклы были редко, большинство пешком. Никто ничаво не ожидал. Суббота: ещё помню нам объявили фильм «Гибель «Орла», пароход когда-то утонул... Я дежурный в этот день по роте был. Пришли в кино, потом легли спать. Я ещё сказал дневальному: "Разбуди меня часика в три". Слышу – какой-то шум. Говорят: "Тактически занятия..." Ну, тут тревога, и пошло, и пошло...

с. Ореховка

***Агафонов Александр Николаевич, 1914 г. р., с. Ореховка,
зап. 11.07.1986.***

Анекдот про Гитлера

Анекдотов про Гитлера много было. Щас забыл уж. Ну вот такой: "Союзники говорят: "Надо раскалить лом докрасна – наказать Гитлера-то. Холодным концом воткнуть ему в задницу-то, Гитлеру". Наши говорят: "Зачем холодным, надо горячим." "Зачем?" "Если мы горячим концом воткнём, то за холодный-то конец союзники вытащат".

***Гужалин Иван Егорович, 1910 г.р., с. Ореховка,
зап. 12.07. 1986.***

Предчувствие на фронте

Когда хорошо присницца, думаешь – сейчас будет письмо. Чувствуешь хорошее, когда хорошо присницца. Когда присницца плохое – чувствуешь плохое.

***Пегов Михаил Иванович, 1919 г.р., с. Ореховка,
зап. 12.07.1986.***

Как мы в войну шутили

Уж очень мы любили про Гитлера сочинять. Как он в виде зверя какого-то то Чехословакию, то Румынию, то Венгрию слопат. В виде частушек. К примеру:

*Германских два солдата, солдата
И офицер,
Что шли в СССР. И говорит солдат солдатам,
Контуженный немецкий офицер:
"Чтоб путь найти, к наградам,
Мы к Гитлеру с докладом
Придем
И будет нам прием
По-по-по-четный..."*

И вот на сцене трое появляюща в немецкой форме, а их тащит офицер. Все они уроды. Там все лишь бы смеялись, никакой командир не запрещал, если грубо. А смеецца солдат, значит, на высоте. Один рассказывает, другой поддержит, третий прибавит.

О песнях

*Песню гвардейску пели «Катюшу».
И на море, и на суше
По дорогам фронтовым
Ходит русская «Катюша»
Ходит, скажем, шагом боевым.
У красавицы «Катюши»
Все выходит «в аккурат»
Мины толстые, как груши
К немцу в руки все летят.*

После Победы через Манчжурию через границу ехали и песню про Россию пели. Я, ведь, в июне сорок шестого года демобилизовался. Уж самая моя любимая песня – «Шашечка»:

*Немало лет, годов немало
Висела шапка на стене.
Когда с ней казак удалый
На немца мчался на коне.
И на полях на галицийских,
Огнем сверкая на заре,
Эх, шашечка, моя шашечка,
Эх, свистишь, как пташечка.*

Так вот и воевали, и жили, и пели.

с. Нижняя Маза

***Теплов Иван Яковлевич, 1924 г.р., с. Нижняя Маза,
зап. 11.07.1986.***

Дело ведь в воскресенье было. А пора – сенокос. Все мужики в поле были. Как только про войну узнали, меня сразу за ними послали. Председатель сельсовета сказал, мол, скачи за ними, скажи повестки из военкомата пришли. Я во всю мочь поскакал на коне до луга, кричу: "Скорее,

в сельсовет вызывают!”). Они косы побросали – и бегом. Ну, там им и объявили. А мне 17 лет было. Мы с другом Лабутиным Алексеем на следующий день в райком пошли заявление подавать, чтоб добровольцами на фронт послали. Секретарь велел нам подождать, а потом нас вызвали и послали в десантную бригаду, где я и пробыл почти всю войну.

Спасибо медсестре

Получили мы задание – захватить ихний штаб армии. Но его выполнить не удалось – укрепленный огонь был. Тогда нам передали приказ захватить ближайше селение – там наши военнопленные были. Селение от немцев мы отбили, да вот ранило меня. Командир выволок меня из-под пуль и сам ногу-то перевязал. И тут меня сразу в госпиталь забрали. Рана-то пустякова была, и меня вскоре хотели выписывать, а медсестра посмотрела на мою пустякову рану и спросила, кто оказывал первую помощь. Я объяснил. Она категорически отказалась от выписки, направила на операцию. Я на неё злой тогда был – ужас! Все воюют, а мне опять в госпиталь.

Но, однако ж Валентина Леотьевна Конечева оказалась права – осколок у меня в ноге засел. Вырезали его, зажила рана, да и пошёл я опять на фронт.

Прохоровский плацдарм

Самый страшный бой в моей жизни – это Прохоровский плацдарм. Вот там мы, не кривя душой, попали в ад. 800 танков с одной стороны, 800 танков – с другой. Только когда по половине танков сгорело, оставшиеся в живых смогли поднять голову. Тогда нас из роты всего четверо осталось.

с. Паньшино

**Кензин Пётр Александрович, 1925 г.р., с. Паньшино,
зан. 15.07.1988.**

Начало моей войны

К началу войны я работал учетчиком полевой бригады в селе Старое Лебяжье Саратовской области. О войне мы узнали на второй день. Нам сообщили на следующий день рано утром. Позвонили по телефону, и человек из райкома или горкома [партии] приехал и объявил. На третий день забрали из бригады всех мужиков и лошадей. Бабы два дня выли, мы с пацанами кормили лошадей.

Мне в то время 15 лет было. Отработал я до конца года, а в декабре (19)41 отправили меня на краткосрочные курсы трактористов. До ноября (19)42 года трактористом работал. В ноябре (19)42 года взяли меня на службу в запасную стрелковую бригаду в город Пугачев Саратовской области. Потом я курсы младших бригадиров окончил. В мае (19)43 года кинули нас на фронт под Воронеж – укрепление готовить. Но там я ещё живого немца не видел.

Привезли нас в Саратов, тут стали выкликать наших [курсантов] на фронт. А меня и ещё одного оставили. Так мы в эшелон залезли и не сходим. Майор, начальник эшелона, злится: ему ехать, а мы эшелон держим. ”Воевать захотели, сукины дети, ещё навоюешься!” Так и вышвырнули нас [из вагона].

Родина Островского...

В октябре (19)43 года наше училище бросили на оборону Сталинграда около Саратова. Привезли нас ночью на подступы к Шепетовке. Штурмовали её с десяти часов вечера до двух ночи. Помню ночь така тихая, ясная, месяц, и кто-то сказал: ”Родина Островского”.

Атака

Я в один день два ордена получил. Утром мне об одном объявили, а вечером послали в штыковую атаку, за которую тоже орден дали.

Дело было так. В апреле (19)45 года мы в этих кольцах были, получили задание – доставить боеприпасы. А разведка доложила, что у немцев боеприпасов нет. Ну, тут из стратегических соображений решили прикинуть, что у нас тоже нет патронов, и пробивацца врукопашную. А противники у нас серьёзные: войска «эсэс» и власовцы. Ну, власовцев мы не боялись, это они нас боялись, однако среди нас отбор проводили серьёзный: 12 человек из батальона взяли.

Ну, собрались мы и пошли. Первые легко дорогу дали, пошли дальше. Там сопротивление оказали, а мы их из пулемёта прикрыли, они и заткнулись. Ну, прошли, и вот тут-то завязался бой врукопашную. Смотрю, бежит на меня молодой, я его оглушил прикладом – и штыком в живот. А тут мне кричат: ”Смотри, Петро, не зевай! Сбоку!” – Смотрю, сторонница один, всё боком, да боком. Схватились мы с ним, повалил я его и в ногу штык всадил, И дальше...

Задание мы выполнили. Все в крови были. Через три часа приносит старшина сапог: ”Ты, Кензин, знаешь, кого заколол? Коммуниста немецкого”. Гляжу – а у него партбилет в сапоге зашит. Ганс Фриц его звали. Он и спровоцировал эту операцию. Я потом узнавал, его в госпиталь положили, опасности особой его рана не представляла. А дальше, куда он попал – не знаю.

О генерале Путейко

Ну, и генерал у нас был! Он полковником дивизию принял. Ох, и любили же его солдаты, потому что он их любил. Бывало, бой тяжелый предстоит, так он всех солдат объедет: "Трудно, ребята будет, держитесь!". Его каждый солдат в лицо знал. Молодой он был, красивый, высокий, в плечах широкий. В 37 лет уже генералом стал.

Случай у меня с ним вышел под Бреславлем. Командир полка дал нам задание: перекрыть дорогу, навести пушки и никак не пускать. Стрелять без предупреждения. Ночью дело было, темно. Лежим с двумя солдатами в кювете. Подбегает солдат: "Товарищ лейтенант, машина идёт!". Прислушались: легковушка, черный «оппель», а в ней – генерал. Мне бы бить машину, а я думаю: "Нет, разбомбить всегда успеем, посмотрим, кто там...". А машина тише пошла, тише, и остановилась. Мы замерли. Открывацца дверца, и выходит... высокий и стройный Путейко. "Ну что, мужики, как дела? Сидим?". Расспросил обо всем и уехал. А я, когда от неожиданности в себя пришёл, думаю; "Ну, мне теперь трибунал". Пошёл к командиру полка, всё рассказал ему. Тот говорит: "Тотовься, что-то будет!". Ну, я руки опустил, ничаво не делаю, потом отошёл, занялся делами. Во второй день присылают посыльного: солдатам, которые со мной были, объявлена благодарность, а мне – ничаво...

Как я из госпиталя бежал

В войну я три раза ранен был, но, слава Богу, легко. Однажды даже из госпиталя бежал. Меня тогда в ногу ранили. И вот лежу я с палкой, а тут в корпус полковой из полка прискакал. Барабаш его звали. Я ему: "Дедуня, ты куда? Почикай (подожди, по-украински)." Палку – в сторону, пижаму бросил, гимнастёрку накинул и уехал. Потом миня нашли: "Ты хоть распишись, что ты живой, а то за тебя врачи-то «отвечают»".

Как погиб генерал Путейко

Это случилось во время Берлинской операции где-то 14–16 апреля (19)45 года. Когда эта операция началась, то против одной нашей дивизии четыре немецких стояло. Мы их силы расчленили и оказалось многослойное кольцо: наши – немцы, наши – немцы.

Стоит наша батарея на позиции, подъезжает Путейко.

– Держитесь?

– Держимся.

– Есть снаряды?

– Есть. А Вы далёко направились?

– Да мне через второе кольцо.

А я говорю:

– Генерал, тугой заслон там, не ездите.

– А я автоматчиков послал вперед, они меня там ждут.

Не послушал меня, поехал. Через полчаса слышим: слух пошёл: генерала ранило в живот. Его сразу на самолёте во Львов отправили. Не выжил – умер через сутки. Просили его именем дивизию назвать – не дали. Славный генерал был, любили его все.

«Русские – на Прут, немец – на Серет»

В ноябре (19)44 года нас в составе 254 Черкасской стрелковой дивизии отправили на Перемышль в Польшу. А потом в Молдавию отправили на форсирование реки Прут. Тут мы немцу жара дали. Даже поговорка ходила: «Русские – на Прут, немец – на Серет». Вроде и правильная поговорка, а смешно и метко.

Соколов Фёдор Егорович, 1919 г.р., с Паньшино, зап. 11.07.1986.

На Большом Хингане

Это уже в (19)45 году было на Большом Хингане. Это очень крутая гора. Говорили, люди эти горы специально насыпали, чтобы культуру из Китая не выносили.

Наверху горы наше отделение отбивалось, а им провизия и боеприпасы нужны. Гора была настолько крутая, что машина не могла въехать – сразу кубарем вниз скатывалась. А я на этот Хинган, не то что машину, – кухню втащил. Возвратился я в расположение части, а командир говорит: "Соколова к награде представляю"...

с. Калиновка

Федорин Пётр Тимофеевич, 1920 г.р., с. Калиновка, зап. 21.07.1986.

Счастлив, что остался жив

Я остался в этой войне живой, очень счастливый этим, хотя и хлебнул много. Я служил в пехоте. Надо домой было, а война... Служил я в Псковской области. И уже (война началась 22 июня) 1 июля я был на фрон-

те. К 1 сентября попался в плен, а 19 сентября уже бежал из плена. Дважды бежал, но только третий раз удачно. Потом я продвигался на фронт через население [населенные пункты]. В январе (19)42 года сначала попался полицейским в Литве, потом меня староста поймал. А весной (19)42 года попал к партизанам. Нас было трое. Мы были организаторами партизанского движения. Пробыл я там до июля (19)44 года. Освободили район, меня уже на фронт не взяли (я по специальности агроном). Командиром нашей партизанской бригады был Марго Владимир Иванович (он написал книгу “Пылающий лес” о нашем отряде). После (19)44 года меня устроили на работу по специальности. До (19)48 года я был там. Потом поехал на родину в Ореховку.

О первых боевых действиях

Уже к 1 июля были на фронте. Сначала не всех нас на фронт забрали. Сначала из лучших собрали ударный полк – и навстречу немцам. Было очень подавленное настроение, будто вся жизнь отодвинулась. Мы почувствовали себя неживыми. Ведь мы первые должны были встречать немцев – кадровики. Но постепенно всё вошло в привычку, в норму. Только иногда вспомнишь дом, родных..., но жили только фронтовой жизнью. Сегодня живой, а завтра...

День мы ехали. По направлению к Двинску слышали артиллерийскую стрельбу. На машине, на которой ехал я, баллон спустился. Своих не догнали, другие части уже ехали. И вдруг команда: “Воздух!” – нас из пулемётов поливают. Пролетел самолёт, мы дальше поехали. Встречные части были побиты и шли назад. Побывали в первом бою – страшный вид. Влились в шедшие колонны под командование другого командира. Узнали, что это уже обстрелянные бойцы. Они нам рассказали про крещение. Заняли мы оборону. Помню: овёс был, копны. Смотрю: овёс зашевелился – немцы ползут. Мы стреляем, немцы залегли. А потом слышим – канонада. Сначала выстрел «бу-бу», потом снаряд «ах!», затем залп «у-у-у-у». Слышу: близко снаряд упал, буквально в трёх метрах, и не взорвался. А начало смеркацца. Так мы и отступили. Но немцев встречали стрельбой. Приказ отступать получили тогда, когда немцы обходить начали.

Плен

Мы отступали к городку Холму. За него заняли оборону. Долго были в обороне около села Ложково. Там поляна, ручей, лес. И немцы тут. Они ходили в наступление, и мы опять попали в окружение. Выходя из окружения в ночь с 31 августа на 1 сентября, я с отделением был послан в разведку. Туман. Ночь. Темно. Мы подошли к деревне, а там – немцы. Пошли обрат-

но, а в болоте без ориентировки заблудишься. Так и получилось. Попали в другую деревню. Там траншеи. Думали, что наши, а это немцы бросают ракеты. Мы только в траншею с одним, нас – раз! – схватили, связали. До утра держали в окопе. Утром куда-то отвели, где повозка стояла. Немцы костёр жгут, сушацца. Ну, какое впечатление было от них перво? Враг есть враг, но ведь – человек. Обращение должно быть людское. Но фашизм... он наши представления не оправдал. Мы видели людей, а это были звери. Если наши у костра ели, они бы пленному, хоть кусок, а бросили. А немцы: ха-ха, куски намазывают, насмехаюцца над нами. Носки нам на палочках сушить велят. Потом повели куда-то. Километров шесть прошли, там нас охраняли, часового поставили. Затем увезли на временный двор в Холме, погрузили там в вагоны, повезли на Запад, через все те места, где мы воевали.

От побега до побега

Я был человек грамотный (кончил техникум). Думаю: что делать? За 19 дней я несколько раз ходил на работу. Немцы ведь выбирают, кто посильнее. А так с лагеря убежать невозможно: на каждом углу вышка, пулемёты, проволока с током трёх метров высотой.

Однажды я попал на работу. Грузили фураж в порту. Туда железная дорога подведена. Там мы грузили толь в вагоны. Я был слабенький – упал. Немец – пинком под рёбра. Я схватил кусок, кое-как положил, думаю – всё. Тут смотрю, товарищ в уборную попросился. Отпустили. Дай, думаю, и я. Может, удасцца спрятацца. Пошёл, в трещину смотрю, а про меня, видно, забыли, не идут. Я вижу, от пола там поперечина есть. Думаю: придут, убьют – туда и дорога. Просидел там, ноги сводит, то гляди – упадёшь. Хорошо хоть, что немцы не считали нас. К вечеру все уехали. Стал я оттуда вылазить, едва растёр ноги. Смотрю, ходит часовой возле склада. А за вагонами – бурьян. Дождался темноты – ползком в кусты. Здесь почувствовал себя как бы на свободе. Куда выходить – город, постройки. Состояние отчаянное. Потихоньку стал мост переходить, и нерусская речь меня остановила. Схватит – и всё. Думаю, немного жить осталось, отмучился. Даже переговорить с ним захотелось. Он мне и говорит: “Я – латыш” (меня смутила его немецкая форма). У меня появилась надежда, стал спрашивать:

– Отпусти меня.

– Ты же не выйдешь из города.

– Отпусти.

И этот латыш помог мне: показал дорогу, которая ведёт северно-западнее Старой Риги. Я пошел в указанном направлении. И тут у меня появилось желание чаво-нибудь проглотить. Постучал в один дом. Там услышали

мою речь: "Подайте кусочек хлеба". А мне отвечают: "Подожди до утра, а сейчас мы боимся открывать". Ну, думаю, это вовсе не по мне. Зашёл в сад, нашёл морковь. Пожевал немного, понимал, что в моём состоянии нужно знать меру. Стал пробирацца из Латвии. Повезло мне: под носом у немцев проползал по кустам. Город прошёл. Вижу: что-то тёмное: мост через реку. Смотрю, охраняцца он или нет. А кругом ни леса, ничаво. И переплыть я не смогу. У меня сразу апатия ко всему. И только я об этом подумал, вижу, идут трое немцев к мосту. "Так, значит, охрана есть". Вперёд нельзя, назад – тоже. Кругом – снопы. Пошёл к ним, и тут мне ударило в голову: "А что, если их перевозить будут?". Прошёл с полкилометра – постройки, шоссе. А светает. Вижу, мост и будка. Опять нельзя идти. Но – или перейти, или – всё! Я решился. Разуваюсь, беру в руки ботинки, иду. Дошёл до первой будки – там кто-то спит с винтовкой. Иду и не дышу. Подхожу ко второй будке – ну, конец! На щастье, и второй часовой спал. Я тихонько сполз и отошёл в безопасно место. Пошёл я, ночь не звездная. Какой-то хутор вправо. Рядом поле с морковью. Сорвал несколько штук. Зашёл в лес. К утру солнце стало припекать. Есть хочецца, а я боюсь. И не спится: вши всё тело разъедают. Я встал, разнагишался, стал вшей выбирать. Вроде выбрал, уснул, – опять. К концу дня думаю, надо выходить. Слышу – разговор. Выглянул – идёт женщина с корзинкой и девочкой. Выхожу, а она, видно, испугалась, и девочка вдруг заплакала. Я ей: "Не бойтесь, нет ли у вас кусочка хлеба?". Она из корзинки быстро достала куски белые с маслом. Я её прошу: "Никому не говори, что меня видела. Ни-ни!". Эта женщина вроде жизнь мне дала. По Полярной звезде я определил юго-восток. Шёл всю ночь в этом направлении. Решил я выйти на шоссе. Никого нигде нет. Думаю, если населённый пункт – обойду. Тут услышал – повозка гремит. Там мужчина с бородой. Вышел я к нему: "Дяденька, подвези!". А он как припустит! Хотел я прыгнуть, зацепился. А он повернулся: "Щас застрелю!". Я упал.

Старики предали...

К утру хотел найти место, где безопасно. Иду. Напротив – вижу, хатка плохонькая, набочок. Петухи поют, коровы мычат. Дедушка вывел во двор корову. Дверьми рядом хлопают. Дед запряг лошадь опахивать картошку. Подошла бабушка, собирает картошку. Меня соблазн взял: пожилые люди. Сначала они испугались. По-русски хорошо разговаривают: "Умойся, покормим тебя". Я отказывался, но старушка заставила. Наставили мне на стол всего. Я пощипал немного. Желудок-то слабый ещё. И только собрался уходить, заходит мужчина молодой. Я заторопился. Он остановил: "Незнакомых приказано задерживать". Я прошу, а он – ни в какую, и

ружьём толкает. Повёл меня в полицию. Ночь продержали в камере, наутро отправили в Ригу, в тюрьму. Допросили, но я молчу. Ни слова о том, что из плена бежал. Иначе бы – сразу расстрел. В тюрьме две недели был. Нас в баню сводили, бельё прокалили, постригли, бороду убрали. Кормили хорошо. Давали 600 грамм хлеба в день, суп, мясо. Здесь я оживел. Но потом в тот же лагерь, откуда я бежал, отвели. Опять я попал в «Сталаг» /305.

Через три дня опять из лагеря сбежали. Я там встретил земляка, его Володей звали. С ним договорились, что пока на ногах, надо бежать. Как-то пошли мы на работу на большой двор. Там самолёты были. И мы забились в крыло самолёта. А ночью вылезли оттуда, влились в толпу. А тут немецкая машина, – фарами осветила, и задержал нас полицей-латыш, как ни упрасивали его, он всё равно сдал в полицию. Допрос там вели немец и латыш. Они допытывались, откуда мы. А мы заранее придумали версию: мол, из окружения выходили и совершенно случайно в Ригу забрели. А нам немец и кричит: "Из лагеря вы!" – и плёткой – раз!

Повезли нас куда-то. Думали, опять в лагерь. А оказывацца, привезли в поле. Ну, всё, думаю, расстрел, с жизнью прощался. А птицы летают, всё вокруг хорошо, а про родных будто во сне приснилось. Привели нас сначала в какое-то помещение, а потом вдруг опять к лагерю повернули. Поднимаюсь я по лестнице к бараку, а меня немец как пиннёт сверху – я кувырком вниз. Потом в подвале меня закрыли. А там окошечко с решёткой, стекла в нём нет, сквозняк, кроме меня в подвале ещё 40 человек было. Сидел я в подвале восемь суток. За всё это время нам только ведро воды приносили. Люди умирали. На мёртвых приходилось, как на стульях, сидеть. На улице дождь. Ой, ой!

«И одну лишь свободу любить»...

Я ослаб, качает. Смотрю: в уголке грязная бумажка от численника валяцца. Посмотрел я на неё, а там стихотворение:

*«Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем в небесах не могу я парить
И одну лишь свободу любить?»*

Собрался я с духом. Выпустили потом из подвала. Невероятно, как можно было вырвацца. Загоняли нас тогда в одноэтажное помещение, где и окон нет. Так что утром – половина – мёртвые, затоптанные. Там-то я и увидел, что такое фашизм. Что такое лагерь? Невозможно показать плен-

ных в кино. Это люди на грани жизни и смерти. Когда в первый раз увидели лагерников, ужаснулись: небритые, кости одни, босые. Вид страшный. В лагере не кормили, ничаво не было. Только один раз за 19 дней привезли кухню, баланду какую-то. Котелки не у всех были, а все лезут, дают друг друга. А немцы смеюцца. Баланду эту прямо в толпу плескали. Хлеб потом бросили. Его вырывают из рук. Это масса голодных диких людей. Там не только немцев – своих боялись. Но были и люди организованные, как правило, кадровые военные, образованные. Во время делёжки хлеба я попал именно к ним. Мне повезло. Буханку хлеба мы делили на 20 человек. Расстелили плащ-палатку, разрезали на 20 маленьких кусочков. Лежат они, все выравнивают, чтобы без обиды. Старший поднимает кусок, спрашивает: "Кому?" – мы выкрикиваем: "Пятнадцатому" и так по цепочке. Так за все это время этот кусочек только и съел.

На ночлег нас загоняли в бараки. Их было несколько. Построены они были из досок. Там голые нары трёхэтажные. Там очень тесно. Где уснуть? Негде совершенно. Всюду сквозняки. У меня плащ-палатка осталась. Завернёшься в неё, боишься, что у тебя другие отнимут. Но и она не согревала. Забирались те, кто покрепче, по лестнице на чердак. На чердаке не так дуло, да и опилки валялись. Утром встанешь – вокруг мёртвые. Садись прямо на трупы. Трупы сразу раздевали. Мясо ели человеческое, отрезали куски от мертвых. Вот сколько ужасов пришлось пережить.

И мы с Володей опять сбежать решили. К нам один мордвин привязался. Он более или менее надёжный был. А там со словами разными было страшно: за кусок хлеба могли продать – ведь люди разные. В тайне замысел держали. Я как самый грамотный командовал. Так вот, чтобы выжить, мы старались куда-нибудь к окну или к стенке встать. А утром с одной группой на железную дорогу нас послали. Мы на поезд смогли заскочить, а в Литве спрыгнули.

А тут уж, когда пытались выйти к фронту, и попали к партизанам.

с. Дмитриевка

Гукова Валентина Григорьевна, 1922 г.р., с. Дмитриевка, зап. 10.07.1986.

Сталинград

Нас мобилизовали в (19)43-м. Сразу отправили под Сталинград. Ехали в теплушках. Народу набито, как в бочке. Вшей – везде. Я, как муравьиная кочка была. Трудно было. Захочешь в туалет сходить – мужики кругом.

Ехали – военных много в окно видели. Только добрались до Миллерова, мужики говорят, которые к окнам поближе: "Чаво же тут творилось?!" И вот я выглянула в окно – мамочки! И я, не знаю, упала бы, если б народ так плотно не стоял. Везде трупы, стрелковые группы по девять человек, так все разом и покрыты, так и лежат! Доехали мы до Ферапонтова, оттуда – пешком до Сталинграда добирались. Долго (или мне показалось, что долго), километра два-три по трупам шли. Шагнёшь – лежат, шагнёшь – лежат! А до нас трофейная группа прошла – всю одежду поснимали, остались одни трусики. По этим трусикам мы и шли.

По украинской земле

Из Сталинграда нас отправили на Украину. Там нас встречали, как Бога. Люди плачут, на грудь бросаюцца: "Ридны, не бросайте!" Некоторых посёлков совсем не было – трубы одни. Беженцы возвращаюцца, спрашивают, видели ли мы село такое-то. А откуда мы знаем, – трубы одни. "Куда ж вы идёте?" – спрашиваю. – "Куда угодно, а со своей земли не уйдём!"

Посёлок Борманово – его я запомнила на всю жизнь. Был такой в Днепропетровской области. Туда немцы послали карательный отряд. Взрослых всех в Германию отослали. Но тут наши войска захватили эту деревню. Зашли в селение – стон стоит. Чаво такое? Всех, кто не успел убежать – женщин, детей пожгли в сарае, ребят в колодцы бросали, всего ничаво людей осталось.

Фронтная песня

Как сейчас помню: 10 апреля (19)44 года освободили Одессу. Огромное количество войска проходило через город: танкисты, артиллеристы, батареи. Кто-то песню запел – не знаю. Только каждое подразделение, которое проходило Одессу, пели ее:

"Ах, Одесса, жемчужина у моря,

Ах, Одесса, ты знала столько горя..."

Казнили предателей

Видела, как казнили предателей. Военнопленных из концлагерей, когда территорию освобождали, на фронт отправляли. Убьют – за Родину, ранят – все грехи кровью смоем. Вот в одну такую часть попали солдаты, которые распознали предателей, доносивших в лагере на своих же военнопленных. И этих двоих судили. Улик против них много собралось, и вынесли решение – повесить. Мы стояли в селе. На перекрёстке дорог наскоро сделали два столба с перекладиной. Ведут его, на шее табличка: "Изменник

Родины”. Он сам встал на табуретку, и солдат выбил её из-под ног. Как только дал сапогом – и всё.

Он (предатель) с этой дощечкой туда-сюда покачивацца и язык у него длинный-длинный вывалился. А я и шепнула: ”О, гад, ещё и дразницца”.

Люди погибали не только в бою

На войне люди погибали не только в бою. В госпитале у нас извозчик был – продукты возил. Он однажды ехал по территории госпиталя, и у него как-то кольцо с гранаты сорвалось. Так он (вот ведь во время сообразил) сунул её под себя, и его тотчас разорвало на мелкие клочки. Зато людей никак не поранило – всех, кто рядом был, спас.

И другой такой случай. Старичок-помощник повара. Пошёл он за водой. Полина-санитарка ему: ”Дедуня! Я сама схожу”. ”Да, ладно, я уж пошёл”. Только вышел на порог, а тут наш кукурузник по ошибке бомбу скинул, и убило нашего дедуню.

Как я получила прозвище

Это было уже в Германии после форсирования Одера. В это время немцы уже в «мешок» попали. Наша часть осталась в селе, наша рота – охранение – при штабе, остальные рассредоточились по селу. Мы были в таком месте, где немцы могли собрать свои силы и выйти из окружения. Напряжение было среди людей большое.

Зима. На посту стоит часовой. Место было лесистое, и перед ним открывался вид на ложину, покрытую мелким раkitником, там озерцо видать было. Вдруг часовой что-то заметил. ”Боевая тревога!” Мы в три секунды вскочили. Я соскочила с кровати и впопыхах надела гимнастёрку наизнанку. А сапоги – правый на левую ногу, левый – на правую, – да ещё и на босу ногу. И автомат впридачу. Я хоть и низенькой была, автомат у меня всегда при себе был.

Ночь была лунная, ясная. И вот общее настроение. Впереди кусты видно, раkitник ветерком покачивает, и на фоне тёмного леса выделяюцца какие-то группы, но с места не движуцца. Мы решили, что нас заметили и тоже притихли. Хуже всего неизвестность. Вдруг они [немцы] выслали разведку и узнали, что здесь только одна часть.

Командир подходит к строю и говорит: ”Кто добровольно пойдёт в разведку?”. Был у нас в бригаде молодой разведчик Ваня Ступников. Он вызвался и взял с собой друга. Ну и пошли они.

Представляете, как тяжело было нам это ожидание? Смотрим, не дай Бог, что случицца. Видим, они уже близко-близко к этим фигуркам. Мы

замерли. Они обошли кусты и возвращаюцца обратно. Похихикивают меж собой, посмеиваюцца.

А по радиции уже по всем ближайшим войскам объявили боевую тревогу: артиллерия и самолёты наготове стоят.

Разведчики наши подходят и начинают рассказывать, что это просто кустарник ветер покачивает, а издаleка кажецца, что немцы стоят. Посмеялись мы и стали в домики возвращацца. Тут я телогрейку-то скинула, и все вокруг как закатацца над моим видом. Я смотрю на них и тоже смеюсь. Стою – гимнастёрка наизнанку, карманы отвисли, сапоги в разные стороны, и автомат на шее.

”Не видали Швейка – полюбуйтесь, с автоматом”.

Так и приклеилось ко мне: ”Швейка! Швейка!”. Домой после Победы возвращались, так и кричат: ”До свидания, Швейка!”

Кузоватовский район с. Трубетчино

**Кудрявцев М.В., 1912 г.р., с. Трубетчино,
зан. 16.07.1987.**

Как немцы к нам перешли

Мне кричит дневальный: ”Иди, в траншее немцы идут!” Я, значит, туды. ”А, пенчи-френчи они (немцы)” – они бить. Я говорю:

– Вы чово делаете, вашу мать. Зачем? Раз они добровольно идут. Где оружие?

– Там, там.

Я еще одново стукнул по голове, свово. Зачем бить, если они перешли. Перешли эти двое. Стали их спрашивать: ”Почему вы?”

– Надоело.

Рур, что ли у них там шахты. Шахтеры они из Рура.

– А мы вообще не одобряли эту войну.

И они, их сюда только прислали на оборону. И они стали сами разговаривать с немцами. Через неделю ещё три человека. Через два дня ещё пять человек. И вот за месяц, наверное, человек тридцать, как шас помню перешли. И они разведку боем на нашу роту. И ещё в плен захватили, их человек двадцать, наверное, и с ними был офицер. Его расстреляли этого офицера. Допросили, расстреляли. Эсесовец был. Сами солдаты сказали. Всю одежду с него взяли, он всю зиму в кустах лежал.

с. Хвостиха

*Захаров В. Ф., 1906 г.р., с. Хвостиха,
зап. 11.07.1983.*

Путь на фронт

Недели через три взяли нас и отправили на Инзу. В Ульяновск потом привезли. Из Ульяновска на пароходе – в Казань. Из Казани сформировали нас и сразу погрузили и повезли в Москву. Приехали вечером. Свету нет. Часов в 12 водили в столовую. Когда поужинали, повезли на Смоленский фронт. Остановились в лесу. Давай землянки делать. Продуктов нет. Колхозники собирали картошку. И костёр ражжечь нельзя. Ночью в Ельню прибыли. Нас потом послали в баню. Простыни дали по две пары белья. Пошли дальше. Остановились в деревне. Разбитая такая. На колышке написано «Кустики». Дали нам там винтовки, патроны. Наступило утро. Мы дошли до лесу. Опять нас накормили. Ждали там до обеда. Пообедать не успели: пошли в наступление. Наступали, хлеба сжигали. Через три дня меня ранило. В госпитале оказался в Сибири. Там пролежал 4,5 месяца. Из госпиталя отпустили по 62 статье домой.

с. Чекалино

*Назаров Я. А., 1907 г.р., с. Чекалино,
зап. 09.07.1987.*

О пленных немцах

После войны я служил в конвойных войсках в Латвии. Пленных караулили, да водили на работу. Двое убегали, но нашли. Ещё бы им. Наши ничаво им не делали. У них свой суд: сколько суток карцеру дали. За весь конвой только одного убили. Он у своего пленного кашу съел, украл. И они ему дали наказание – два часа перед нашим начальником стоять по команде смирно перед окошком. Ну а дело-то зимнее, два часа простоять – холодно, без движения. Ну начальнику стоило, он взял его и отпустил. Он раз – там была труба большая, – он в эту трубу залез и там были мостки. И он туды натаскал уж моментально кирпичей, и всё, сидит. Конвой – вести домой, а одного человека нет. Сразу – раз, тревога! Я в этот раз был в своем гарнизоне. Нам туды звонят. Раз, как по тревоге – ширк. А там оцепили все кругом. Туды-сюды, нет, туды-сюды – нет. Выезжали машины, там их

проверяют. Больше негде, некуда ему децца-то где-то он здесь. Никуды он не ушёл. Посты все время сменны, нигде тревоги никакой не было. Стали искать, – нашли. Полезли по этой трубе, а он оттуда кирпичом, кирпичом отгораживацца. Ну бились бились, ну чого же – не возмёшь: труба, она труба. Две очереди дали, убили его там. Потом собрали, говорили:

– Берите его и снимайте и его с третьего этажа. Не понесли. Взяли и в окошко выкинули:

– Собаке, – говорят, собачья смерть. Чево, – говорят, – ему надо, поят, кормят? Чево ему захотелось?

Сенгилеевский район с. Шиловка

*Маёришин Александр Алексеевич, 1907 г.р., с. Шиловка,
зап. 12.07.1984.*

В Сталинграде

Из Москвы в (19)41 году направили нас в Сталинград. Разгрузили нас, переправили через Волгу. Заняли мы оборону. Вырыли окопы противотанковые. Были у нас собаки, которые истребляли танки. 250 танков они уничтожили. Сначала седло на собаку, у нее в мешках – запал. Она сама погибает, но и танк уничтожат.

Были лодки санитарные, на собаках 5000 бойцов раненых с передовой в тыл отправили. 5000 мин тогда разминировали с помощью собак.

В «Крокодиле» [сатирический журнал] написано было: "Потерял я колечко в Сталинграде, а в колечке – 22 дивизии".

Паульс был в подвале, а мы там, где сейчас пристань. Пошли мы в бой, окружили и разбили всю группировку.

Котелок спас

Был я тогда сержант, командир отделения. В Сталинграде был ранен. Нёс письмо в штаб. Летит немец, смотрит сверху на меня. А я несу донесение. Сбросил бомбу, но я в траншее успел спрятацца. Выглядыват он из кабины и показыват рукой, мол, сейчас я тебя... Иду я дальше – и немецкий сапёр. Убил я его. Это как раз на Мамаевом кургане было. Ранило меня.

Вытащили мне в штабе два осколка, и пошёл я дальше.

На кухне дали котелок. Сел есть, смотрю – уж ничаво в нём нет. А это немец-лётчик котелок пулей пробил, а меня не задело...

с. Тушина

Комаров Иван Петрович, 1922 г.р., с. Тушина,
зап. 07.07.1984.

Командир в бою

В (19)43 году в марте держали мы последний бой (под Сталинградом), где мне пришлось идти в атаку с Мизицким – командиром дивизии. Ну, вот. Был я в то время пулемётчиком-максимистом [имеется в виду пулемёт “Максим” – Соб.]. Приходилось тяжело, особенно в (19)42 году, когда группировка [немцев] рвалась на выход. Генерал фон Буш командовал, 16 армия «эсэс» стояла здесь. Нашей дивизии и полку приказ был, во что бы то ни стало прорвать линию обороны противника. Дрались весь день, а прорвать не могли. Силы наши, можно сказать, были на исходе. Мизицкий, командир наш, собрал из тыловых частей хироты учебный батальон (готовились младшие командиры для своей дивизии как резерв), поваров. Выстроили нас в лесу. Мизицкий держал речь. Это был не просто боевой приказ, а какая-то обращённая речь, которая зажгла наши сердца. И сам вместе с нами пошёл в атаку на противника. Под его руководством непосредственно вынесли знамя. Шёл он с нами в атаку в форме генерала. Мы поклялись прорвать оборону противника, запаслись гранатами Ф – 1. Во время атаки – разрывные пули под ногами. Много наших солдат полегло. Мизицкий на левом фланге был, кричит: “Хлопцы! Не залегай, не залегай!” Мы с Лёнькой Сечаевым пошли на пулемётную точку. Я – с фланга, и в этот окоп бросился сразу. Я был с винтовкой. Магазиновую коробку пуль разбили. Я ей – вместо дубины. Пулемётом Лёнька овладел, и их же пулемётом – по немцам. Мизицкого касательно ранили в левый висок. Мы пошли тут на переформировку в Орловскую область. За этот бой приставили меня к медали «За отвагу».

Бой со власовцами

Под Шерстнём бой запомнился. Взяли мы плацдарм на реке Сож. В Шерстне у немцев опорный пункт был. Бились мы долго. Власовцы обороняли. Они еще нам кричали: “Оставьте нам клочок земли”. Мы с ними еще в Трубчевске встречались, и здесь вот еще. Они носили обмундирование тёмно-зелёное. На правом рукаве – “РОА”, т.е. «Русская освободительная армия». Это люди, недовольные Советской властью под командованием генерала Власова. Часть их была в оккупационной местности, часть – за военнопленными. Дрались они, можно сказать, до последнего. Вместе с

немцами старостами села были, полициями. До войны колхозы были, теперь межи стали, отдельно каждый. Они жгли деревни, когда отступали, людей расстреливали. У них были специальные поджигательные отряды. Керосином обольют, потом факелы поднесут, деревня вся сгорит. Не щадили ни старых, ни малых. В плен их не брали. Немцев брали, а их нет, расстреливали. Листовки им сбрасывали, кто посознательнее, те сами переходили, к нам с этими листовками.

Стручкина Анна Ивановна, 1916 г.р., с. Тушина,
зап. 06.07.1984.

В зенитной батарее

Служила я в зенитной батарее, в полку 1859. В (19)43 году окончила полковую школу. Присвоили мне звание младшего сержанта. Сначала попали мы в польский город Тирасполь. Из Тирасполя перекинули нас в Познань. Это на границе с Германией. Поймали здесь диверсанта. Командир полка послал меня и ещё несколько бойцов за продовольствием. И тут город начали бомбить. А в Познани было много мостов и переправ. Едем мы через мост. И тут мужчина выскакивает и бросает под колёса коляску. Наш шофёр – машину в сторону.... Ну, и произошло столкновение машины. А во время удара тряхнуло, и я выпала из машины.

В госпитале

Пролежала в госпитале месяц и 22 дня. Полк наш дальше ушёл. А вслед за ним и госпиталь, в Кюстрине (это уж Германия). Город весь разбомблен, одни развалины кругом. Не знаю уж, как уцелел один двухэтажный домик. Его-то и занял наш госпиталь. Домик был у самой станции. Немцы бомбили её постоянно. Взрывы кругом. Ну, я не знаю, это словами не передашь, не дай Бог, война будет.... Ну, вот, упала я даже с кровати, бегу вниз. И тут вижу – рассыльный наш, Кныш. Я ему: “Кныш, я с тобой”. А у самой – температура, голова болит. Взяли мы тут с ним все нужные документы. Вот и сбежала я из госпиталя.

Много тогда погибло

Снова через переправу пришлось идти. Их на Одере было много, двадцать два моста.... И тут немцы бомбардировать переправу стали. А я растерялась. Кныш исчез куда-то, а я стою, ищу его глазами. А рядом стояла такая белая часовня, а у входа – моряк. Он мне кричит: “Чаво ты стоишь? Не видишь – бомбят! Ложись!” Толкнул он меня в ров. Ров там неглубокий

был, а я опять головой ударилась, грязь налипла. Тогда день и ночь бомбили. Враг держался за каждую соломинку.

Они что делали? Бомбы так сбрасывали, что сила разрушительная была огромная. Радиус поражения на 100 метров. В один такой звёздный налёт были мы вдвоём с молодой учительницей. Она после института только. В помощь мне её дали. Командир говорит: "Теорию она освоила, а ты ей практику покажи". Сидим мы с ней рядом совсем. Я беру дальномер, коленкой в ровик упираюсь. Это специально ровики рыли, радиусом 70–80 сантиметров, чтобы упор был. Поймала я самолёт. У неё тоже дальномер. Я-то знаю расстояние до самолёта, её проверяю. Она мне говорит. Вдруг она замолчала. Что такое? А у ней – полчерепу снесло. Даже не вскрикнула.... Много тогда погибло. 14-ая батарея вся погибла – прямое попадание. Ни одного человека не осталось в живых. Да....

Погибли после Победы

А потом дошли мы до самого Берлина. Уж и победу объявили. Кто-то и говорит: "Пошли Рейхстаг смотреть". На двух легковых машинах поехали я, разведчица Квасовар Шура (её тоже убьют) и командир наш. Едем по подвальному помещению, и вдруг – очередь автоматная. Тут Шуру и убило.

После Победы, сколько ещё погибло. На Одере мы были. Есть там озеро. Кустарник кругом, часовые. И всё равно как-то мину немцы на тропинке положили. Подорвались парторг нашего дивизиона Пархоменко, командир Фёдоров, адъютант Егоров. Егоров-то жив остался, ему ухо оторвало осколком. А Фёдорова так разорвало, мы потом по кусочку его собирали, пальцы... Парторгу нашему ноги оторвало, одну ногу по колено, другую вовсе. Врач его успокаивает, в госпиталь эвакуировать быстрее его.... А он никому не верит. Говорит, позовите младшего сержанта Стручкину, это меня значит. А когда взрыв произошёл, я недалеко была. Бегу к тому месту, а мне бойцы кричат: "Что, жить надоело, куда ты лезешь?" Тут за мной прибежали. Подвели меня к Пархоменко. Народ кругом. Я встала перед ним на колени.

– Товарищ старший лейтенант, – он меня пальцем ближе к себе зовёт.

– Скажи правду. Я тебе одной верю. У меня нет ног?

Я растерялась, слёзы на глазах, всегда правду говорила, а тут... Доктор кулаком грозит: смотри, говори, что всё хорошо.

Выдавила из себя:

– Есть у Вас ноги, товарищ старший лейтенант. Ранило только Вас сильно.

– У меня двое детишек дома. Все мои личные вещи – отправь им. А себе – возьми книгу по истории партии. (Пархоменко меня в кандидаты партии принимал). Похоронили мы их обоих...

«Нам без неё нельзя!»

А вот ещё случай один вспомнила. Я-то одна была командиром дальномерного отделения. У разведчиков – несколько человек, у других – тоже, а я одна. Как тревога, – тут же к окуляру. И вот у бойцов-ребят была обнаружена вошь. Командир приказал делать санобработку. А её и проводить-то негде. Две стены полуразвалившиеся, с других сторон – палатки. Командир говорит: "Стручкина, идите сама первая". Только я разделась, сбросила гимнастёрку, рубашку, началась бомбёжка. А я голову уж мылом намылила. Оно такое мелкое, стружкой. Ну, я тут голову в воду, волосы назад. Смыть-то ничего не успела. Юбку одела, гимнастёрка не налезит на мокрое тело. Я обернулась в неё, рукава на шее завязала. Босиком. Апрель, холодно. Тут крепость у Одера была, подвал проходил под рекой. Оттуда немцы часто стреляли. Бомбёжка ещё. Только поймаю самолёт, мыло глаза ест, ничего не вижу. Зенитчики кричат, ругаюцца, без моих указаний стрелять они не могут. Командир кричит: "Быстрее! Застрелю"... Атаку самолётов мы тогда отбили. Тут только командир увидел меня. У меня спина голая, от холода вся синяя. Тут же говорит: "А ну, быстрее в землянку! Растереть её водкой! Нам без неё нельзя. Только бы не заболела."

Упала в Одер...

А один раз во время налёта я была отброшена ударной волной. И упала я с крепости в Одер. Так-то вся в воде оказалась, а рука на берегу. Потом уж замерили – в семи сантиметрах мина немецкая была. А если б на мину упала?

Немцы раз воспользовались тем, что наши самолёты шли «потолком». Это значит, на высоте 6 километров. А немцы полетели много ниже, на бреющем полёте, и бомбят. А нам и стрелять нельзя, в своих чтоб не попасть...

Шинель спасла

Ещё в Гир послали меня и двух бойцов за продовольствием. Идти пришлось проулком. Уже нашли то, что нужно было. И вдруг с крыши автоматная очередь. Потом – выстрел. Разрывная пуля по моей спине скользнула, полоска обуглившаяся. Я ту шинель сохранила, привезла домой.

Трудно в войну было. Голод. Продовольствие было, а поесть немцы не дают. Мы и режим дня меняли постоянно. И всё равно: как сядем есть – тут же бомбёжка. Мы уж обедать по одному-два человека стали.

Два года и два месяца на фронте я была.

Новоспасский район с. Матрунино

**Матвеев Николай Максимович, 1904 г.р., с. Матрунино,
зап. 10.07.1985.**

В разведке

В разведку ходил. Послали нас двоих. Двенадцать ночи. Зима. А ночь-то месячная. За командира отделения я. Велел группе разделицца. А нас он все одно заметил. Пулеметом по нас. Мы его гранатами закидали. Подошли потом к нему, взяли вещмешок его – немцев-то хорошо снабжают, они хорошо питались...

с. Репьёвка

**Бордачёв Егор Никитич, 1922 г.р., с. Репьёвка,
зап. 08.07.1985.**

«Языков» поймали

На войне я в штрафной роте был телефонистом. Нас четыре группы по 15 человек набрали. Направили 60 человек, вернулось 27.

Мы двух «языков» привели. Вся немчина подняла стрельбу. Послали нас всех штрафников в окопы к немцам. У нас как бы побратание получилось. Немец молчал, и мы молчали, днём видели друг друга и не стреляли. Вот командование и послало нас и приказало «языков» привести. Мы и пошли, а немцы, кто чем занимался: караул несли, наблюдали. Мы двух взяли, кляп – в рот, руки – назад и притащили. У нас из группы семнадцать человек восемь вернулось. Мы драку смертельную подняли, оборону прошли, и – к ним в блиндаж. Вернулись с «языками» – румыном и немецким офицером. Он сведения дал хорошие. Они готовились в наступление, а мы их опередили.

Прежде чем расхлопать их, заставили немцев призывать [сдаться] по громкоговорителю.

«Языков» мы командованию сдали. Их в тыл увезли, отдельный отдел ими занимался.

**Кабошин Иван Петрович, 1909 г.р., с. Репьёвка,
зап. 06.07.1985.**

Под Нарвой

Котел был под Нарвой. Только один проход был нам. Мы его расширить хотели. Немцы звали нас «морскими волками». Сколько там народу погибло! Может, техники было много, может, начальство халатное. Не знаю...

Мы шли от Кингисепа, от Ленинграда. Разобрали мы два сарая. Построили плоты. На том берегу – немцы в белых халатах. Один плот отправили, забрали наших живыми. Второй плот отправили – ни слуху, ни духу. Тогда лодку отправили для разведки. Тогда на лодке подплыли к берегу, а там немцы в белых халатах похаживают. Выстрелили немцы фауст-патронами один, другой. Выплыли два бойца вплавь. Потом говорят командованию: «Там немцы наших в плен живыми берут». «Поднимайтесь повыше», – говорит командование. Мы и поднялись. А там немцы как косанули, и от роты (70 человек!) я один остался. Пролежал я там с 11 часов до 11 другого вечера – сутки. Я замерзать стал. Вот засыпаю и все тут. Думаю: «Умирать все равно, а так, может, и «выползу»». И пополз по реке. Один раз выстрелил снайпер по заднице, как кнутом кто-то хлестнул. Другой раз выстрелил, в ногу попал, большой палец прострелил. Смотрю, близко, вроде глыба ледяная, а, может, камень. Пополз я за него, и только голову спрятал, третий выстрелил снайпер, осколки только полетели. Я упал и руки раскинул. Он подумал, что убил, и палить перестал. Пополз я дальше. Нашел товарищей по роте. Все они тяжело ранены. Только один легко ранен. Палец ему на руке оторвало и кожу на ребре оцарапало. Я ему говорю: «Что же ты тут лежишь, смерти дождаться?». А раненые говорят: «Перевяжи нас». А я говорю: «Не могу, я замерз». Еле ноги отогрел в стогу сена. Тогда я их перевязывать стал. Спасать-то их надо. Пошел я и встретил солдат наших-то. Они: «Кто идет?». Я: «Свои». Говорят мне: «Уходить тебе надо, сейчас наши артналет делать будут». Отвели меня на батарею. Капитаном там Голопуп был. Пошел дальше. Вижу, яма, спустились мы туда, спрашиваю: «Кто здесь? Из какой дивизии?». Отвечают: «Санитары». – «Я покажу стог сена, там раненые лежат, 8 человек, их вытащить надо. Я с ними легкого оставил». Они – ни в какую. Я побежал к Голопупу. Прихожу, так и так говорю. Он схватил наган, накинул шинель, побежал к ним, выругался крепко, отдал приказ за ранеными идти. Вытащили этих солдат, положили на дорогу, стоим. Слышим, едет кто-то на лошади, а он – мол, некогда. Мы его прикладом по шее, скинули, положили раненых и поехали в санбат. Привезли. Я – в перевязочную:

- Товарищ капитан, с поля боя привез раненых, их не перевязывают.
- Выйди вон.

Пошел к начальнику госпиталя. Он дал разок, появились машины, перевязали наших, а я сел где-то у столбика и уснул. Просыпаюсь, чувствую, из раны кровь идет. Я – в перевязочную, лег на стол, мне доктор говорит:

- Ты в Бога веруешь?
- Верую.
- Ну, тогда молись. Если бы миллиметр в сторону захватило, ты бы не выполз.

Вот так и воевали. Хорошие были моряки.

Пашин Григорий Иванович, 1910 г.р., с. Репьевка,
зап. 06.07.1985.

На Финском фронте

В (19)39 году вызвали нас по повестке в военкомат, собрали, привезли в Ульяновский, в школу и только по 10-й год взяли [=по 1910 г.р.] и то не всех. А нас сразу туда отправили шалоном [= эшеленом]. Как до Ленинграда доехали, взяли нас, оружие дали и отправили туда, в Финляндию.

Приежжам, там тихо, а морозы 50–45 градусов. Мы там три дня прожили, нас начали по отделениям разделять. Я был пулеметчиком, меня в охрану сразу отправили. Мне там говорят: "Как заметишь неприятеля, сразу огонь открывай". А оне «кукушками» на соснах, как выглянешь – готовый [=убитый]. А оне всё точно знают и бьют. Много побили.

Пришел приказ: в 8–00 наступать. Лежим мы в окопах, танки пошли, мы за ними, за ними – самолеты. И пошло, и пошло. Я двое суток был в наступлении. Меня ранило легко, перевязали меня и опять пустили по дотам. И чаво там только нет! Зашли в один окоп, там один финн вышел. Лейтенант говорит: "Товарищ, пристрели". А финн руками показывает: "Не стреляй, у меня 5 детей дома". А приказ есть приказ – застрелил. И вот мы в лесу обедать стали. Кухня стоит, а подойти нельзя. Бьет из пулеметов, с самолетов. Повар наш, парень здоровый был, идет финн, а ему по котелку ковшом как даст, говорит: "Иди, иди, своим есть нечаво".

Под Сталинградом

Ранило меня там в ногу и в руку. Попал я в Ульяновский, в госпиталь. Вылечили меня через месяц. Потом меня домой отправили, а через 7 месяцев – война.

Из дому нас в Пензу повезли, 2 месяца там были, оружия не давали, стояли с палками, в лаптях ходили. Расформировали нас в Сталинград, в зенитную часть. Стояли мы на мосту сталинградском. Весь город мы сами разбили. Фрица из домов выбивали. Немец нам говорит "Вам только сдавацца", а мы: "Нет, мы еще постоим". Как не постоять, ну куда я пойду от дома? Всех убивают – я жив. Намучились мы, были черными все от дыма, друг друга не узнавали.

Я наводчиком был. Приказ нам пришёл: "Снять орудия, наступать через Волгу. Пешим ходом добрались, здесь ещё хлеще. Выбьют всю роту, опять отступать. Погрузили 16 пушек на баржу, отчалили. Раз – лампой [=прожектором]: как день вокруг стало. Он давай банбить [=бомбить]. Я все скинул с себя, чтоб легче плыть было, и прыгнул в воду. Все вокруг тонут, а мы за бревно уцепились. Видно доля така. Выплыл я. Нас опять в наступление отправили. Опять я вылез. И третий раз так получилось, кода уже Сталинград окружили. Но потом под Сталинградом мы им дали!

Фролов Фёдор Игнатьевич, 1910 г.р., с. Репьевка,
зап. 13.07.1985.

С одними винтовками

Воевал в 120-м краснознаменном полку пехотном. Воевал с (19)41 года. 9 сентября (19)41 года ранило. В наступление пошли. Сперва из обороны вышли. Легли на ночь. Заночевали. На другой день – наступление. Во весь рост шли – никто не стрельнул. Взял палатку, винтовку. У меня винтовка была без ремня. Взял плащ-палатку, документ отдал солдату. Во втором взводе осталось три человека. В отделении человек восемь осталось.

Украинец подходит без шинели, с одной винтовкой. Дождик шёл, дрожит, намок. Отдал ему свою плащ-палатку. Согрейся. Ушёл. Легли опять в оборону. Опять выбили. А мы из-под сопки с одними винтовками, ни миномётов, ни артиллерии. Опять залегли. Девятого опять в наступление. Командир полка приехал проверять. Мы говорим: "Чаво ж мы будем лежать, лучше в наступление". А он: "Время придёт – пойдём в наступление".

Ранение в бедро. Лежал 5 месяцев в госпитале. Сперва в Мурманске, в Кировск привезли, там – полмесяца, эвакуировали в Архангельск, полмесяца пролежал – в Киров, из Кирова в Уфу направили. Из Уфы комиссовали.

Все на фронте были. Пришёл в (19)42 году. В 43-м – на Промвал – валенки валяли на армию. Нас немного было – человек пять-восемь, потом ещё раненые пришли.

пос. Контевка

Соловьёв Владимир Алексеевич, 1914 г.р., пос. Контевка, зап. 12.07.1985.

Письмо с фронта

Были мы в Финляндии под станцией Маймона. Было наступление. Я писал письмо на родину, и я пишу: "Здравствуйте, мои родные! Не беспокойтесь, нахожусь я там-то. У нас весело: кукуют кукушки, гремит гром, мелькает молния, мороз 40 градусов". А мои бегали по селу, антересовались, что за кукушки в мороз? Когда приехал я в отпуск домой, они спрашивают: что это такое? Я пояснил (они-то войны не видели): «молния» – артиллерия, «кукушки» – финские снайпера, «гром» – взрывы.

с. Комаровка

Фунтов Владимир Дмитриевич, 1924 г.р., с. Комаровка, зап. 08.07.1985.

На Ленинградском фронте

Я начал войну в (19)42-м году. И сразу нас бросили на Ленинградский фронт. Там блокада как раз. Попал в морфлот, но недолго там был, недели полторы. Потом перевели в 48-й миномётный отдельный полк. Мы пришли, даже не знали, что такое миномёт. Но сразу обучились – и в бой. Под Шлисбург [Шлиссельбург], это где казнили Александра, брата Ленина. Сделали артподготовку. И пошли в бой. В этом бою все погибли. От батальона осталось 8 человек. А мы так и шли дальше, но нас стали вертать [=возвращать]. В дороге наткнулись на землянки, а там девушки русские – жены немецких генералов. Они нам говорят: "Ой, партизаны русские пришли". Мы их построили. Рассказали командиру. Он всех по одной сам расстрелял. Стали нас переформировывать, что толку от 8 человек. Бросили нас под Синявино. У меня было 11 человек, остался я один. И тут повезло.

И после этого подал заявление в разведку. Три раза ходил, "языка" брал. Мне тогда 18 лет было, но я крепче остальных ребят был. Мы поползли, залегли. От этой сосны часовой ходит. А метель, метель. Лейтенант спрашивает нас: "Ну как, ребята, возьмём?". Мы ему гово-

рим: "Возьмём, что не взять-то". Во рву залегли. Идёт часовой. Меня сосед в бок толкает, мол, прыгай! Я прицелился и прыгнул ему на спину. Он вроде ростом показался небольшой. А он здоровый. Как даст мне в бок, я в траншею как отлетел. Всё, думаю, сейчас убьёт. Поднялся, гляжу, наши на немце уже сидят, и лейтенант руки вяжет. Поднялся я, а бок болит. А он не идёт, упирацца. Я его в траншею прикладом двинул. А он и говорит (сразу русский вспомнил): "Ах, русь, вот мы и не сдаемся поэтому". Мол, я его ударил. А нам еще дот взорвать надо было. Они ушли, а я с ним остался. Еще разок ему дал. Гляжу: ракета – и сразу как грохнет! Взорвали мост ребятки. Вот за это и получил я орден Красной Звезды. И сутки нам отдыха дали.

Разведка боем. Ранение

Потом сделали мы разведку боем. 25 человек, командир, санинструктор с нами. Прошли мы удачно, уничтожили, что надо было, а на обратном пути он нас заметил. Почти всех убило, один я остался, у меня миномёт, вот я и резанул по ним. А рядом – пулемёт. Я сразу на него, со второго удара прямо попал. И тут меня засекли. И прямым попаданием сразу в меня. Я в это время мину взял, заряжать хотел, и он в эту мину попал. Она взорвалась. Я метров на пятнадцать вверх, подбросило так, челюсть свернуло, зубы повылетели, нос – набок, руки-ноги повышибало, а сам сгорел. Закричал: "Товарищи, есть тут кто, помогите!". Слышу, ползет кто-то. А сам не знаю, немец ли, наш ли. Хвать, наш санинструктор. Перевязал меня и говорит: "Лежи здесь, вечером придем за тобой". Я ему и говорю: "Нет уж, лучше пристрели, а то немцы придут, калечить начнут, что это за жизнь". "Да у тебя, – говорит, – обе ноги навывлет пробиты". "Все равно поползу как-нибудь, не останусь, или пристрели", – говорю. Поползли, где и короткими перебежками. На ноги я все-таки вставал. Нас заметили, по нас – очередь. Ему сразу миномётом ноги оторвало. Он как закричит! "Чаво орёшь?", – спрашиваю. "Да ногу оторвало". Я его уж на себе тащил. Одним плечом полз, а тащил. Доползли. Меня сразу в медсанбат. На операционный стол. Без наркозов, на живое стали челюсть вправлять, зубы, нос.

«Мать получила похоронку и моё письмо»

Чувствую, мне не по себе, жарко стало. "Вынесете меня в коридор", – попросил. Вынесли. Вроде полегче. А тут двое наших земляков. Они меня только по голосу узнали. Я весь черный, сожжённый был. Я им только успел несколько слов сказать и сознание потерял. Трое суток в себя не

приходил. Видят, что я в безнадежном состоянии, и написали они матери, что я в госпитале умер. А сестры мне говорят: "Напиши домой письмо". Я поначалу не хотел, обгорелый весь, куда такой. Думал, что уеду и им уж не покажусь. Да уговорили. Написал, а мать-то уж письмо получила, поминки собрала. И в день поминок пришло им письмо от меня. Она и не знает, что подумать. Это письмо от меня и то письмо не больно от кого, от соседей. Через две недели она еще от меня письмо получила, и уж пове-рила.

Вернулся в свою часть

В госпитале пролежал четыре месяца. Пришел в военкомат, а мне: "Демобилизовать!". Я так и сел. Я так и сяду, а они все одно: "Куды мы тебя такого?". Но уговорил. В свою часть упросил, обратно пошел на фронт. К Риге когда стали подходить, вызвал меня командир к себе и говорит: "Дальше никуда не пойдешь". Спрашиваю: "Почему же это?". "Да в плен если попадешь, позор-то какой". Упросил, меня в комендантскую часть перевели. На катер попал. Меня морячок к себе пригласил. Три месяца с ним по западной Двине все переправляли. А потом встретил своих ребят из батальона. "Ты чаво здесь?". Они командиру про меня рассказали. Он на другой день приехал за мной, и к себе меня забрали. В свой батальон я опять вернулся.

Война-то кончилась 9 мая. А мы до 18-го. Власовцы держали. Не сдавались. Есть медали «За отвагу», «За победу», «За оборону Ленинграда», юбилейные.

Зверства фашистов

Мы в Красное село когда пришли, а там накануне немцы, стариков и детей связали, сложили колодцем, облили керосином и подожгли. Мы как вошли в село, в плен много взяли, но ни одного в живых тоже не оставили, всех побили.

Блокаду видел...

Блокаду видел, в Ленинграде был. Вот идет человек, упал. Просит, что-бы встать помог, а я мимо него иду. А как я к нему подойду? Если начну поднимать, сам тут же упаду, вместе лежать будем. Нам выдавали по 300 грамм хлеба и пол-литра воды, остальным по 73 грамма хлеба. А кто мертвых собирал, тем по 500 грамм давали. Ужас, что там...

После войны 9 лет бригадиром был, завскладом и мельником тоже был.

Мелекесский район **с. Новоселки**

*Алексеев С.Н., 1920 г.р., с. Новоселки,
зап. 09.07.1987.*

«В пленных стрелять нельзя»

Под Москвой это было. Как раз была баня, и в ней – пулемётная точка. И нам приказали – уничтожить, во что бы то ни стало пулемётную точку. Подорвать её. И вот пошли мы 7 человек. Ну, всё-таки мы их уничтожили. И вот это мне хорошо запомнилось.

И потом ещё запомнилось: "языков" мы взяли, конну разведку иху. И нам командир дивизии сказал: "Вы вот что, робяты, раз уж вы коней взяли немецких, давайте, если желате вы, на конях ездить".

Ну, тут я от них быстро ушёл, потому что ранило меня.

В разведку идёшь, особенно за "языком" трудно. Вот скажут: "Вот иди за языком". Вот когда с передней линии подходишь [пересекаешь линию фронта], а у тебя в животе: ру-ру-ру! – и на двор хочется и всё. Первый раз – знашь что! А уж потом – сходишь разок, два, три. А уж, когда мы подошли в Польшу, тут уж я вот смотрю – чувствительно наша разведка начала работать. Потому что всё-таки навык взяли. А где навык взяли? От немцев взяли. Правда, они говорили: "У вас Ворошилов никс гут. Паулс у нас тоже никс гут". (Мы тогда уж взяли их под Сталинградом).

Войну я закончил за Берлином, километров, наверное, 120. И фрицы уже подошли. А потом – раз, значит, прекратили. В лесок, значит, мы сосредоточили всю конницу, «катюши». И вот в два часа, откуда ни возьмись – бух! бух! И, хватъ, немцы идут, они уже в плен к нам сдающа. Ну, тут начали, правда, стрелять было по ним. А тут кричат:

"Не бей, это пленные идут". Нельзя стрелять в них...

с. Заборовка

*Синицын Ф.К., 1915 г.р., с. Заборовка,
зап. 18.07.1987.*

В разведке

Это было при взятии Донбасса. Я и ещё один боец пошли в разведку. Нам было дано задание – взять "языка". Пошли мы лощиной. Зашли за

скирды, а там и рига. Недалеко оттуда был штаб немцев. Немцы находились за скирдами. Они обедали. В стороне мы увидели на ворохе сена спящего немца. Мы скрутили его и приволокли в наш штаб. Этот немец был очень ценный для нас человек, это был немецкий переводчик. Он чисто говорил по-русски. У этого немца отец был в русском плену, поэтому и он хорошо говорил по-русски. За это задание мне дана медаль «За отвагу».

Фахрутдинова Роза Зариповна, 1916 г.р., с. Заборовка,
зап. 18.07.1987.

Спасительница

Я была хирургом медсанбата № 295 при 266 стрелковой дивизии. Много приходилось делать операций. Имела переписку от послеоперационных раненых. Вспоминаю письмо от своего раненого лейтенанта. Он был санитаром в медсанбате, и ему я делала операцию по поводу ранения в локтевом суставе с повреждением костей. Ранение осложнилось газовой гангреной. Вопрос стоял об ампутации руки. Не хотелось лишать его руки. Рискнула подождать. Сделала большие разрезы. Сустав промыла раствором. Оставила руку. В моём распоряжении два часа осталось. Если газовая гангрена пройдёт, можно оставить руку. Он потерял много крови, и нужно переливание крови. У него была IY группа крови, которой ни у кого не было, кроме меня. И я отдала ему кровь. Часа через два он вышел из «газа». Делала операцию. Сохранила ему руку. Так я спасла раненого. Это было мне очень приятно. И он всегда писал мне письма. Начинал всегда так: «Дорогой спасительнице моей жизни Розе Зариповне».

Яковлева Юлия Алексеевна, 1918 г.р., с. Заборовка,
зап. 18.07.1987.

«Цоб-цобе!»

Работала я санинструктором в госпитальном взводе. Однажды, это было на Украине, точного места я не помню. Вели мы раненых и тяжело раненых. Половину перевели в деревушку из леса, а половина осталась с нами – я и ещё моя подруга. И начали нас обстреливать из самоходного танка. Нужно было скорее вывести раненых. Я пошла, пробралась в деревушку, попросила быков. Пригнала их, погрузили мы раненых. А быками мы управлять не можем. Мы им: «Цоб-цобе!», – они то останавливаюцца, то идут. Не знали, что «цоб» – это чтобы шли, а «цобе» – стоять. Кое-как вывезли мы раненых, спасли их.

Теренгульский район с. Красноборск

Тарасов Пётр Михайлович, 1922 г.р., с. Красноборск,
зап. 11.07.1995.

О ранении на БОВ

Мы, в общем, в одном месте была высотка, Воритай называлась. Её, наверно, не забудешь никогда. И вот, значит, пехоте продвижению она мешала. Там три дзота стояло, а внизу речка протекала. Она не широка, но глубока. А ледок с палец, проваливацца проходить. Там мостик. Вот пехота штурмовать пойдёт значит, только начинает разбегацца, этот мостик-то пройдёт, и перекрестным огнем раз – и скосит. Там навалили трупов, я не раз не видел на фронте столько трупов, сколько было. Вот нас, саперов, призвали, чтобы уничтожить эти дзоты. Нас было восемь человек: старший сержант Зукул, он был, значит, наверно грузин или, может, осетин, что-то вроде этого. Он возглавлял группу. Мы, в основном, ночь [= значит], сержанты попали: младший сержант Шкителев, я младший сержант вот был, потом младший сержант, москвич, Сережа [вспоминает фамилию – Соб.] Студеникин, вот. Он, значит. Потом Кунцов, Силинский, сибиряк был. Это уже пожилые люди. Они опыт имели.

В общем, нас разбили на две группы. Я попал в подрывную группу. И группа для отвлечения. И вот, значит, Ломакин, сержант Ломакин был ещё. И мы замаскировались совсем, и автоматы замаск..., это, забинтовали, чтобы не видно: зима. Зима все-таки. И вот, значит, только на мост ступили – он несколько очередей сделал и Ломакину сухожилие перебило на руке. Мы вернулись: бесполезно, он уже под контролем держит мост. Ракеты всегда пускат. И вот, значит, этот Силинский мне, вернее Зукул мне говорит: «Пойдем, Тарасов, со мной». Мы пошли. Взяли правее мостика, попробовали ледок – слабый. Он ломицца – он трескает. Ну мы, палки, значит, приспособили: на палки ложисся и вдвоем мы туда – сюда переправились, а там кусты были, значит, ну, кустарник, а не листок. И вот, значит, пришли, доложили капитану. Якимов был у нас командир роты. Доложили ему обстановку. «Давайте, мол, возьмем правее мостика. Мы попробовали уже – можно перейти». И вот таким путем, значит, Силинский пошел (информатор ошибся – Соб.), этот, Студеникин [опять ошибся – Соб.], нет, Зукул то есть, старший сержант, пошёл он в группу для отвлечения. Я в подрывной был, попал. У нас палки метров два с половиной, может три, длинные

были, специально, четыре с половиной килограмма тола, шашки, заделали наконец и бикфордов шнур – десять сантиметров всего. А горение, горение – шейсят сантиметров в минуту горит. Вот десять сантиметров – шесть секунд. Для того, чтобы... саперные спички у нас были. Они... вся серой покрыта, вся спичка. Немножко вот основание. Чтобы взлицца. И она долго горит-то, эта спичка. И вот нады подойти и сунуть в амбразуру. А потом успеть откатицца. Ну, незаметно можно, так, подползти. Ну и вот, значит, получили задание каждый. Мы, нас четыре человека: Качаев, Шкителев, я и Кунцов, рядовой Кунцов был. Пел всё песню:

*Не для меня луна взойдет,
Не для меня Дон разольётся,
А сердце жалобно забьётся,
Такая жизнь не для меня.*

Это я, вот, помню. Ну, живой остался, этот Кунцов. Ну, собственно, подползли мы. Он ракеты бросал все. Мы старались за трупы, значит, пряталца, прижимацца, и если обстрел вот, значит, за трупы. Где-то – воронки, где-то – трупы. И мы таким образом продвигались. А высотка, она все-таки господствующая высотка она. Там было, потом мы узнали, сорок шесть человек немцев в трёх дзотах, а нас восемь человек. Группа для отвлечения, это, она должна нашуметь, влево, значит, взяла она, чтобы они отвлеклись, а мы в это время должны подползти. Когда все успокоилца, немцы разойдуцца, а мы под амбразурой должны лежать, и в это время подрывать их. Ну, у нас, планы, у нас сорвались все. Они бросили ракету. Да-а, Качаев у нас был, Качаев, я забыл, Качаев. Качаев, Шкитилёв, Кузнецов и я. Армянин. Или не...не армянин, а азербайджанец. И в общем, они по... над землей бросили ракету. И ракета, нады же, попала на спину, значит, Качаеву, и еще не потухшая ракета. И вот он завозился и разоблачил нас. И вот они открыли бешеный огонь и вообще поднимацца нам не давали. А потом наконец мы..., а в снегу лежать это, понимаешь, неприятно. Когда кончили, стихло. Шкителев был старший подрывной группы он мне, Василий, он мне говорит: "Петро, давай вроде того, что связалца надо с этим, со старшим сержантом, с подрывной группой". Мы связь потеряли уже, прошло время. "Они живы ли, нет ли?" Он столько времени бил. И вот, значит, я, это, оставил заряд, вернее ну, это, палку. Ну, в общем, я дополз и нашел йих. Значит. А дело-то к утру было. Уже тянуть-то нам некуда было. А перед утром как вроде темнее делалца. Ну, собственно, мне говорит: "Ну, чаво, говорит, начинать надо". Я говорю это, э: "Надо ползти, сказать, мош, своим". Он

говорит, что, это, Зукул: "Ты переходи к нам. Йих три человека, три дзота. По одному дзоту. Ты все равно лишний. Два человека к дзоту не поползете. Ты все равно лишний." И, э, значит, мне пришлось туда и обратно обратно к ним ползти. Вот три раза мне, три гонки я сделал, и все удачно. Йим сказал, и когда приполз к ним, они говорят: "Ну чаво, пробовать надо". Ну и начали, это, ползти вверх. И мы не успели ничаво сделать: нас гранатами закидали. А с бугра, с высоты-то далеко, они длинноручки деревянные, грит, значит, у гранат. Удобная, да. Ну в общем, я, значит, сколько-то... Да! Силинский ко мне подполз их собирать. "Как, Петро? Живой?" Я грю: "Живой" Слушаю: охает там кто-то. В общем два человека уже вышли из строя. Силинский говорит: "Давай, это, маленько успокоилца и, это, к ним надо подползти". Не знай, чо-то. Когда обстрел кончился, мы, я попал на Селинского, за ногу взял его и потянул. Притянул его к этому, к ступеньке этой, от природы созданной, там безопасно. Стал слушать – он уже мёртвый. Потом, значит, пополз ещё – он обратно гранаты начал кидать. И вот граната катицца, еще не взрываецца, ко мне, – и рванула! В общем меня контузило и два осколка: в кисть вот осколок, он и щас здесь сидит, и под локоть осколок. И я без сознания ещё был, не приходил в себя. Ну вот, это, потом, когда энты, я пришел в себя, я уже был за этой, за ступенькой. Меня опять, самого вытянули. А вытянул Ломакин, москвич был. И вот, значит, я горю [говорю – Соб.]: "Как дела-то?" Он грит [говорит – Соб.]: "Как дела-то? Трифонова в ноги прострелило, обе ноги, из пулемета. Он без движения. Зукул считай погибший. Ему между ног граната попала, разорвалась. И, это, в лицо, потом в бок. Он уже был без сознания". Ну и, эт, дело-то не в этом, задание есть задание, надо опять шуметь. Я, значит, бросил автомат, мне он не нужен. У меня двенадцать лимонок было, гранат, чеку я зубами мог выдернуть. И, значит, с Зукулом начали продвигацца. Да-а. Вру-у. Значит вот как: когда, значит, все это окончилось, мы там нашумели, наши подрывники в это время подползли и подорвали их, значит, в дзотах, много погибло немцев. И вот, а наша задача-то была еще нам такая: после уничтожения дзота заскочить в траншеи в немецкие и открыть, ну, гранатный бой что ли. Можно так сказать. Уничт..., да, добить надо, а потом пехота пойдет «на ура». А основные немецкие траншеи дальшы. Он выступал в нейтралку. Йих всего 45 человек было. Ну в общем мы когда, мы заскочили в траншею, там полумесяцем была, значит, она вырыта. А мелкие траншеи: камень урезанный. Мы заскочили, значит, и Сережа этот с автоматом впереди, я за нём. И, значит, он только с зигзага вышел – ему очередь в грудь, и сразу наповал. Я в это время вперед гранату бросил, и все 12 штук и перекидал вперед себя, нашел печурочку немецких гранат, и их тоже, значит. Слушаю:

с той стороны тоже рвуцца гранаты – значит наши заскочили подрывники туда, в тот конец, и пехота «на ура» как раз в это время пошла. Оне почу-яли, что, значит, взрывы произошли и гранатный бой идёт, и они, значит... Правда, семь человек их осталось, немцев. И оне вышли, руки подняли, и, я не знаю, Кунцев мне кажецца, с автомата шерстанул по ним, по ним. В общем четыре человека он убил, а три человека еще живые остались. И в общем мы эту высотку добыли. Ну я сразу в медсамбат, с Качаевым мы. Качаева тоже в руку ранило. В общем из взвода одиннадцать человек у нас вышло из строя: командира взвода, старший сержант был командир взвода, погиб, Ионов вот, Ташлинский, Иван. Кстати, он не дожил до Дня Победы. В легкие раненый был. Ну в общем 11 человек из восемнадцати. 18 человек был взвод. И вот... В общем за эту операцию я получил Орден Славы.

”РАСПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА, ТЫ МЕНЯ ОБИДЕЛА...” РАССКАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ ТЫЛА

Карсунский район с. Потьма

*Андреанова Анна Михайловна, 1900 г.р., с. Потьма,
зап. 13.07.1987.*

«Надо идти...»

В Шуватове мы были. Саня карсунский у нас был мальчишкой. Вот нам объявил. Вот он говорит: ”Война. Вот меня первым и заберут. Надо идти”. Вот он тогда в этот день и ушёл. А после уж не вернулся.

*Багрова Любовь Андреевна, 1924 г.р., с. Потьма,
зап. 11.07.1987.*

Голод

С войны хлеба не стали давать, начали голодать. Я на ферме работала и так работала. Летом на току сортовали, зимой в складе сортовали. Как подступил голод, стали опухать. Сестра погибла в Куйбышеве, брали на Безымянку [там находился секретный оружейный завод]. Нам не дали похоронить. Брат и мать не опухали. Ели кротовник (сорняк), лебеду, хрен рыли, лепёшку лепили с крапивы. И мучкой не пахло.

Председатель «отлечил»

Сама опухала. Вспомню: сердце замирает. Всё слилось. Мама вывела на солнышко, положила на травку, и женщина идёт и говорит: ”Ты чо это лежишь, барыня?” Неужто не видит? Председатель мимо идёт. Мама кричит: ”Подойди сюда, у меня дочка опухла. А одна женщина идёт и говорит: ”Чо лежишь, барыня?” – ”Это нехорошо, бабуся. Иди ко мне в управление, я тебе напишу ордерок, хлеба выпишу и муку”. Я поела и стала спадать. Отлечил он меня. Если бы он эдак не сделал, я бы погибла. Опухали многие в деревне. На ферме стали позднее работать.

«Мама нас жалела»

Все поля руками пололи. Мама стала на нас норму брать – на меня, маму, сестру. Десять ли сажен, как ли...Хочецца заработать побольше. Выходили рано, пожнём, отдохнуть ляжем. И она с нами ляжет. Потом встанет, пожнет сама. Потом подходит: "Ребятишки, вставайте". – Мы: "Когда это ты успела?" – "А я дала вам уснуть, сама и выхлостнула".

Мы помолотков мешок насушим, повесим на подложку. Это по стакану достанет и даст нам. Они, как бобы.

***Бородина Зинаида Петровна, 1924 г.р. с. Потьма,
зап. 21.07.87.***

Перед войной

Предвоенная жизнь тоже была тяжёлая, особенно 36–37 год. Отец у нас был добрый, хороший. Где он только... И в Барыш ездил за хлебом, привозил. Ну и здесь тоже. Даже картошки не хватало. Ездил то в Талызино, на тачке привозил. Было тяжело. Не хватало продуктов. Началась война. Брата взяли в армию старшаво, второй ушёл добровольцем. Он был в Комсомольске-на-Амуре. Вот оттуда ушёл добровольцем. Отца взяли в 42-м году на фронт. Он был трижды ранен. А потом вот после третьяво ранения он на кухне работал, там при фронте. Он пришёл у нас в сентябре, по-моему, или даже в октябре после войны. А яво год был..., самый последний брали, он с (18)97 года рождения. Ну, вот. Тяжело, конечно, было. Что там говорить. Продуктов не хватало.

Первый день войны помню. Даже сильно помню. Я только начала дружить с парнем с однём. Это было как раз в воскресенье. Может быть, дня за два я начала дружить с нём. Он трактористом тогда работал. Ещё мне сколько тогда было? Семнадцать. И вот приходят оне прямо с этой, с дневной смены, говорят: "Началась война".

Любовь

Трудно было, что там говорить. У нас Веселушкин парень был, гармонист, а я припевалочка. Ну вот, и яво взяли. Сразу. Письма были. Разведчиком он был. Я с нём дружила два года. Уходил в разведку, писал: "Если вернусь, тут же напишу". А писем не было. Потом яво вот товарищ мне писал долго, наверное, он сержант был, или кто. Он мне писал долго, что он мне об Вас рассказывал. А потом он прекратил писать. Яво, значит, убили. На няво это, похоронка пришла. Он, мой-то, не вернулся из разведки. Я очень любила, я до сих пор яво люблю... Похоронка пришла, конеш-

но, им [родителям]. Писали, что он без вести пропавший. Родители узнали. Они мне не признавались. Любила я яво. Он, пока ехал до фронта, каждый день писал письма. Каждый день получала. Вот пошёл он когда в разведку, написал: "Вернусь, тут же напишу". Яво взяли, наверно, в марте, а где-то в мае яво убили. Хороший парень был. Яво имя сейчас там, на памятнике [в центре села] есть.

На тракторе

И меня тогда на фронт хотели взять. Мать пошла в военкомат, говорит: "Ну, как же я останусь? У меня ещё шестеро на моих плечах". Ну, они говорят: "Пускай идёт на курсы трактористов". Ну, вот я и пошла. Работала трактористкой. Три года работала. Ой, вспоминать не хочу. Что мы работали? Хороши трактора ушли на фронт. Остались одни скальницы, можно сказать. Ни запчастей, ничаво не было. Днём ремонтировал, ночью ремонтировал. Днём едем. Что там было? Конечно, и план не выполняли и ничо. Ни частей [=запчастей] не было, ничаво... Отремонтировал – поехали. Крутим – заводим... Губы-то мне разрезало. Что там было? Каждый день перетяжки делала с одного никудышнаво трактора на другой. Ремонтировали сами. Под трактор ложились. Головку снимали – и на себя. А в ней 64 килограмма. Это ведь каждый день почти, каждый день.

Трудно было, трудно. А что давали нам? Пока весенняя посевная – овсяного хлеба, может быть, грамм по двести. И ещё затируху давали, вот такую ржаную. Вобщем, из муки. Это поешь, а эти двести грамм отнесу домой. Маму я очень жалела. "Мам, ты хоть немножко"... Ну, а разве она съест? По всем поделит...

А мы-то все девчонки работали в отряде. Даже вот до тех пор [=до такой степени] мы истощёны были. Истощёны были вообще все. Господи, как мы уставали! Да и одеть-то было нечаво. Обувки-то не было. Девки-то вот с нами были, у одной всё-таки отец сапожник... А мы в чём? В лапотках. Вот радикулит до сих пор.

Голод. Смерть брата

Брат у меня был. Шестнадцать лет ему было. Он умер в 44-м году от голоду, можно сказать. У няво не было самозащиты. Натёр мозоль там, и у няво приключилась гангрена. В шестнадцать лет погиб. В 44-м году. 7 июля вот яму была память. У няво ещё была грыжа. Он был слабоватый какой-то. Не было, наверно, самозащиты. Вот всё-таки у меня с 40-го года брат, в Ульяновске он сейчас живёт. Другой брат с 31-го. Они-то выжили. Но ведь всем так досталось. Что там говорить...

Вот зимой мы заготавливали лес для МТС-то. Пилили, ой, Господи, и вспомнить не могу. Пойдешь туда, даже грамма не возьмешь. Весь день пилим. На эти санки наложишь себе домой отвезти. Вот встретят они меня. Брат был и ещё сестрёнка, сейчас в Карсуне живёт. Все встретят меня. Наутро они отвезут [дрова] в Усть-Урень, в Малу Станичну отвезут, привяжут пригоршню муки. Вот из этой муки мама сварит затирушки. Утром похлебам – и всё. Ухожу. И целый день пилим. Даже не могу вспоминать. Вот так и жили. Не дай Бог этой войны.

Болезнь брата

Ну, вот брат с 28-го года был. Он опухал от голода. Опухал. Подойду я, а он сидит. Яму, видно, холодно. Иду вот когда-нибудь за чём-нибудь. Подойдешь, а он сидит опухший. Говорю:

– Что ты тут сидишь?

– Я мёрзну.

Ну, чаво он, опухший мальчишка...

В 44-м году в Потье 135 человек умерло от голода. 135 – кряду [подряд]. И особенно это был июнь. Вот два месяца. Всё отдавали фронту. Вот перед тем как брату умереть мама с сестрёнкой Таней (она с 34-го, в Ташкенте сейчас живёт), она с Таней пошла в лес. День ходят на этих, на подножных кормах. Землянику принесёт домой кружечку. Я как раз пришла из отряда. Ну, вот она принесла: "Садитесь, маненичко землянички поешьте". И он, у няво уж всяраспухша была нога, он мне говорит: "Зин, может, сведёшь меня в туалет". Облокотился на меня. Я яво повела. А утром он помер.

«Мама ходила, как тень»

Мама тоже голодала сильно. Пойдёт в Карсун, ещё был хлеб, мешок несёт хлеба печёного. И предвоенные года были трудны. А уж война! Конечно, поддерживала я работой. Но мама ходила, как тень. "Мам, поешь сама-то". Да разве она съест!

«Были жестокие люди...»

Налог помню. Даже не про себя скажу – сосед здесь был. Пришли к нашему соседу: "Вынь да положь". Он говорит: "Я где вам возьму?". Ну, сам там что соберёшь? "Вот продам хлеб, ну и отдам". – "Нет, нам сейчас". А он психованный был, видимо. Взял, схватил топор – и за ними. Были жестоки люди. Были.

После войны

Кончилась война. Я учётчиком была в Кадышеве. Ну, приехал отец с фронта в сентябре или в октябре. На другой день мы поехали в Иваново. На торфоразработки. Ну и там, конечно, было трудно. Карточки были. Ну всё-таки там давали сколько-то мануфактуры. Приехали в 46–47. Вот в 47-м мы и поженились. С моим. Парня-то маво убили. А мы уж на торфоразработках встретились. Вот так спарились. И живём до сих пор, мучимся. У няво тоже отца убили. Мать умерла в 45 году. Мать умерла 16 февраля. У неё туберкулёз лёгких сразу. Она простыла. Они ходили лук где-то собирали. Их тама сторож что ли ухватился. Они в речке спрятались и просидели. И у неё сразу – туберкулёз. 9 месяцев она пролежала. И умерла. У ней осталось два годика сестра яво Мария и ещё сестрёнка с 31-го года. Ну, вот, значит, она умерла в феврале. А отца убили 15 апреля. Перед самой кончиной войны. Пришли уж к ним эти документы после, как замирилась война. Думал: "Слава Богу, хоть отец жив". А уж война замирилась, яму пришли документы, что он убитый в Югославии, вот где.

Он прожил с ними (с сёстрами) 2 года. Ну, в общем, Марии было 5 лет. Я её и растила. Вырастила. Высшее образование я ей дала. Она выучилась. Математик она. В вашем институте училась.

Ну, вот, я когда я сижу одна, вспомню своего гармониста Веселушкина, сижу и тихонько припеваю:

*Распроклятая война,
Ты меня обидела,
Ты заставила любить,
Кого я ненавидела...*

*Гордеева Сара Игнатьевна, 1912 г.р., с. Потья,
зап. 17.07.1987.*

«Плачь-то была»

Мы сидели у двора. Из Карсуна с базара ехали. Был вторник. В Потье не было радио. Так вот они и сказали. На другой день стали набирать в Совет, направлять [на фронт]. В первый раз человек сорок направили. Провожало всё село. Плачь-то была! Той улицей Ивановкой провожали. Брат был, яму бы осенью прийти, яво забрали. Клычкова Ивана самого первого убили. Жили плохо. Сеяли, жали одне бабы. За семенами-то ходили. Голодовали...

*Грачёва Анна Ивановна, 1920 г.р., с. Потьма,
зап. 19.07.1987.*

Детство

В колхоз—то взяли нас, мне было... с двадцать первого года, а он в двадцать девятом году у нас образовался, колхоз-то. Мы были самы первые. Зачинщики. Нас было, наверно, только двадцать [семей]. Конечно, я работница ещё кака: девять лет. Они идут матеря-то наши [в поле], а мы воду таскали. Таки были кувшины, и вот воду таскали и их [матерей] поили. До обеда ходим, после обеда ещё ходим и их всех напоим. Так работали.

А первый-то год нам хлеба привезли много. Семья-то у нас большая была. Говорили всё тогда: "Красный обоз". Красным обозом привезли. Первый год хорошо тут было. Работали первый год тут дружно. Весело. Плясали, песни пели. А мама-то болела. Много детей-то, чаво... Вот детей-то всех отведёт, а сама — в поле. [соб.: Куда отведёт?]. В ясли. Ясли они назывались. Потом и я пошла маме помогать в поле и на огороде.

Война началась

Девчонкой я была. Вот я, бишь, тогда мы жали вот в малом поле. А рожь-то сильна была. Там кричат, зёв: "Война началась! Война началась!" У-у-у! Все сходь [группы работающих людей] прибегли со жнитва-то, да. Ну и позвали вот в клуб. И все, кто на лошадях, кто чаво... [кто на чём]. Сказали, что война. Ну, у меня отца не было, сиротой я была. Ну, были у которых, да. Повезли [мужчин в военкомат]. А зёву-то, а слёз-то! Неделю провоевали, тому прислали, другому прислали: "Убили", "Убили". Ну, позёвают, позёвают, а тут уж притерпелись вроде, и плакать-то не стали. Вроде так и надо было.

Писем ждали

Потом писем ждали. Письма писали, уже ранены были. Писали. Лучше бы, — говорят, — убило, чем ему попасцца, немцу этому. Как говорят, на собаке все раны заживают, а не убивают насмерть. Получали таки письма. И мы читали, и все плакали вместе. — "Всё, — говорят, — убивают всех, а нас, видно, и пуля-то не берёт". Вот эдак всё писали. Все друг за друга переживали.

Чему нас учили

Нас учили штукатурами работать. Мы работали штукатурами. За нами так следили в то время. Были старшие, а мы ещё молодые в то время. В общем, жили. А тут вроде всё стало хуже и хуже. И в сорок третьем году у

меня ноги болеть стали. И я оттуда выехала сюда, домой. Мать у нас дома. Всех забрали детей. А она одна. Тут стали с матерью жить.

Потом меня тоже брали... ну, как это, ополчение, что ли. Нас обучали винтовку держать. Лазали мы по этом, по горе по-пластунски, по-всякому. По воде даже научили [плавать], можно сказать. Тут Барыш [река], и мы вроде лазили [плавали].

Жила с матерью

Ну, не попала я, ввиду того, туда, на фронт, — у меня мать одна. А у ней было чатыре сына, они все были на фронте. Меня вроде как освободили от этого дела, и я с ней жила, с матерью.

Братя... Один-то вернулся, а этот-то, младший он в заводе работал. Он работал на войну тоже. Всё танки там делали, а тут уж ракеты стали вот делать. Такой завод в Куйбышеве.

«Каждо зёрнышко на счету»

А у нас — налог. Понесла я шерсть. Взвесил, говорит: "Не хватат". "Ну, я сбегаю". Побегла. Принесла всё, что настригла. Я говорю "Всё уж принесла". "Ну, — говорит, — хватит". Ну, хватит, так хватит. Каждо зёрнышко, семечки, какие уродяцца на огороде, — всё несли на базар.

А в колхозе — бригадир стоит, смотрит, чтоб себе колосок не оставила. Вот прихожу, он стоит. "Вот, — говорю, — принесла всю, что настригла". Он меня три раза гонял. Я говорю: "Всё уж принесла". "Ну, говорит, — хватит". Ну, хватит, так хватит. Каждо зёрнышко на щету. По плану.

А тут ещё налоги. Ягод, бывало, уродицца, ночью соберёмся — и на тачку — и пошёл в Карсун! Человек нас пять-шесть соберёцца, и поедем. Продадим, уж он у двери стоит, дожидатца. Ну, вот хорошо, пронесло — и отдали [налоги]. Вот таки дела были.

«Наелись!»

Ели липовы лепёшки. В крылец не влазили. В крылец влезть — это была казнь велика, силы нет. Мы вот с одной подругой пошли на гору сюды за ягодами, за земляникой. Нарвали, и больше не можем. В подол нарвали, в запон, и легли на просеку — больше не можем. Говорю Вярुшке: "Вярушка, умрём мы тут". Она говорит: "Давай съедим эти ягоды-те". А у нас в подоле липова лепёшка была. Она рассыпалась, Господи, нехорошо сказать, как коровье говно. И мы её с ягодами с крошками-те и съели. Встали и подвигались домой. Вот-те — наелись! Вот как мы ели, чаво видели и как страдали.

Коровка спасала

Вот кабы коровы-те не было, мы бы погибли.. Всё-таки коровка – молочно... Бывало, мама в какой-нибудь затирушке яво слипыват мукой, а всё-таки похлебашь – глядишь, и не отекали... Нет, нет, не отекали. А кои, глядим: батюшки, это вроде эта, а её не узнашь – она отекала без молочка-то. А мы с молочком-то...

За солью

Соли-те не было, сорок копеек стакан её здесь продавали. Мы ходили в Ульяновский [=Ульяновск], на себе, на санках. Вот. Пешком, на санках. Шурганы, бураны – прём. А я говорю, щас бы голову оторвали. А за пуд, за пуд-то. Идём, не боимся, через Волгу переедем. Во двор нас заведут как-то татары, собаки кругом. Вот щас и разговоримся, с кем ходили. ”Ба, девчонки! И ходили не боялись, куда нас заведут в ущелье. Сейчас нам голову оторвали бы там. А мы ходили”. Ну, и перенесём через Волгу, переедем. Крылец тут какой-нибудь, – влезем, опять на санки укладываю – и пошёл. По три дни, по неделе ходили из Ульяновского.

«Налоги невыносимы»

А налоги уж невыносимы. Невыносимы [к соб.], доченька! Вот наложили..., у нас овчинка была. Наложили на нас-то... Ну, уплатили мы яво – у нас больше нет. И вот вальдиватский [житель с. Вальдиватское], он, наверно, жив сейчас, вот Гараниной Вальки отец, он, наверно, кривой ходит там. Да. Вот сястра у нас жила. У ней муж-от ушёл на фронт. А она с девчонкой здесь же жила, у нас с мамой. Ну, она купила шальки вязать, купила шерсти. А мама сидит, прядёт. Он пришёл, у неё эту связку оторвал да унёс. Плачем все. Она купила – нам не в чем, не в чем, а он унёс. Вот как жили. А налоги невыносимы. И молока накладывали и по тысяче [рублей] налогу. Да, да. Всё было, доченька, всё было, да. Всяки страхи. Где взять – негде.

Заработать еду...

А на санках поедем в лес. А вот эта сястра-то, в лес поедем, – в Посёлки, наберём дров, повезём продавать. А там, вишь, моркошкой занимались, а мы-то не сеяли ещё. Нам дадут полведра морковки за санки-те. А у нас искры жёлты сыпались из глаз, да в лаптях, да почти разувкой. Они худые [лапти], а навернуть нечаво. Повезём оттуда полведра морковки. Какой-нибудь похлёбки с этой морковинкой в чаво-нибудь с картошкой наворныхат нам мама, – поедем. На другой день встаём опять. Ну, у самих-то холодища в избе, а мы едем продавать, мы есть хотим, да. Вот с мамой тут в Коммуну ходили мы жать.

Коммуна-то была у нас вот на большой дороге. Умерла женщина вот, Акулина Яковлевна, Надюши Бородиной мать, ну, чаво? Не знай, коронить идти, не знай, сами-те умрём, или жать идти... ”Айда, – говорит, – поглядим и пойдём жать”. ”Ну, ладно, айда, мама, взглянем, а то и сами-то, – говорю, – умрём. И пойдём жать в Коммуну”. Пошли жать. Вечером принесли шесть килограммов муки с ней. Она говорит: ”Ох, Нюра, мы теперь купцы с тобой!”. Да мы две недели эти шесть килограмм муки вместе с липой ели. Вот. Так и ходили каждый день, жали там. Нам мукой уж прямо давали, мукой. Пахали на себе, на себе пахали, вот. Нынче – этой, завтра – этой, да, помогали, конечно.

Нечем помочь.

Помрёт кто, – нясут человека, и нечем помочь. Ну, правда, отвязут – кто на чем. Так отвязут, безо всякого. Ведь сейчас похороны вон какие! А это отнесут, зароят, да и всё. Чем помогать-то? Мы все эдаки были. Ой, доченька, невозможно вздумать!

За семенами

Мы голодны, холодны, да, да, да. Голодны, холодны. А тут семянов-то [=семян] нет, нас провожают в Краснополку [соседнее село]. Это в марте месяце в половодье. А мы в лаптях. Половодье-то по колено-те вода-то. А мы идём, солнышко закатилось в эту Мурзиху, в гору-то. Идём, а вроде как варом [=кипятком] – холодной-то водой, да, да, да. Вот так жили.

Война замирилась!

А как замирилась война-то, тоже мы ходили за семенами, да, за семенами ходили. Идём Посёлками-то: ”Куда, куда нас понесло?” – ”За миром, за миром пошли”. Приходим с Краснополки-ти, здесь пионеры пошли по селу-то. Воим: ”Война замирилась! Война замирилась!”. Это, мол, нарочно, нарочно. Хвать, – правда, по радио, но и радио-то не было. Ну, а которые были одиноки, а были, заходили к ним: ”Война замирилась! Война замирилась!”.

[К соб.] Ой, дочка, как вздумать, как голодали, невозможно вздумать. Защити, Господи, это придёт, защити, сохрани. Одно страдание.

Замошникова Мария Дмитриевна, 1929 г.р., с. Потьма, зап. 17.07.1987.

«Вечером стали забирать отцов-то»

В лес ходили мы за грибами в первый день. Идем горой, слышим, что плачут. Что за плач? Вот идём там с речки, проулочком, нас встречают.

”Девчонки! Война, – говорят, – началась, с Германией война началась”. Ну, мы чаво, мы и не знали, чо такое война. Ну, конечно, 11 лет, чаво ведь. И побегли все к Совету, а там радио-то это было. Стали объяснять. А уж это мы пришли часа в два, в третьем, а уж вечером стали провожать отцов-то. Вот у нас тятя-то он работал в комбинате, там бронь давали всё-таки. Яво ж сразу не взяли. Ну, уж мы тут горя-то сперва-то ещё не видали. Дома до февраля он был, а в феврале яво взяли в (19)42-м.

*Заплаткина Мария Ивановна, 1912 г.р., с. Потьма,
зап. 10.07.1987.*

«Я приеду за тобой»

У меня он был в армии муж-то. Он моложе меня. Я с двенадцатого года, а он с восемнадцатого. А яво не брали. Они там были какие-то кулаки всё раньше, яво не брали в армию-то. А потом мы с нём уехали вот в Орской [Орск]. У меня была ещё девочка маленькая. Мы с нём уехали, яво там взяли в армию. Может быть, здесь и не взяли, а там яво взяли. А чаво я там? Пожила, пожила маненечко: ”Нет, я домой уеду”.

А меня не пускали: ”Не ездей, Маня, замучаешься там. Здесь и хлеб и всё хоть дадут”.

Нет, я уехала. Приехала, здесь и мучалась. Да всё и каялась. А он мне в письме писал: ”Зачем ты уехала?” Больно уж не велел ехать-то: ”Маруся, живи, я приеду за тобой, тебя заберу”. А он служил в Батуми. А хват, никак: война уже началась в июне-то. Он уж мне пишет: ”Маруся, здесь бои у нас идут. День и ночь, как музыка играют. Только ждём: вот-вот”.

Ну, вот, сколько он мне? Наверно, месяцев пять-шесть слал всё. А потом всё – погиб.

*Зотова Александра Ивановна, 1911 г.р., с. Потьма,
зап. 19.07.1987.*

Гражданская война

Осталась я после отца, 12 лет мне было. С братьями жила, с матерью. А тут, значит, пристигла нас война-то, вот эта революция. Я её маненько помню, как тут что происходило. Воевали вилами, подавалками. Кто кого.

Играли мы тогда у нас во дворе. И зазвонили в колокол. Чо такое? Пожару нет. Чо такое? Побегли в лес. Коммунисты, говорят, коммунисты в лес побегли. Каки коммунисты? Ну, там они обошли лесом в Карсун. И потом взялись: приехали в Потьму. Вот как помню. Мы были у двора. У нас

видать Ивановску-то дорогу [дорогу в сторону с. Ивановка]. Едут коммунисты-то, едут. Шашки наголо, верьхами, в сёдлах: ”Разойдись!”. Да.

Ну, одна партия на Верьх, другая – на Низ, к нам. Ну, мы, кто куды! А вот помню, хорошо помню. Кто куды попрятались. Все разошлись.

А тут на другой... или через неделю... уж не помню, и не скажу... перевернулось. Эти – вот, всё барахло-то. На коммунистов. Коммунистов стали... не скажу вот, сколько прошло время... Стали бить, сеччи.

И такие коммунисты секли, вот за лишни слова. Тоже пресекали. Хорошо же тоже не было. Вот это после революции.

Вот сейчас помню. Ночью искали одного коммуниста-то. Нашли яво в бане и били яво. Кто рычагами, кто чем.

А вот он стоит и говорит: ”За что вы меня?”. А кто? – наш брат. Вот эти-то – барахло. Я говорила. Ну, яво и убили тут до смерти. А хороший был мужик-то. Ну, зачинщик, вроде, – коммунист. Убили. Ну, а потом как-то много времени-то прошло. То везут раненых, то убитых. Убили, говорят, в лугах. Вилами спорили, подавалками. Ну, это всё ладно. Ну, а тут чаво? Я стала повзрослее.

Работать нады. Пошла полоть, пошла жать. А жали-те серьями. Руками всё это мучились.

Ну, после. Ну, чаво уж у нас тут было? Колхозы-то. Царя-то сместили. Ленин-то настал. Всё ведь плохо было. Изо всяво плохо.

А тут мне в школу бы итти. Мать говорит: ”Не пойдёшь. Надо пряхсть. Холста надо. У нас семья. Ситцу нигде не было. Сестру отдавали [замуж], брата женили. Верьх-то из лоскуточков одеяло соберут, а подкладочка-то холстовая. Ну, так вот у меня школа и осталась. Я и осталась пеньком.

Война!

Вот тут колхоз. Я вышла [замуж] сюды, колхоз-то начался. Колхоз – опять трудно. Опять все трудности пережили. А тут маненько наладилась жизнь-то – война! У меня уж тут дочка родилась.

А мы сидим у двора. Идут из Карсуна, говорят: ”Война! Война!”. А, мамыньки, а мамыньки! Я говорю: ”Да спаси, ты Господи!”

Уж в войну-то чаво? Я сама четвёрта была. Ноченьки не спала. Караулила, конюшила, на конном дворе и в поле конюшила. На лошадях ездила, хлеб возила.

За керосином

За Красином [=керосином] ездила с бочками.

А поедешь с робятёшками. Они нахлышут, нахлышут [лошадей]. Да что это не боялись? С Вешкаймы ведь возили. Они нахлышут, нахлышут и уедут. А я: ”Господи, что будет? Что будет?”. Одна печаль. Тихонько еду

и еду. Они меня встретят, встретят, правда, робяты, встретят: ”Айда, Саня, пошли на квартиру”. Ну. так вот пережила. Пережила. Дети-то – четверо. А чаво нам давали? Нет ничаво. Страдали.

[Соб.]: Письма с фронта ждали?

[ЗАИ]: Неужто не ждали! Как только уйдёшь на жнитво, тут идёт исполнитель [начальник]: этого убили и этого убили. С часу на час этого ждали. Ну, у этих живой остался.

Робятёшки уж тут подросли у меня. Девятнадцать годов уж старшему было, как пошёл на войну.

Не скажу, что как люди, помирали. У меня был брат, он работал в артели. У них хлебец был. Уж я работала. Где кусочек дадут, где стакан мучки дадут. Где... Из поля-то ведь таскали, таскали, ведь воровали. Где в мешечок насыпешь. Да что это? Бывало и тут насыпешь [показывает на грудь] и в мешечек насыпешь, и в рукава, и за шею. Да зимой! Зимой! Так всё эдак и прожили. Ну, как-то меня не ловили ни с какой шабашкой. Начальники мимо пройдут. Ничаво не сделают. Я работала. Платила налоги неподсильные. Как же? Тут корову держали, молока сколько платили – по 300 литров. Тоже всё бесплатно, чаво уж тут?

Щас вот красота. Я вот говорю молоденьким: ”Хоть бы не было войны только. Не пострадали бы вы, хоть бы пожили”. Мы не жили. Чаво вот я видала? Чаво я жила?

На подённую пойдёшь, четыре сажени выжать надо. Двенадцать соток ведь это. А в колхозе эт чаво – двенадцать. Там надо по семнацать, по шестнацать соток.

Дети дома всё делали

Работал сын у меня. Да работал. Всё видал, всё делал. И дома всё делал по дому. Усад ведь был, сеяли и просо и пшеничку, картошку. Ухожу с утра ведь. Закажу им, они всё дома сделают. Всё. Всё выполняют там, помотыжут. Всё устроят.

Когда в колхозе – чаво? После войны вот этот вот сын последний работал на лошаде в колхозе. Поедет, бывало: ”Мама, ты меня буди. Как корову доить будешь, так и меня буди. Я поеду с конюхом за травой. Сено маненько охапку кинет”. Так и жили.

Чо же это такое? Чо же это не было ничаво? Картошки-то не было. Ну, чаво было? Бывало. Дубова-то делацца картошка, её натрёшь в квашню, и чаво-нибудь тут намешашь и чаво-то получицца. Хлеб. Ели... остались как-то живы, хороши. Дай Бог, и дети все хороши...

Ну так вот и... Маленькая дочка оставалась с робятёшками. Она была маленька да худенька кака-то. Себе разделят по долям полоть-то. ”И тебе –

столь”. ”Да я, мол, не осилю...”. Да. Её щиплют, ругают. А большой-то: ”Ладно, Саня. Чаво вы с неё-то?”

«Работали, работали...»

Бывало, встанешь утром-то, вперёд тачку – в зубы, серьп в руки – и за травой. С травой придёшь, чаво-нибудь помулызгашь – и на работу надо идти, в колхоз – трудодень надо. Бригадир идёт, страшат: ”Говори, пойдёшь, не пойдёшь? Пишу! Пишу!”

Пайки давали. Сколько там муки? Уж забыла. Давали пайки. У кого четверо, у кого пятеро, у кого... Где пригоршню принесёшь, где то, где сё...

У нас не умирали. Растякали [отекали], пухли. Вот тут пятистенный дом был. Бывало, выйдет парнишечка, моему второму сыну ровестник, сидит, шубячишком накроецца. Растечонный весь.

Ну, меня молоко спасало. Молочком питались. Вот как-то, как-то, да всё-таки перебились молочком. Нальёшь чаво-нибудь. Ну, поели...

– Ну, как, робятёшки, поели?

– Эх, мама, поели.

«Тогда заработку-то не было»

Но только сейчас мы обижены чем? У меня дедушка работал всю жизнь в колхозе. Сколько построил МТФ [молочно-технические фермы], сколько хранилищев сделал! Весь лес перевалил. А сорок рублей остался на пенсии. Тогда заработку-то не было.

Всё делили пополам

У меня рядом была соседка. Мы всё, бывало, всё делили. Чо у ней есть – всё напололам делим. И теперь-то вот, приедет когда из Челябинска, и идёт ко мне. Всё делили, всё делили, всё вместе пережили...

И как-то в поле, бывало, придёшь, всё друг с другом делишь. Всё хорошо.

А теперь-то, погляди, какой мат у них, у молодёжи. Я всё к ним подойду: ”Бесстыдницы, мужики так не ругаюцца. Вам чаво надо? Вы чаво делаете? У вас всяво полно, а вы эдак ругаетесь!” Мы в нужде жили, а не ругались так. Потому что нужда была.

*Зотова Мария Ивановна, 1911 г.р., с. Потьма,
зап. 09.07.1987.*

Война началась, как раз мы были на жнитве. Сказали, что война. И правда, вечером тут ничаво не объявили. И погнали [мужчин]. Вот.

Дети

Двое детей было. Один маленький Коленька, только, наверно, родился – с (19)41 года, Лидушка с 40 года. С двоими одна, никак не было. В ясли их носила. Пока вроде донесёшь, с утра-то... А они [няни – Соб.], видно или плохо глядели, придёшь из поля-то, а они то в картошке сидят, то на проулочке сидят. Зальёшься слезами горькими: "Господи, да вас передавать, робятёшки! Вот и всё."

«Насякомы»

Голодно было. На гору сходим, наберём листочков. Приежат объездной полесный.

– Это что, – говорит, – у вас за насякомы, с липов всё сорвали?

– Это, – говорим, – насякома на них нападат.

– Кака насякома?

А нас много там баб-то было. Мы листочков набрали по мешку.

Придём, их засушим и напечом, протолчем их, просеем в ришато аль в сито, ну, маленьку горстку бросишь мучки, чтобы это, свалить-то.

«Смирны робятёшки»

Ну, зимой поеду в лес на санках-то.

Вот тут у нас сосед-старичок был.

– Дядя, возмёшь робятёшков-то?

– Возьму, они у тебя сильно смирны робятёшки-то. Говорю: "Коля, на-ка, ты, чай, поесть хочешь? Вон бабушка там испекла лепешки". – "Нет, дядя, у нас мама свои лепенцы печот. Они зелёны. Разломишь их – как вон трава".

– У тя, Мария, больно хороши робятёшки-ти. Я с ними вить вот оста-нусь. А вот Шурка-то (был у няво внучок), яво, пса, так не нады.

«Думал, это глина...»

У одной женщины умерла девочка. А им давали на винзаводе (они там работали) сахарку. И она несёт вот эти пильки-то, сахарочки. И она им дала по комышку, робятёшкам моим-то. Эта поумней, побольше была, она знат, что такое сахар-ти. А этот, мальчик, говорит: "Мама, нам тетенька дала мелу". Он яво возьми да швырни к этому, к порогу-то. Эта-т – цоп и вот. Я у неё один-то комышек и вырвала да яму в рот. Он рассластил, да давай звать:

– Дай мою глину!

Я говорю:

– Теперь хоть раззявайся, ты не кидал бы, ел.

– А я думал это глина...

Похоронка

Получала письма. Даже в одно время получила, что убитай, получила похоронку. Ну, это вроде наша фамилия. В Белозерье ещё один Зотов был. Я скалила, скалила с дни два. Потом вдруг шлёт письмо. С этим письмом я – в военкомат. Пришла, говорю: "Вы мне чаво прислали? У меня, мол, жив, а вы мне прислали, что он у меня мёртвай, – говорю, – Я волосы на себе драла, скалила три дни".

– Это мы смешались. Ну, давай извещение-то.

Так до сяво времени живой, живой...

Возвращение

Два раза хотя он раненый, но всё же пришёл домой-то. Нога у няво разорвана. Вот это вот место всё насквозь, вот эта мяготь. И косточки у няво всё выходили.

Рассказывал, где неделю иль как – не евши. Где нападут на кухню. Ну, чаво там? Замерзнет всё. А поесть-то хочецца. Отковырнём, говорит, ножом, отрежем, маненько пососём. А ведь лёд. Туды наглотаешься льду-то. Потом... Ну, жалудок заболел. Язва плотной кишки получилась. Вот так с этим делом и погиб, хоть вернулся живой.

Шло, говорил, нападение, под Орлом что ли. Яво тут ранило.

Кино

Глядит кино и говорит:

– Эх, вот тут вот смятка-то. Эх, вот где меня ранило. Гляди-ка, – говорит, – тут что...

Я говорю:

– Я вот не была в переживаньи-ти, и то я не могу глядеть-то мол, так. А это переживательно, мол, кино.

Я говорю:

– Ты, чай, ты яво вживую видел. Тут ещё тебе глядеть да расстраивацца. Зачем?

Он говорит: "Как меня ранили, полный сапог крови-ти. Разрезали сапог и стаскивали. Ну чаво? Стащили, выкинули. Везли меня больше месяца. До этого река Ока, он говорил, где-то. Только привязут, начинают бомбить. Нас опять, говорит, грузят. Немного которых погрузят, отвязут от фронта-то, разве нас всех перевезёшь сразу-то. Там опять начинают бомбить. Месяц, гово-

рит, целый везли меня туды. Привезли – в больницу не кладут, негде, заполнено всё. Ещё в какое-то место повезли – ну, там кое-как скинули нас, прямо, говорит, как скотину скинут, нагишом без малого, но в кальсонах. Только в рубашке нательной, а холодно как с осени-те было. Вот как переживали мы.

Долго в госпитале лежал. Два раза очищали. Опять, говорит, загноицца, раскраснецца, и опять давай очищать, опять, ведь она была порвана”.

Инвалидность ему не дали. Оно как дают инвалидность: если у кого есть, кому замолвить – тому инвалидность, получай. А если человек, все знают, все знают, израненный, не знай какой, он не получал инвалидность. А до кех будет жив, не знат. Война шла.

А помер дома – добила яво война-то.

*Козлова Елизавета Ивановна, 1924 г.р., с. Потьма,
зан. 10.07.1987.*

До войны

До войны в колхоз мы вступили в (19)30-м году. Отец жив ещё был, мать живая была. Не все ещё шли в колхоз-то. Только избранны.

У нас семья большая была. Жили хорошо вроде перед этим, перед колхозом-то. Правда, отец артачился у нас, в колхоз-то не хотел идти. Запугивали чем? Мол, 14 овец увяли, корову, мол, отбили.

У нас было детей 9 человек, отец с матерью и бабушка. Это 12 человек нас было. Ну, и всё-таки решили в колхоз идти. Бабушка была у нас, отцова мать. Она, правда, в колхоз у нас не пошла.

А отец вступил в колхоз. Лошадь была – лошадь отдали. Молотилка была конна. Это тоже сдали в колхоз. Мы не боялись. Всё ждали: вроде, мол, лучше будет.

Ну, мы стали работать в подростках. Небольшие ещё были. А работали с подростков. Ходили полоть. Огородная бригада у нас была, там вот за отрядом. Сеяли лук, морковь, свёклу, капусту. Давали там участок. Старушка у нас была звеньевая. А нас было, наверное, человек 25 в звене-то этих, малюток. И все работали. Да.

Ну, вот. Работала я до (19)38 года в колхозе-то так. И тут я стала, вроде, повзрослее. Разгружала комбайны, раньше не машина подойдёт, а вот (ты) подставлен – и разгружай.

«Девушки, на трактор!»

А в (19)39 году стали призывы такие, что «Девушки, на трактор!» Да. Я говорю: ”Надо поговорить с родителем”.

Мама померла у нас в 33 году. Остались мы 10 человек после неё. Да. Ну, чаво? Надо поговорить всё-таки с отцом. Как посоветоват. Ну, прихожу домой, говорю: ”Тятя, вот такое, такое дело”. А он говорит (он меня «лисой» звал): ”Лиса, а не сбердишь?” (вроде – убежишь). Ещё годов-то мало. Мне только 16-ый пошёл. Да вроде одной-то неудобно. Надобно, мол, кого-нибудь уговаривать. Вот пришла к ним, к Курбатовым-то. Да двоюродну сестру Веру уговорила с собой на трактор-то. Пошли учицца с ней. Ну, учимся две. В двух группах две девчонки. Молоденьки, чаво там. Все робятёшки. Где и посмеюцца, где и позоруют. Всё. Три, говорят, к носу, всё пройдёт. Ну, я боевая, конечно, была. Я не боялась ничаво. Ну, и вот. Тока, тока, тока закончили. В общем, в коньце декабря мы начали учицца, а в апреле-то на трактор поставили меня. Каки мы трактористы? А в январе 16 лет исполнилось. Ну и работали. В Вальдиватском поставили меня на трактор «Универсал».

Еду. Стучит, стучит, – не пойму. Вот идёт с нами, который учился, из этой, Большой Кандарати. Я яво кричу:

– Вася, поди-ка сюда!

Ну, он постарше меня. Подходит.

– Мне, мол, кажецца, что-то вроде стучит.

Он послушал, послушал, а чаво, со мной ведь кончил тока.

– Не расстраивайся, давай.

Я до тех пор уж ездила, у меня вылетел поршень наружу. Ну, чаво? Перед вечером я побежала в МТС. Там бригадир налаживал трактора. Подхожу со слезами:

– Дядя Вася, я расплавила подшипник!

– А как ты узнала, – он мне говорит.

– Как? Поршень вылетел наружу.

А он был такой серьёзный бригадир.

– Вот это, – говорю, – расплавила.

– Там, – говорит, – наверно, весь двигатель разбила ты.

Ну, чаво? Приехали к директору МТС. Туды, на это место, где трактор стоял. Я плачу. Чаво? Девчонка. 16 лет. Чаво спрашивать? Мне директор говорит:

– Чаво больно расстраиваешься? Это наука, – говорит. Если бы у тебя не получалось, ты бы никогда не узнала, как расплавить, как расшибёшь, как вылетит.

Он мне это всё поговаривал. Ну, я чаво? Горами и домой. Прихожу не-весёла. Отец меня спрашивает:

– Что, Лиса не в настроении? Как сказка. Интересно, правда? (смеётся).

– Я больше на работу не пойду.

– Как не пойдёшь?
– Не пойду. Я подшипник расплавил! Не пойду на работу! (смеётся).
– А чаво, – говорит, – тебе за это будет?
– Я, говорю, – не знаю. Вот кака причина. Моя если причина, судить будут, не моя причина, то простят.

Утром иду в Вальдиватску. И подходит легковая машина. Подъезжат директор:

– Айда на работу!
– Пётр Никифорович, не поеду, всё! – Я говорю:
– У меня знашь чаво. И волосы дыбом стоят, как вспомню этот стук, грохот. Сразу как разбился этот двигатель. У меня инда всё замерло. И меня поставили в Кадышево. Восемнадцать километров. На такой уж, на колёсный трактор. Это сидела, как на тычине каком-то, на «Универсале»-то. Ну, а этот всё-таки маненечко пониже и закрытый. Ну вот (19)40-й год проработала. Брат пришёл из армии с действительной [службы]. Тоже выучился на тракториста. А в (19)41-м – то году яво поставили весной мне на пару.

Он всё смеялся надо мной:

– Вот, братец старше, скока её, а она старшим трактористом, а я у ней помощником.

Он с (19)15 года, а я – с (19)24-го.

Ну, работам. Закончили посевную. Налаживам косилки, косить поедem в луга.

Объявили войну

Приезжат из села-то верхом мужчина один, говорит:

– Объявили войну.

И повестки – вот кому, вот кому, вот кому. Да. И звонили из Потьмы. Мы там работали, со мною ещё три мужчины были. Вот брат и ещё двое. Ну, чаво? Я тоже бросаю. Если яво, наверно, угонят сразу, и не увидишь. Ой! И осталась одна на тракторе. А их всех забрали на фронт. Ну, чаво? Работам. Кака там работа? Не знай, работать, не знай, оплакивать. Ну, тока ведь началась война, тут пришли документы... убили. Тут пришлют – раненый... Он [брат] мне всё времечко писал письма: "Работай, а я буду воевать". Женили мы, правда, яво, когда пришёл из армии. Женили. Мальчик у няво родился.

Эх! Так тижало, прямо...

И после яво – раз ранили, он с госпиталя прислал письмо, что лежу в госпитале, но ранение тяжёлое. "Как выпишут, я обратно, наверно, на передовую". Он был на этой, на тяжёлой орудии, командиром [=артиллеристом]. Ну нет и нет, нет и нет.

Это прошёл (19)42-й год. В 43-м году весной нам прислали документ, что убитый такого-то числа, вот где похороненный.

А в это время в МТС-е курсы открылись трактористов. Кого брали ведь на фронт – девчонок, неохота... Тут прикрывца – учились на курсах на трактористов.

И в (19)43-м году 70 процентов было девчонок на тракторах. Слезы [плачет]. Сноха-то у меня в напарниках была, Гришина-то. Тоже выучилась. Работала много. Мне доверяли. День сею, а ночь-то пашу. Вот мне тут и досталось как следоват. Председатель говорит: "Нет, вся надежда на тебя, Лиза, вся надежда на тебя". Чаво? Молодёжь... Чаво с ними делать? Ну, вот и работали. Сезон проработашь, а зиму-то ходила на ремонт в Вальдиватску.

Не допивали, не доедали

А с чем ходили? Напарит, бывало, баушка свёклы, в блюдечко наладёт, а хлеба-то вот такой кусочек возьмёшь. Это и, пожалуй, и такого-то нет кусочка-то. Вот один раз больно обледеница была. И я пошла с этим блюдечком-то. Иду, значит, машу. А разлилась речка, разлилась и замёрзла. Я склизнулась, у меня это блюдечко вперёд меня. Вот ведь как жили. Со всеми трудностями боролись и не думали, что мы не допивали, не доедали. Лапоточки сплетёт нам сторож, – в лапоточках. Не стеснялись, айда, пошёл. На улицу ли пойдём, куды ли мы, на работу. А у нас покойный, бывало, чаво, поглядит, мы спим, а он поглядит: "Эх, ты, у этой вот худые уж лапоточки, надо ей новеньки". Да, да, да.

Заводили рукояткой-ведь трактора-то. Вожжи затянем, если не осилим. Там две, да тут две, одна за рукоятку. А он бьёт в обратну [сторону]. Бьёт по этому месту, и рука всё перелётат. Ну, какое дело?

После войны осталась на тракторе

Ну, кончилась война, все девки разбрелись, кто куды. Кто замуж. Кто куды уехал. А Лиза осталась в МТС-е. Остались мы, вот Зоя Соболева у меня подружка была, ну, она на комбайне работала, ей было легко прожить-то. Ну, и в Кандарати Большой были две женщины. И вот пришёл трактор ДТ-54. И меня стали уговаривать на няво. Первый трактор в МТС пришёл, и меня стали уговаривать на няво. И пошла работать. Работаю. В Большой Усть-Урене. На другой год пришёл трактор и сюды, в Потьму. И я им сказала и директору и инженеру: "Знаете, чаво, хватит! Поездила я по чужим сёлам. Потёрла кирпичи чужие. Давайте меня ставьте в Потьму". И вот с (19)31-го года работала я до (19)81-го года. В своём селе уж, ни-куды.

«Испытатель новых машин»

В (19)58-м году нас из МТС передали в этот, в колхоз. Ну, а что в колхозе-то работала всё времечко. Куды бы меня ни послали, везде идут, едут... Директор всё надо мной шутил: "Ты у нас как испытатель новых машин". Пошли новы трактора М 13-2, поставили меня на яво. Больно уж мне понравились эти машины-те. Хоть без кабинки, но очень хорошая. Куды хошь на ней, в любое... Где бы я ни пошла, ни поехала на нём – больно хорошо. А ведь у нас председатель была женщина – Полина Ивановна Компанеец. Пошли трактора с кабинками. Она мне говорит: "Хватит тебе весь дождик собирать. Вот, иди, получай трактор". Я поехала. Как поехала? Яво гнали кто-то мне. А за мной шофёр приехал. На посёлковском поле кто-то встретили мы яво, трактор-то. Села в яво. После свово-то этого трактора я вроде уж не знай, куды села (смеётся). Вот и давай ездить по посёлковскому – потренировацца. Потом уж пригнала яво в отряд. Ну, пригнала в отряд, и на нём работала я. Наверно, сезонов пять работала. Вот тогда чаво. Ну, ведь праздники, всё-таки собирались, ездили мы и в Ульяновск на праздники, в День колхозника. Вот я приезжаю оттудова, меня начальник управления вызывает. Говорит: "Хватит уж тебе, чать, на ремонте". Я говорю: "Да что Вы, Алексей Ефимыч, – я говорю, – я, чай, прощупаю своими руками яво. Мне на нём работать сезон. А кто-то мне яво отремантируют, да на что мне это всё?"

– Тебе трактор новый придёт.

Я говорю:

– Ну, новый придёт трактор, и этот я отремонтирую, чтобы меня не кляли, кому-то он достанецца. Пусть работат.

Ну, и правда, пришёл трактор опять новый.

А тут на съезд колхозников избрали меня делегатом. Оттуда приехала, вроде везде меня стали возить, везде стала выступать, а то боялась говорить-то со всеми. Хоть и лютая была, а боялась.

"Лютая я была!"

Лютая я была, эх! Жить-то было плохо ведь, обувки, одёвки не было, питание было плохое. Бывало, выйдешь на улицу, как только заиграют в гармошку... эх! Как выйдешь плясать, думаешь, хоть этим себя успокоить. А тут, как война-то кончилась, тётка, сестра моя [старшая двоюродная сестра] пришла. Война кончилась, а в Харькове была, уж, когда отступили немцы, вот она в Харькове была радисткой. Ну, вот, когда демобилизовалась после войны, и пошли в лес мы. Ели с липы лист. Вот принясь яво, насушишь, намнёшь, мучки маненечко. А эта тётка-то больно уж у нас пела хорошо.

– Эх, – говорит, – девчонки, давайте запоём: "Кругом, кругом я сиротела".

Сели да запели. Ну, вот. Я говорю, вечера-то дождёшься, бывало, я говорю, и попоёшь, и попляшешь. А сейчас, я говорю, выйдешь – всё мёртво. Да вот эдак всё говорю: "Сидят все и деньги, наверно, считают". Ну, вот я говорю: 50–70 процентов в отряде было девчонок. Молодёжь вся занятая этими железками.

Мама у нас пела хорошо. В (19)33-м году она померла, в январе. Мне исполнилось 8 лет. Запевала она у нас всё время. Раньше хоровод водили. У кого голоса хороши, запевали. Баушка, мамина мать, тоже хорошо пела. А дедушка даже в церковном хоре пел.

*Козлова Зинаида Фалеевна, 1916 г.р, с. Потьма,
зап. 19.07.1987.*

Война началась

Тогда, в базарный, чай, день, ехали с базару Посёлками. В Посёлках было радио. Да. Вот в Посёлках там объявили по радио. Вот приехали, рассказывают, что война началась. Напал германец на нас. Война. Вот чаво тут было? Ахали да охали, плакали. У меня забрали [мужа]. Война началась, и на второй день отправили на фронт. И всё.

Трудно досталось

Двое детей. Одному-то десять было, а одного-то ещё и роженого не было. Ходила последние дни. В июне, а в августе родила яво.

Вот пришлют: или убьют, или пришлёт [письмо]. Ну, слал, всё время слал.

Родила маленького. Ну, жила со секровью пока что тут. Свекровь, свёкр... Ну, сама-то работала, а они сидели с детьми.

Коса была. Косила, жала серьпом. Всё приходилось, и таскали снопы по ночам на носилках. Вот копки положим две и понесём к молотилке.

Молотилка там молотит. Вот вся наша работа. Чаво мы? Вилы, солому метали, в омёт складывали. Чаво мы здесь работали? У нас заводов, фабрик нет здесь. Пахали.

Оглобли сделают нам, запрягались и тащим. Сзади там одна правит. А тут уж подтяжками ещё две. Трудно досталось.

Голод

Хлеба не было. Страдали. Нам не давали ничаво. Либяду собирали, золушки, липовы листки толкли. Либяду вот мололи. Во ржанных она росла.

Вот мы пойдём жать, жнём, купина попалась, нажну. Оттоле несую от поля километра три-четыре. Я её на плечи и несую домой эту связку. Намолочу, высушу, да на мельницу. А потом печки лепёшки.

Да, всяво было. Много мы тут пережили. Носили лапти, обувки не было. Робятёшки голодали. Поестъ просят, а есть нечаво. Хоть бы картошки. Померли много, не только отякали.

Но нам не пришлось вроде, не дошли до этого.

Налоги были тяжёлы. Принесут вот, дадут вот: ”Плати!”. Не платишь, чаво-нибудь забирают. Ну, я-то не платила. Не платила. У меня двое детей да двое стариков. На моём иждивении. Я подати-то не платила. Не приходилось платить.

«Дайте хлябать!»

Корова была. Надоишь – сваришь похлёбку с крапивой, вот забелишь, вот и хлябали. Вот у меня сын-то вот этот рос, вот рожаный-то в войну, он не знал, как хлеб просить: дай хлеба или чаво. Он знал только ”хлябать”. Сидит и говорит: ”Давайте хлябать, давайте хлябать”. Вот позавтракам – поест. А от завтрака до обеда ему баушка ещё наливает половничок. Он поест, потом – обедать.

”Дошла стрелка, давайте обедать”. После обеда опять ему наливает половничок до ужина. Вот он поест. А там ужин. Вот как жили.

А я гляжу на няво: ”Батюшки! Я хочу поесть, а он, как не хочет? Он ведь умирает, хочет поесть”.

Первый сын стал работать

Вот у меня сын первый работать стал. Плугарил. Учился, кончил он семь классов и бросил учицца, пошёл работать. Вот он заработал, вот этот год дали ему. По сколько давали хлеба? Не знаю. Дали хлеба-то. Вот мы тут маленько отдохнули. Мы усады-то сеяли. Запашем вот на себе, засеём, сожнем, обмолотим. Ещё продаём за нужду-то. Обувки, одёжки-то нет. Ещё налог платили. Корову держишь, то выкладывай молоко. Плати молоко. Кур нет – яйца плати. Мяса нет – мясо плати.

*Курбатова Зоя Дмитриевна, 1918 г.р., с. Потьма,
зап. 09.07.1987.*

«Раньше мы за соточки работали...»

До войны жили хорошо, и как-то весело было. Правда, хлеба давали маловато. Сейчас в этом отношении – денежки дают, а раньше мы за соточки [сотая часть трудодня] работали.

В колхоз мы вступили в (19)31 году. Был колхоз имени Халтурина. Коммуна [форма кооперации в первые годы советской власти] была имени Ленина. Когда коммуна разошлась, колхозу дали имя Ленина.

«В воскресенье мы жали всем звеном»

В тот день, в воскресенье-то мы жали. Жали мы всем звеном. Звено у нас было из 14 человек. Когда у нас объявили войну, и всё у нас опустилось из рук. Бригадир пришёл, сказал: ”Вот что, товарищи, передали сейчас, что началась война”. У нас тут мужики были. Наше звено – от школы и вот до каменного дома [жители одной улицы, одного «порядка»]. Народу было много на одном порядке. Дождались мы, доработали до вечера, бросили, пошли к совету [= к сельсовету]. И тут сразу начали в совет вызывать. Ну, которые плакали, жёны-ти. И вот тогда сразу начали партиями (забирать на фронт).

Сколько мне годов-то было, когда война началась? Щитайте, – с (19)18 года.

В нашей семье было девять человек. Нас было шесть человек у мамы детей, их было двое.

Наследник

Отца и брата взяли на фронт. Брата мы проводили в (19)39 году, и он с действительной [военная служба в составе кадровых войск] не вернулся. В (19)43-м нам прислали похоронную. В 39-м одного брата проводили, родился второй. Когда стали яво провожать, он говорит: ”Это будет наследник, мама Ваш”. Так и получилось. И остался наследник Сергей Дмитриевич.

Отец тоже в 42-м году ушёл на фронт. Сначала он был на брони. В артели работал сапожником. А потом взяли яво и угнали.

Трудодни были, а хлеба – нет

Голод был. Хлеба нам тут не давали. А трудодни были только. Ну, чаво нам на эти трудодни давали? Кому кило, кому два на месяц. И больше – всё.

Ели липовы листки, за щавелём ходили, борщ варили, столбунцы тоже варили. Работали всё время в колхозе. И жали, и копали, и молотили. Работали много. Это сейчас машины. А в то время мы всё поле выжинали в руки, серпами. Мама тоже работала на ферме.

Всё-таки ходили на улицу-то. Одни девчонки, молодёжь. Ребята, которых не взяли в армию, и оне с нами. Всяки песни пели и всяки частушки приговаривали. Ребята на гармошке играли.

Возвращение отца

Отец вернулся 23 декабря (19)43 года. Ранение было в лёгку [= в лёгкое]. Одна лёгка была пробита. Когда в лес поедет, он на лошадь не садился.

– А чё, – мол, – тятя?

– Ну, чё, – мол, – тряска, влияют на лёгку.

Мы не ждали яво. От няго долго слуху не было. Потом прислал письмо: "Меня ранило, лежу в госпитале". Приехал неожиданно. Нам сказали: "Отец у вас приехал". Вальдиватский председатель на лошади яво привёз. Прямо привёз яво в среднюю улицу. Мы туда побегли. Он плохонький, хворенький...

Тут маленько ему стало получше. Он начал обратно сапоги тачать. Тут мы маленько вздохнули. Капусту принесёшь, где молочка с Вальдиватской. Какое тут брезгование? Только душу провести. Четыре сестры нас было. Нина народилась в (19)41 году, которая поёт-то хорошо. Сестра с (19)29 года, нянчилась она с ней.

*Ланкина Евдокия Ивановна, 1924 г.р., с. Потьма,
зап. 14.07.1987.*

Рассказ о жизни в тылу

Война началась, всех угнали. И работу всяку выполняли. Работа не под силу. А сейчас уж, как война кончилась, как воскресли, сейчас живем, – лучше не было. Сколько вымерло-ти. 80 человек. Куды пойдут за ягодками робяты, а оттуда тащат мертвого. Вот он идет. А оно, лицо-то все слепилось. Нютка пошел за ягодами. Две корзины ягод набрал, съел ягодки, дошел до кордана и помер. А матери сказали. Ему лет 12 было. Она яво понесет, понесет, отдохнет...

*Митин Михаил Николаевич, 1939 г.р., с. Потьма,
зап. 14.07.1987.*

Проводы отца на фронт

Я так могу сказать, я отца хорошо помню, что я яво провожал до станции Вешкаймы. Вот... Вместе с матерью провожал. И как, ну, если сказать, если всё говорить, как я напугался поезда. Враз мы выходим из железнодорожного вокзала, а там много было на этом пункте, на фронт провожали. И вот, пушки везут... Вот, ага... И вот это всё мне, как бы это говорица, запомнилось. Вот. А мы пошли с отцом попить, за водичкой. "Айда, – говорит, – сынок, провожу, напою и пойдём тогда". Ага. И вот он, как этот

поезд заревёт, да, загудит вернее... И я – раз и присел – напугался. "Ты что, сыночка, миленький, ты что?" – говорит, – "Ничаво". "Пап, я напугался". И это, вон он как загудел, ага... "Ну, ничаво, – он говорит, – ничаво". И вот яво, значит, забрали, посадили. Вот и проводили яво, мама ещё куды-то поехала с нём, не знай, в Ульяновский, я уж это не помню хорошо, не знаю, куда она. А я поехал домой на лошадях. Мы яво провожали, не только яво одного, а ещё там из нашей Малой Станичной (это я сюда всей семьёй переехал, жена у меня потьминска). Вот да. И вот мы, значит и с этим человеком, поехали на паре лошадей, поехали домой. Вот, значит, я ещё вечером приехал со станции Вешкаймы тогда вот. Смеркацца стало.

Стали ждать от отца письма. Прислал письмо. Сперва-то он прислал письмо с Урала. "И не знай, – говорит, – куда ещё дальше погонют, просто тут это нас остановили". Вот.

Мы не очень голодали...

Ну, что сказать... помница эта Великая Отечественная война, вот хорошо, конечно, ничаво не видали. Вот. Так, собственно говоря, я лично плохого-то не очень-то видел. Я у отца с матерью был единственный сын. Вот померло шесть человек у матери. Вот. Я сам – двойник, двойняшка. Может, неудобно это говорить, у меня мама всё по двое приносила. И вот все помирают. Кому там три, четыре, пять месяцев. Вот так вот. А один был уже взрослый, в школу... Мишенькой яво звали, первый сын у них был. Вот. На имя-то яво – меня [назвали].

Один я, значит, остался, вот назвали меня, а сестричка моя померла, которой я был двойняшка. Ну, вот тяжёлы времена, была голодовка. Ну, правда у нас, так мы не очень голодовали. Всё-таки. А отец у нас, он у меня был не то что шибко грамотный, а всё же он по торговой сети всё время работал. Вот. И думая, зная, что вот будет война, ну, так потихонечку всё запасал, помаленьку, чтобы было маненько в резерве, там хлеб и всё такое. Вот. Так сильно очень не голодовали. Ну, процедали всё же всякой листвы, либяду, это тоже цведали. Ну, не так, как у нас некоторые люди вот помирали с голоду и опухали, отякали, вернее похожи, не знай, на рахитика какого в музее, на рахитику, там девочка ли, женщина... Вот. Очень плохо.

Помогали соседям

А я, скажу про себя. Лично я даже некоторых моих соседей кормил, отдавал мои порции и их кормил своим хлебом. Мне их очень было жалко. Вот такие дела были.

Конечно, яво уж нет живого, Николай Николаевич... Он вот тоже с моей деревни-те. Вот он недавно помер, второй год как помер, механизатор был хороший, хороший механизатор. Всё. Вот он помер. Когда мы яво воспитывали, не помер вот, отживел, жив остался. Вот а тут вот видишь, болезнь такая...

У них было, так сказать, четверо. Самый старший из них был старше меня на два года, с тридцать седьмого года он был, он и щас живой. Все они живые, кроме яво, одного. Вот. И все, все три брата живые, четвёртый он, самый маленький. Ну, вот. Мы как жалели. И вот все работали, и яво, значит, что там заработам где, сделам, да вот. Испикёт у меня мать ватрушки бывало (я всё это точно говорю), мы коровку держали с матерью. Я с юных лет возил с матерью на этой коровке сенцо, траву вернее запасал на зиму, чтобы мы не умерли с голоду, вот. И вязанками таскали, и всячески, всячески. Ну, запасали, вернее. А корова у нас была обучена, обучил ещё отец, да, до войны. До войны многие на коровах, на коровушках на своих ездили. В лес за сучками, обрабатывали свои усадьбы, всё это делалось на коровах.

Ну и вот, а их было четверо, вот да, четвёртый он, да. А один, это самый старший, Николай яво звать, вот он тоже с ранних юных лет начал трудицца в колхозном производстве. Даже несовершеннолетним, он уже начал работать в пожарке, вот на стане, вернее, вот, чтобы не загорелось, наблюдал всё такое за лошадьми. Вот. Он очень был такой, лютой. Небольшой ростом, такой же, как и я. Вот. Ну и вот, значит, кому что подвезёт, вот подможет, ему дадут там хлеба, некоторые всё же побогаче жили. Они бедненько, самое бедненько жили очень, потому что у них семья четыре человека была. Вот. А отец был на фронте. А мать, она тоже, не очень хорошее у неё здоровье-то было с ними. Она тоже, чо она в колхозе работала. Тогда ничаво не давали в колхозе-те. Вот, что где уродит чо маленько, чуть-чуть картошечка, вот этим и баловались, питались. А то ходили на поле колхозное собирали колосья. Ведь тогда не успевали всё сжинать. И вот, бывало, пойдём, ребятёшечки, возьмём эти сумочки, нам мамка даст. И пошли, значит, вот за этими за колосками. Собирали колоски, их сушили, драли, толкли, мать толкла. И вот эти лепёшечки пресны всяки это испекёт. И даже это кашу... с молочком сварит. Вот так вот и питались.

А они, у них не было ни коровки, коза была, но чаво она доила там, может литров на семь. Чаво там...

«Женщины кару несли»

Женщины у нас больше, больше, как называцца, кару что ли они несли. Да, действительно кару. А отцы были на фронте, мужья. Вот. А оне на лошадях бороновали, сеяли, пахали. Всё у нас делали на лошадях женщины.

Косили, мужчина не поспет. За женщиной мужчина не поспет, как они косили. Вот. А как выигрывали на косе брусками, вот я ещё был небольшой. Они как начнут так-так-так, – да эдак играть, даже эндо как-то, эндо звук такой... это радостный. Всё это дело было. Вот так женщины хлебнули очень много большого горя. И многие наши дорогие матеря, наши сёстры остались без своих родных мужей, остались, как сказать, сиротами со своими детьми.

«Это просто варвары...»

Вот само-само – это налоги. Налоги... очень такое дело, прям... Это было ужас, как они [сборщики налогов] относились варварски к нашим матерям. Вот. Это просто варвары... они сами себя просто наслаждались [получали от этого наслаждение]. Я всё говорю, что это было. Я прям плакал, забирался на них, на шею. Вот, чтобы они мать мою не терзали, её грудоньку... Это варварско отношение. Говорит мать, что Христа ради, я поеду в воскресенье на базар, продам последнее это... всё, что у меня есть, и я вам заплачу налог. Да. И оне... А у нас был патефон. Мало даже у кого в селе было это – патефон. Тогда в то время коломенский завод, самый хороший завод. Патефон. И вот они пишут всё имущество, описывают, забирают, всё забирают. И всё, ага... Я подхожу и вот так [показывает, как пытался отнять патефон]... В такие мои юные года у меня нервная система, выработалась нервная система. А почему она выработалась? Потому что на моих глазах мать мою терзают, всё отбирают, имущество всё описывают и увозят. Вот.

И вот у меня, значит, был дедушка – мояво отца отец. Да. И вот он тогда... А он прямо рядышком жил. Да. Это всё он услышал. Да. Что там за шум и чаво... И берёт бадики [палки], бадики железны. Да.

А их двое приехало. Значит женщина, я её великолепно, хорошо знаю, она теперечи... Господи, так неудобно говорить, прости нас, конечно, Господи, – она уж померла, померла. Ну, Бог с ней. Хорошаво никто об ней не вспоминал. И мужчина. Это мужчина из района. Вот я яво так лично знаю, всё и сейчас, недавно... не знай помер, не знай, нету... Вот. Тут уж прошло... мне уж пятьдесят пятый год пошёл. А яму уж, наверно... помер давно.

Ну, и вот, значит, дедушка подошёл: ”Эх, вы, – говорит, – подлецы! Вы что делаете? Вы что у несчастной бабёнки всё это отбираете, а? Смотрите, перед вашими глазами малюточка плачет. Она вас уговариват, что я продам в воскресенье, на базар поеду, продам всё последнее и заплачу налог. Вот. И всё. Уходите, – говорит, – мне, – говорит, – всё равно уж помирать-то. Я уж, – говорит, – отжил всё. Я сейчас вам воткну в живот-то. И пусть меня ведут и судят за то, что я – за справедливость. Вы что? Немцы, – говорит, –

нас грабят, вот так вот издевающца над детьми малыми и над всеми женщинами. И вы ещё пришли это... грабить". Ага.

Вот. И они, значит: "Ладно, ладно. Только, чтобы в это воскресенье деньги были". И всё. "Давайте, уходите, – говорит бабушка, – из избы". И вот они ушли. Я вышел. Они сели на тарантас и поехали на лошади. Я говорю:

– Ну, слава Богу, мамочка (целую её, мать-то). Да.

– Мам, ты Христа ради, мол, это, как воскресенье будет, мам, ты поедешь на базар, последне маслице, мол, продай. Всё продай. Нам не нады. Мы как-нибудь. Чтобы к нам не привязывались больше.

И она, правда, вот дождалась, накопила это маслице, поехала на базар, всё продала и ращиталась с ними, с долгами, с налогом этим.

А тогда ведь всё брали: картошечку, нам оставалась вот такая картошечка, а крупную туда отдавали – государству. Но мы отдавали, мы знали, для чаво отдаём. Мы отдавали для своих отцов, матерей туда, на фронт, чтобы были продукты, чтобы наши воины не померли с голоду. Всё отдавали, что от нас требовали: и шерсть, и молоко, и мясо, и яйца.

Отцовские письма

Я не очень так грамотно писал. Учился я в школе, я скажу, что я учился не очень хорошо. Ну, как сказать – посредственно. Я почему не учился, потому что у меня она, мать – неграмотна и слепая, это так говорицца – слепая. Раз неграмотный человек, чаво она. Я иду, бывало, из этой, из школы, брошу портфель и скорей там катацца на коньках – и всё. Вот она, чаво, подойдёт ко мне: "Сынок, ты выучил уроки?". – "Выучил, мама". И всё, и пошёл. Вот в таком положении. А отца помню хорошо, когда он писал письма такие, ага. Пишет: "Дуся, – мать мою Евдокия Григорьевна звать, – Дуся, такое, такое дело. Вы сами знаете наверно, слышите. Вот. Хотя вы неграмотны, но всё равно вам почитают газетку, или по радио, нет, тогда радио не было. Не было, да. Не было. Вот. Что война идёт. Враг наступает прямо на нас с таким напором и всё... Но всё же мы, – говорит, – идём вперёд и вперёд за родину. Вот. И за Сталина, как говорицца, вообще говорицца". Вот.

Потом начал писать, что мы уже гоним немецкую фашизму. Он был, значит, и в Кёнигсберге. Вот. За взятие Берлина у няво было [медаль]. У няво пять или шесть этих медалей "За отвагу". Вот. Эти всё... Вон всё у меня внучатки играют ими. Ну, и потом пишет: "Дорогая Дуся, я, – говорит, – прошу тебя: береги нашаво единственного сыночка. Вот. Береги яво, не допускай никуда яво одного. Чтоб до мояво приезда. Жив буду, вернусь,

всё будет у нас хорошо. Вот. Не беспокойся. Мы думаем и мечтаем, что разгромим врага и придём с победой домой". И правильно, вот прошло три – четвёртой... на четвёртом году. Она ведь у нас Великая Отечественная война, она, наверно, у нас в конце тысяча девятьсот сорок четвёртого года так-то фактически кончилась. Но тут Япония. Вот он и прислал письмо, что уже да, вот что уже война кончаецца, да. Ждите, пожалуйста, готовимся на родину.

А потом – бах, – месяц нет письма никакого. Расстраиваюсь. Только бумаги идут – мол, убитый. Тому прислали тоже – убитый – похоронка. Некоторым – «без вести пропали». Вот её [жены] сестры родной, муж без вести попал и всё. Вот. И потом вот, значит, письмо – бах, – от папы. А я уже читать мог всё, и писать письма мог. И прочитал: "Дорогая Дуся! Я... извините, что я вам так долго не писал письма. Вот такое положение: нас погнали на Японию. Вот. Что будет – не знаю. Но думаю, что всё это будет недолго". Ну, и правда... Два месяца они бились с этово... с японцами. Вот. И разбили их.

И в декабре как-то... Я вот мне помница, я яво ходил встречать у нас в Малом Станичне, вот, Криуши название, Криуши, это да. К Гремячему [название ключа] я вот ходил, мы много ребят, мы ходили, вот на лыжах ездили зимой, в декабре месяце где-то или пятнадцатого или в таких числах девятнадцатого декабря, мой отец пришёл с фронту. Вот. Ну, пришёл он всё-таки нормально. Был два раза он раненый. Один раз в голову, и в руку. Вот так вот был раненый. Но ранение было лёгким, как говорицца...

Собирались с ребятами, все об отцах говорили. Ну, как сказать-то все они говорили по-разному. Некоторые говорили: "Нет, у меня, наверно, папа не вернётся". Вот мы говорим, сидим вот так вот, ласково рассуждаем и, собственно говоря, покуриваем. Над нами хозяйв нет никаво. Отцов нет... У нас никто... Мы обрадовались... мы сами хозяйвы, покуриваем табак. Курим.

"Ну, почому, мол, ты эдак думаешь?" – "Потому что он у меня был, знашь какой – гордый. Вот он пойдёт, – говорит, – в огонь и в воду!" Да, вот таки слова некоторые так говорят. А я думаю: "А у меня должен папка прийти". Вот. "А почему это ты так говоришь?". – "А потому что он у меня грамотный, может, он на передовую-то и не пойдёт". Вишь, всё каждый по-своему говорит. "А у меня тем боле, – говорит – учитель, вон". Некоторые учителя, у некоторых матеря-учителя пошли на фронт тоже. Вот таки у нас были всякие мечты и думы, что у кого вернётся, у кого не вернётся... Ну, и правильно, у некоторых моих ребят, у многих не вернулись. Вот. И сейчас их нету. Это прислали же бумаги: «Погибли»...

Послевоенное время

А тут уже стали мы жить всё же боле-мене подходяще. У нас вон и овечки были.

Ну, чаво ещё... А потом уже, так сказать, все стали подрастать, стали работать в колхозном производстве. Да, вот. А я уже... работать... Я уже начал работать, наверно, где-то с одиннадцати-двенадцати лет на быках. Я возил. Вот. Не только, конечно, я, и мои товарищи работали на быках. Возили.

У нас раньше был винзавод, вон там, в ущелье, там было это... вино готовили, отправляли куда-то по назначению и вот мы туда, значит возили зимой, морозы, а морозы тогда были до сорока градусов, а чо, надеим [надеим] фуфайчонки рваны, всё. И замёрзнем, и побежим, и опять сядем. Вот такое положение. Силу не под силу. Были с нами четыре человека по брони: пожилые мужички, их не взяли, что там у кого пальца нет, ведь это ещё инвалид с этого довоенного времени. Там служил как ли, чаво ли. И вот они нам... командовали нами. А мы силу, не под силу клали вот, завязывали и отправляли на винзавод... это, возили дрова, чтоб он там работал.

А потом в начале... как сказать, полегче стало жить, немножко стали урожаи вот подымацца. Не засуха, не ахти так уж сильные урожаи были, ну уж стало, но уже стало немного радостно нам, да это примерно наверно уже вот в таких годах, как сказать, в сорок вторым или начале в сорок третьем [информант путает время: подростком он был в 50-е годы – Соб.]. Да. И мы стали работать и стали на трудодни, стали какие-то нам процентами трудодни. Ну, примерно по сто, по триста грамм хлеба выдавать, вот. И мы, значит, старались и как-то охотно работать, когда это нам сказали, что вам будет на трудодни давацца хлеб. Вот. И вот мы, значит, работам, не знам усталости. Весной сеем с фонарями. На лошадях подваживам к этим, к рядовкам [к рядам, где начинается сев]. Да. Появился один трактор. У нас гусеничный, к ням у вот подвозили ночью с фонарём. Смотрим свои эти ячейки. В рядочки, чтобы они сыпались, как положено, чтобы никаких огрехов не было. Всё, как надо было. Были тоже над нами старшие, вот самые эти мужчины. А они, значит, нами руководили. Так же осенью тоже мы в таких рядах всё делали, сеяли сами.

Постнова Надежда Фёдоровна, 1912 г.р., с. Потьма, зап. 10.07.1987.

Перед войной хлеб стали давать колхозникам

Жила я с родителями. В войну отец помер. Пять человек у матери было. Дядю у нас убили. И еще шесть человек с нашей матерью жили. В 30-м году

в колхоз вступили. Вот мне было 13 годов. Всё время в колхозе. Звеньевой всё время была. В Ульяновск возили несколько раз. И дояркой была и пояркой [работала в овчарне], и солому возила на быках, а не на конях. Перед войной хлеб стали давать колхозникам, денег не давали. С едой стало полегче. Ма, чай, молодёжь собиралась! Подвал тут был. Мы собирались по ночам с гармошкой. Потом, когда сгорел, сложили печку русскую, стали ходить в келью играть.

Начало войны. Остались без мужиков

Вот у нас называецца прогон. Рожь была посеяна. Я была звеньевой, все мы намеряли по три сажени и начали жать. И приежат председатель совета: "Ребята! Война!". Ну, тут все упали. Все бросили жать и в село пошли. Стали собирать мужиков и увезли. Мы остались без мужиков. Братья в 43-м году погибли. Взяли раньше, один в армии служил, и других забрали.

На жито напали

Мы коров пасли. А с нами дяденька был, помер он сейчас. У нас теленок пропал. Искали яво. У нас горы есть. Кто-то спрятал жито там, на Стрелке. Мы на жито и напали. А дяденька штаны расстегнул, снизу завязал и насыпал. А мы – в подолы. Он, дяденька, и лазил в этих штанах.

Просина Антонина Егоровна, 1925 г.р., с. Потьма, зап. 14.07. 1987.

Свадьбы перед войной – и все овдовели

Уборочная начиналась. Снопы стаскивали руками. Девки и мальчишки копны складывали на копны, и несколько человек несли. Носила-то наша молодость.

В Потье на сцепных комбайнах («Сталинец» и «Коммунар») штурвальными были девчонки-помощницы.

И всё ведь жизнь была интересней [перед войной]. До войны мужики были. Хотя и поженились, в клуб ходили. Ну, вот эдак, и мы вокруг. Сколько было молодёжи! 30–40 пар танцевали. Ма, танцы, а хочу – играю. Заиграт гармошка, пойдем плясать по всей улице до четырёх часов. Всегда молодёжь на улице была. Обувка у всех одинакова была. Так манарки какие.

Свадьбы перед войной – и все овдовели.

Мы молодёжь были шестнадцати годов. Вечером мы были в клубе, ни чаво не знали. Танцевали. Пришли девчонки-подружки, как водилось, 11

человек. У одной подруги в амбаре ночавали, на сене спали. Идёт Ефим (он правление сторожил).

– Война! Люди, вставайте! Война началась!

Мы вышли:

– Дядя Ефим!

Побегли, кричим:

– Война началась!

Еще не рассвело.

И 70 человек сразу взяли. Слезы. Провожали всем селом. Много было народу. Которы остались, стали говорить:

– Нужно работать еще больше.

На Стрелке работали. Кто-то увидит лошадь:

– За кем-то едут...

Человека два-три... скажут: "Сразу с вещами".

На окопах

Когда началась война, стали окопы рыть. Зимой 42-го – нас окопы рыть. Из Ульяновска пришло много. А обуты-то из города... Все ноги мерзли. Мерзли. Вишь – лежит. Подойдешь к ней, а она уже всё – мёртвая. В Кадышеве огневые точки делали. Война. Ну, и всё приостановилось. Всё на себе работали. Дрова возили, сохой пахали. Нет, не нады нам такой жизни.

Посылки на фронт

Все вместе посылки посылали. Заставляли посылать. Носки навяжем, махорку. А потом в посылку положишь сухари или чаво поесть... И голод, и холод пережили, а страх не видали, как на Украине. Мы сами были хозяйева...

Раненый брат работал со мной на заготовке дров

Потом стали приходиться реденьки. У меня брат пришёл в 42-м, ранило в живот. Пилил дрова, и я пилила. Дрова возили на себе. Сейчас трактора не поспевают, а мы попевали, видно. Никто не скажет: "Нет, не поеду". Все поедут. У каво есть кака обувка, все едем. Нелегка жизнь наша была. Кто с отцами, получше нас жили. У кого не было, сами выживали. Сиротам давали паёк.

На лотовку сосняк возили. А мы чаво? И с лошадьми управница не могли. Боялись. Пилили ручной пилой. Поработали, сколь могли, и отправились. Холодно, тяжело было зимой.

На тракторе, колёсные были тракторы, сейчас они заводяцца, а я – рукояткой заводила. Она как даст, – я и полетела без памяти... Потом убирали,

зимой молотили. Трактор приводил в движение молотилку. Я заведу, и она молотит. Женщины снопы подают. Робятёшки отжигивали на лошади.

Направили в Сталинград

Потом девчонок стали угонять училища [рабочим профессиям]. И нас в Сталинград направили. До Сталинграда на поезде. Командир говорит: "Ну, девки, выходите". Поезд идёт тихонько, мы за ним пешком. Всё, всё там было разбито. Если кирпич был, то там столько дыр было пробито. Хлеб кукурузный. Я там эту кукурузу наелась, и доньне не хочу. Там убирали тела. А мы как специалисты стали строить завод. Лена, наша потьминска, умерла. Есть было нечаво. Мы ушли из Сталинграда [самовольно]. А нас посадили в тюрьму.

После победы. Война кончилась, а не беды

День победы, а мы там, в тюрьме. Как сказали, мы сразу и обрадовались. Амнистия. Ну, мы сразу не ушли, пока не убрали ячмень. Попросили нас. Тогда домой прибыли. Опять нас через сельсовет в МТС.

Да на другой день сразу на комбайн ушли. Комбайнёр был один, а нас три девчонки. Ржаные убирали. Стали за Иванов, и опять всё снова началось. Два сезона ездили на торфоразработки. Тут не было ничаво, так нам там давали отрезы ситца, давали метров по 100. Мы продали, да корову купили, нам опять по одному платью досталось. "Съезди, Тань, на сезончик". – Съездила.

Появились мужики. Брат раненый пришёл. И то мы были рады. Без мужиков плохо ведь жить. Вон у тётки Саре – четверо оставалось [детей]. Муж у неё от тифа погиб. Вот четверых она воспитывала детей. У которых придут мужики – радости было... И слёз много было. И война кончилась, а не беды, не все живы...

Сейчас танки стоят на стендах [=на постаментах], ракеты стали ставить. А вот трактора нет. А ведь он главный здесь в войну был...

*Рыжкина Полина Фёдоровна, 1927 г.р., с. Потьма,
зап. 16.07.1987.*

Страшное время

Самое тяжёлое было время. Семья – нас было пять человек. В (19)37 году у нас умер отец. Остались мы, можно сказать, сиротами. Было мне 10 лет. Училась я в основном в Карсуне. Начиная с четвёртого класса в Карсунской средней школе. Когда война началась, ну, я не знаю, что

было, страшное было. Народ сразу понял, к чему это приведёт. Стали брать мужчин. На фронт. В военкомате объявили повестки – страшное время.

«Учись!»

Во время войны учились мы в Карсуне, брат учился ещё, Василий. Потом он заболел, я яво догнала, мы стали вместе учицца. Ну, первое время ещё можно было, ходили мы, учились, не так было нам тяжело. Мама работала, у нас школа ШКМ [Школа колхозной молодёжи] в Карсуне была. Мама техничкой работала. Получала очень маленькую зарплату. Трудно было очень. Потом во время войны мы и в лес ездили на салазках, в лаптях. Обуты, одеты плохо были, питание было плохое. У нас от голоду умер один мальчик, после меня брат, Степаном звали. Осталось вот нас четверо. Две сестры, два брата. Ну вот, до восьмого класса дошли. 150 рублей надо было платить за учебу. Ну, кое-как первое полугодие мама заплатила за нас за обоих. Потом второе полугодие. Директор нас вызвал: ”Давайте платите!” Брат говорит: ”Ну, ты – маленькая, хрупкая, учись. А я брошу учицца”. Бросил учицца. И яво тут же взяли. В сельсовет вызвали и взяли в Чапаевск в ФЗО [фабрично-заводское обучение]. Тут же, нисколько не был дома, сразу. Ушёл он, уехал. В общем, там он охранником работал 8 месяцев, и яво взяли на фронт.

Нечем платить за обучение

А я училась. Ну, как училась... Ну вот маме помощь была – тогда тряпками кое-что давали. Платишко дали, ну, там сорочку дали. Опять платить надо за второе полугодие. Ну, одна учительница у нас напротив жила. Мы это платье продали ей. Она нам дала 50 рублей, мы за обучение отдали. Ну, ладно, это в 9 классе. В 10-м классе срок пришёл платить – мне нечем. Мама говорит:

– Как хочешь.

Директор вызывает:

– Ну, Рыжкина, когда деньги принесёшь за обучение?

Говорю:

– У нас нечем платить-то.

– Как хочешь, отдавай.

Исключили из школы

Ну, в общем, приказ был исключить меня из школы за неуплату за обучение. Приказ повешен был. Директор приходит – я на уроке.

– Ну, Рыжкина, принесла деньги?

– Нет.

– Иди домой.

Он идёт на урок (он у нас химию вёл), уйдёт на урок, а я – в класс, на свой урок. Он оттуда идёт, спрашивают:

– Ну, ты ещё здесь?

Говорю:

– Здесь.

– Иди домой за деньгами.

Ну вот, так вот я две недели промучилась и бросила десятый класс. Пошла маме помогать полы мыть.

Письмо с фронта

Был дядя на фронте, и вот брат-то на фронте. Я им письмо написала. Этот вот дядя, значит, пишет письмо: ”Когда я получил твоё письмо, то мы были все потрясены в части. Показал это письмо командиру части. Командир части говорит:

– Да это что ж такое? Мы здесь кровь проливаем, а там наших детей из школ гоняют?”

И прислали мне справку. Я уж щас не помню, какого содержания [плачет. – соб.]

Пришла я к тётке, она говорит:

– Иди, собери сумку и иди в школу.

Ну, я, значит, вместе с мамой пошла.

Директор говорит:

– Ну, вот давно бы так! Мне тоже ведь отчитывацца надо за вас за всех. Приходи завтра в школу, бери сумку, приходи в школу.

Ну, вот сейчас знате, как мы: пропустил ученик, – после уроков оставили. А я-то, сколько пропустила, чуть не месяц, мне каждый преподаватель по части, что я пропустила, – это вот как зачет сдать по всем предметам. И вот десятый класс я всё-таки закончила. Закончила десятый класс, этот же директор вызывает меня, тогда учителей мало было, говорит:

– Ну, Рыжкина, посылаем мы тебя в Присурье учителем начальных классов. Пойдёшь?

Я говорю:

– Не пойду. Я боюсь.

Он:

– Ну, ладно. Всё.

Я пошла работать в райпотребсоюз ученицей бухгалтера. Я проработала там только два года.

Учительский институт

После объявления увидела: Учительский институт есть. Я пошла учица. Закончила Учительский институт, направили меня в Сурский район, там я два года проработала. Потом брата младшаво взяли, сестра замуж вышла, а этот-то у нас брат погиб. Был он три раза ранен, в госпитале был в Грозном, в Туле и ещё в Тамбове. Ну, в общем, всё-таки он у нас погиб. Не исполнилось ему 20 лет, он у нас погиб на фронте. А мне он всё время писал с фронта: "Учись! Учись, тебе учицца надо".

Ну вот, я Учительский закончила, значит, после, когда сестра вышла замуж, и брата в армию взяли, у мамы здоровье подорвалось, она через министерство стала хлопотать, чтобы меня в Таволжанку[название села] перевели. Ну, приказ пришёл в Облоно, меня перевели в Таволжанку, а я, когда в районо приехала, в Таволжанку-то, там, значит, вместо меня поставили другую. С Карсуна приехала инструктор райкома партии, и вот её туда послали, а меня – сюда, в Потьму.

Студенческая дружба

В институте училась, жили мы в комнате пять человек. Девочки хорошие. Готовили все вместе. Из Языкова две. Одна из Вешкаймского. Дружно жили. У меня вот мало было иногда продуктов, а мы вот стипендию когда получали (17 рублей тогда получали), все вместе складывались, покупали продукты. На праздники я домой мало ездила, оставалась в общежитии, а девочки уезжали. Всё, что привозили, мы все вместе... иногда мне мама что-нибудь присылала, опять все вместе.

Однажды мы пошли в баню. Мы ходили в беретках тогда, сверху полушалочки повяжешь. И вот пока мылись в бане, у меня полушалка была шерстяная, красная, мама ещё мне дала, – вот она у меня пропала. Ну, чаво, со слезами оттуда пришли. Девчонки мне дали какой-то платок, повязала, пришли из бани-ти. Месяц прожили, сложились, стипендию получили, пошли на рынок и купили мне полушалку. Общую. Вот так вот жили. Ну, трудно было учицца, но всё-таки я училась. Хотелось учицца всю жизнь.

Дома за старшую была

Дома за старшую была. А мы и в лес за дровами ездили, и печку топили. У нас коза была, варили вот этот молошный суп. Вот так питались. Трудно было очень, очень. Она уж (мама) никаких у нас домашних дел не

знала. Мы всё сами. Всё дети сами. У нас все обязанности были распределены, – кто за дровами, кто – в погреб, кто варить, кто стирать, кто подшивать. Тогда ведь одни заплатки были. Трудно было, очень трудно.

А я вот начну рассказывать своим ученикам, они говорят: "Ой, давно было! А вы хотите, чтобы и мы так жили?". Я говорю:

– Мы хотим, чтобы вы стремились к труду, учились хорошо.

А тогда учились: из школы придёшь, печку истопишь, сваришь что-нибудь, ещё в лес за дровами съездишь, а потом вечером – коптюшку на печку, книжки рядом и начинаешь читать. Вечером. Ночью. А потом уже утром опять встанешь, что-нибудь сваришь, да пойдёшь в Карсун пешком. В Карсун-то зимой приду, а у меня ноги к обувке примёрзнут. Я приду пораньше, стараюсь, сниму обувь-то, отопгрею, а потом урок начинацца. Вот в каких условиях жили. А вы сейчас, в каких условиях живете и не хотите учицца. Всё у вас есть. Ведь я ни одну линейку спокойно, без слёз не провожу. Я только смотрю, как одеты, какие робятёшки с цветами, празднично, парадно. А мы как? Мы галстуки-ти из лоскуточков шили, да красили в бересклет ходили в лес, бересклетом красили. А сейчас – прелесть смотреть. Вот я завидую всё время ученикам. И всё время на каждой линейке плачу я...

Степанова Зинаида Николаевна, 1925 г.р., с. Потьма, зап. 12.07.1987.

За солью

В войну за солью ездили в речной порт, и в этом порту матросы соль продавали. Много мы тогда привезли. Ну, на завтрак, как обычно, мама варила чугун картошки в мундире.

– Это тебе, тебе, тебе...

– Мама, мама! Дай ещё крупиночку!

Хлеб войны

Ну, хлеб пекла мама. Вот молотят хлеб, братья говорят:

– Вот ты, ты, ты, пошли на ток за лебедой.

Она-то легче и отвеиваецца в сторону.

Он был горький-то на вкус. А вот в (19)44 году ели ещё и липовый листок. Липовый лист, ведь он самый мягкий. Их брали, растирали и тоже пекли. А самое страшное, были лепёшки. Вот знате, у подсолнуха середину стебля тоже пекли. Это тоже был хлеб. Варили свекольные листки – это был суп, из крапивы. Это вот всё в войну. И еще чаво – всю вот эту зелень.

Вот тыкву напарят. Мать ее нарежет кусочками, ставит самовар.

– Мам, дай ещё кусочек!

– Нет, всем не хватает.

Ну, робятёшки не обижались. Семья была большая.

Сколько детей погибло от голода!

Говорить о войне – сердце щемит. Мы-то понимали, а вот сейчас, на Чернобыле что получилось? Раньше – атом да атом, а сейчас ясно, что такое атом...

На учёбу, как на фронт

(19)44 год был очень тяжёлым. Это было время, когда уже наши к границе подходили. Я училась в десятом классе в Вальдиватском в средней школе.

Пришли, говорят:

– Кто пойдёт учителем?

Что вы хотите? Война. У матери нас было девять человек, отец был на фронте, уже два ранения имел, один раз только и видели яво. В (19)43 году умер брат, и он приезжал к нам на десять дней.

Ну, в (19)44 году было предложение: курсы учителей. Десять человек из нашьаво класса подали заявление, самой необеспеченной, голодной была я, конечно. Ну, тут умирает сестрёнка. Ну, пошла, отвезли нас на станцию. Приехала я туда. Ну, что там было? Ну, конечно, трудно: 500 грамм хлеба – это был паёк рабочих, нас ещё кормили хорошо. Ну, что там давали, а мы ж всё-таки были молодые, здоровые девчонки. Ходили мы полураздеты.

Приехали туда, прожили две недели, стали учицца, хоть мы и поздно приехали, но мы догнали всех. В августе я кончила – и в Сенгилей, а потом и в Потьму. В феврале ещё отец погиб под Старой Русой.

Босая учительница

Приехала сюда, приехала с матерью. Была у нас библиотека небольшая, да мать продала за полпуда пшеницы. Здесь была директором Антонина Андреевна Красникова. Волевая женщина! Сначала муж был директором, а как взяли – жена. Я шла босиком от Вальдиватского, я пришла сюда босая. А директор посмотрела на меня и говорит:

– Зина, да что же ты в галошах-то?

– А у меня нет ничаво.

«Война деревню съела»

И когда мы с ней сидели, и вот она мне рассказывает, ну и не только она. Знате, какое село было – в каждой избе по пять-шесть человек.

– А знашь, в этом году была очень тяжелая весна. Умерло сто человек от голода.

– Как?!

– А вот так. Здесь много семей было бескоровников. Хоронили и женщин, и подростков. Да и в августе было не легко.

Затирушку всё ели. [Обращается к соб.]: А знаете, что такое затирушка? – Затирушка: берёшь молоко или воду, примешивашь муки, натираецца рукой эта мука, получались крупинки. Это заваривалось в кипящую воду или молоко. Или сходим, надерём картошки, натрём на тёрке, заварим в кипящее молоко.

Всё отдавали фронту

15 августа (19)44 года началась жатва, жали серпами, ходили всем коллективом, кланялись каждой горсточке. Занимались мы в основном до обеда, после обеда работали. Ну, некоторые жили очень хорошо. А мы – голь перекатная...

Сентябрь мы прозанимались, ученики хороши были. Я всё в одном платье ходила. Они [ученики] меня спрашивают:

– А вы что в одном платье ходите?

А я, чтобы авторитет не потерять, говорю:

– А оно мне нравицца.

Всё, что положено, всё отдавали фронту. Готовились к занятиям при лампадке. Ребята были хороши, но приходили раздеты. С апреля – мая ходили босиком, штаны из холста. В школе была специальная кухня кубовая. Стояли котлы, варили суп, лапшу, ребята брали с собой бутылочки – молоком забеливать. Писали на старых книжках, писали пёрышком, авторучкой так красиво не напишешь, как пёрышком. Само хороше пёрышко – со звёздочкой.

Из первого выпуска один мой ученик получил государственную премию, один работает трактористом в Потье.

Каждое утро был дежурный учитель. В 8 часов он слушал радио. Потом все собирались, он всё рассказывал о положении на фронте. Самым радостным были письма, а самым страшным – похоронки. Присылали и благодарности.

А вот ещё: во время войны сбирались мы компанией, шили мы, посылки посылали на фронт, варежки вязали, кисеты. И каждый месяц отправляли. Это мы просиживали целыми вечерами. А иногда вот так. Пекли такие вот лепёшечки. Вот ходили за картошкой весной перемороженной. Собирали вот эту картошку, сушили, толкли и пекли лепёшки.

То, что плохо жили, мы не винули никак, главное – что было на фронте. В (19)45 году волновались, когда дошли до Кёнигсберга, фронт остановился. У нас были военные займы. Это уж после войны. Встаём – и на заём, всё равно на работу рано идти.

Как-то мне валенки сваяли. Щастье! И я повадилась на танцы и порвала на большом пальце. И всё – никаких танцев! Хлеба мы долго и после войны не видели.

День Победы

Ой, как сейчас помню День победы. Иду из Вальдиватского. Навстречу мне одноклассник едет и кричит. Вот он едет и кричит:

– Зина! Как что, ты разве не слышала: победа!

Я в школу, а там уж все учителя собрались. Солнышко ясное-ясное. И вот Антонина Андреевна выходит:

– Поздравляю, товарищи, с Днём победы!

И заплакала: муж-то погиб. И все плачут, а она:

– Хватит слёзы лить, флаги – и на улицу!

– А ты что заплаканная?

– А я не могу, Антонина Андреевна, отец-то погиб.

– Все равно готовь – праздновать придём.

Радости было много, а слёз еще больше. Плакали. Ну, как же: твой придёт, а мой – нету.

Весь народ вышел на улицу, целовались.

После войны

Мы никогда не унывали, веселье было и пляски. Не было ни одного праздника без пьесы Островского. Тут гармошка, тут балалайка, а было ни скинуть, ни одеть, а сейчас нет веселья. Как народ боролся, чаво-то хотелось лучше. Ну, работали. Сидишь всё, бывало под керосиновой лампой, читаешь. Собирались люди, разговаривали. Раньше по гостям ходили. Воскресенье – пекли пироги, булки (после войны уж).

Говорить о войне – сердце щемит. Мы-то понимали, а вот сейчас, на Чернобыле что получилось? Раньше – атом да атом, а сейчас ясно, что такое атом...

«Только бы не было войны»

Пусть меньше всяво будет, только бы не было войны.

Темникова Таисия Дмитриевна, 1910 г.р., с. Потьма,
зап. 15.07.1987.

О налогах

◇ И налоги платили. И яйца, и молоко. Я собирала вот молоко. По 300 литров молока. Это накладывали на нас. Ну как не хотели? Велят. Не

отдашь, они описывали всё, что есть. Помню, бежит из самого крайняво дома. Бежит отечона: "Дали кружку молока! Дали кружку молока!" (Чтобы заплатить налог – соб.)

Чернеева Антонина Ивановна, 1915 г.р., с. Потьма,
зап. 12.07.1987.

До войны

Бывало не это время. Ходили с гармонью. Припевали плясали. А хозяйка выйдут: "Б-и, вы б-ди, вы дадите нам покою?" А мы: "Тра-та-та-та".

А потом пришло время – стали копать, таскать – на себе, в лес ездить – всё на себе, ослепли, обезножили.

«Пули надо мной градом летят»

Муж был бригадиром. И война. И взяли в армию сразу, с первого дня погнали. Поехали в Карсун провожать, и яво вернули. Один голый изъян был. Недельку пожил, и опять взяли. Проводила яво. Потом с дороги прислал письмо с Севастополя. Письма два присылал. "Я на почту устроился. Развожу на лошадях почту по всем дорогам". Ох, берягла, берягла. Письма печатны были [напечатаны на пишущей машинке]. "Еду, – говорит, – пули надо мной градом летят, буду жив или не буду. Нюра, молись с Вовочкой Богу, чтобы был я жив". Ну, вот, вино пил, маненько позоровывал. "Нюра, видно, Бог за тебя меня наказал. Как бы я топерича полежал на твоей ручке! Молитесь Богу, чтобы остался жив". Зоровал, пил... Другого письма не помню.

«Двое детей... и оба померли»

Голод был. Вот проводила, осталась беременна. Один умер, и второго родила, Лиденьку без няво, в декабре-ти. Уж плакала. Родила. Как жили... Помогали девчонки-соседки. "Посидите, куды схожу". Запру, да в лес на себе поеду. Выезжаю. Окошки были маленькие: жив ли? Нет ли? Жив! Жив! Слава Богу, мелькает в окошке. Он обоссанный, мокрый, как кочка, холодный. Родила, стало двое. Ни отходу, ни отъезду. Картошку по полям гнилую, просо ручками собирали. Соберешь на кашку, натолчешь и покормишь. И оба померли. И схоронила во время войны. Мальчишке 7 годов было. Он [муж] уехал, ему уж четыре годика было.

Мальчишка тосковал об отце

Больно уж мальчишка тосковал об отце. Не спал всеми ночами. Сидит на кровати и причитат: "Скоро папка к нам придет". А я ему скажу: "Если

придёт без рук, без ног, мне яво не нады”. А он мне: ”А мне нады”. – ”Он работать не будет, я яво, чем кормить буду?” – я ему говорю. А он мне скажет: ”Ты сошьёшь мне сумочку, и я пойду собирать. Я бы яво кормил”. Тогда нищих много было. Ходят под окошком нищие, просят подать Христа ради.

Ну, я помогала солдатам. Собирали, ходили, у кого что есть. Что я отдам – двое детей. Они, прям, силком. Что-то дала, вроде, носки яво. Отдавала – солдаты гибли.

Муж погиб в плену

Когда война замирилась, похоронка пришла. В плену муж погиб. От няво потом пришли мушцины и рассказали: ”Мы бросили курить, а он не бросил. Говорили, говорили – брось! А он говорит, что это не пайка [хлебный паёк]. А он курил, курил и отёк. И яво от нас отбили, он работать не может. И погнали дальше. А там их, эдаких, прям в яму кидали, которы не работали-то. Он просил: ”Навестите меня, что со мной будет...”. Раз не работат, их в яму кидали живых...”.

«Сейчас – цветущая жизнь»

Тут после войны осталась, мне 24 года, с двоими детьми, двоих схоронила. А с тех пор и живу одна, замуж не выходила. Каждая капелька на меня капала. А шас вот никудышна и ослепла. Ночи не спала. Жизнь была другая, а сейчас – цветущая жизнь.

Шабернева Прасковья Тихоновна, 1927 г.р., с. Потьма,
зап. 14.07.1987.

Голод

Война это ведь – не мать родна. Голодали. Кожуру картофельную ели. Не выкинешь – высушишь. И лопухи рыли, ели, как картошку. А мука-то, если появица, стаканчик бы лишь извести.

Тюрьма

Я окопы рыла. В Кадышеве. Мне 15 лет было. Осенью рыли, холодно было. А из окопов пришли, в ФЗО угнали. Учились, на стройке были. Убежали. Все мы. Кормили плохо, питание плохое. Мы убежали. Нас много убежало. Убежали, нас посадили в тюрьму. Судили военным трибуналом. Мне дали 5 лет, кому – 7, кому – 8. Дома строили в Ульяновске, за Свиягой. Враз год отсидела, и всех отпустили. В тюрьме – в лесу работали (на лесо-

заготовках). Вот дают 600 граммов хлеба, а он, как глина. А вечером – половник щей да каша. Оттуда не убегал никто, – охрана.

Много с нами было. И молодых много были. Все тюрьмы забиты. И остальные тоже с ФЗО сбежали. Мы – глупы были, к маме охота. Вот и убежали. Да пешком. Уж дома была. Оттуда присылают: ”С ФЗО убегла”. И забрали...

с. Большое Станичное

Быльнова Прасковья Фёдоровна, 1926 г.р.,
с. Большое Станичное,
зап. 10.07.1987.

«В войну налогами душили»

В войну налогами душили. С молодых бездетный налог брали. Да брать-то негде и нечаво. С усадьбы всё брали – и просо, и пшеничку. Всё на войну отправляли. Коровки были, да всё на базар везли. Приедешь с базара – начальство идёт уже за деньгами. Всё было в жизни. Но в войну сюда ни танков, ничаво не доходило. Только самолёты.

«Любила яво...»

А в войну у меня муж пропал, а мне 22 года было, но замуж я не выходила. И находились посторонние, но я-то не выходила, любила яво.

с. Большая Кандарать

Дерябина Клавдия Васильевна, 1924 г.р., с. Большая Кандарать,
зап. 10.07.1987.

«До войны сухоты-горя не знали»

До войны были мы ещё помоложе. Сухоты-горя не знали. И мы думали, что нашим матерям жизнь так легко достаётся. Но, когда сейчас мы уже повзрослели, то уже поняли, что нашим матерям было очень тяжело. Бывало, у матери пять человек. Мать пойдёт к кому-нибудь на огород просо полоть, чтобы заработать кусок. Мы этого тоже не знали, мы думали легко. Принесёт мать хлеба в пазухе и нам расщипывают всем по кусочку, а себесто – нет. А мы думали, что так, что мать сыта, это нам есть, а она до сих пор сыта. И мы думали, скорей бы нам стать мамами. Вишь, как мы в детстве

понимали об этой жизни. Мы её поняли только теперь, но уже поздно. В колхоз ходили подростками полоть просо. Отец идёт валенки валять, а меня с собой берёт. Я помогала ему шерсть там по селу собирать, и то пойдёшь (детство есть детство), пляшешь там, песни поёшь. Бывало выйдет: "Иди домой". Прибежишь домой: "Не ходи. Что ты орёшь песни-то? Даром, что голодная, а песни поёшь". А я, бывало: "Я нарошно, пусть думают, что мы сытые". Вот такая жизнь, какое детство. Всё равно веселья было больше. До колхоза лошадь у нас была своя, овцы были свои, хозяйство было.

Как появились колхозы, мы ушли в "Новый мир", там зажиточный был колхоз. А у нас отец, поскольку семья большая, они с матерью старались прокормить семью. Он перешёл туда работать. И он зарабатывал там очень хорошо. На трудодни давали. Мы там жили уже хорошо. А потом – война. Отца взяли.

Первые дни войны

Когда первый день, значит, объявили войну, была у нас троюродная сестра, страдамовская [из Астрадамовки]. А у неё муж там каким-то начальником был. Ну, они жили хорошо, ну, как хорошо: на столе был хлеб. Ну, вот, до Астрадамовки 23 километра. Ну, я сидела, сидела, а есть-то хочецца. Ну, думаю, пойду к тётке Нюре, там что-нибудь поем. Ну, и пошла пешком в Астрадамовку. Пришла к ним, ну, вот, поела. И у всех было радио в доме, и там объявиди, что война. Ну, значит, они там заплакали. Ну, и мы помним, что, значит, дядя Коля говорит: "Теперь, значит, всё, пожили". Значит, начали плакать, кричать, соседи сошлись. И вот такое было. Когда уже почувствовала, домой пришла. Отцу уже объявили: "Кружку, ложку – на фронт!" Отца забрали в первые дни войны. Мы ещё не знали, что такое война. А уж родители знали. Робят соберут: прикинь, у нас сейчас заберут отца. Мы всё прикидываем, до нас ничаво тогда не доходило. Мать, конечно, плакала.

«Народ чужой отца провожали...»

Её сразу взяли на окопы, а она была в положении. А отсюда 50 километров. Она туда пошла. И тут, значит, ему [отцу] – повестка. Думали, что это, вроде, не ныне-завтра яво возмрут. Она ушла на окопы. А ему – повестка, что завтра явицца с кружкой и ложкой. Маме туда председатель позвонил и сказал, что завтра провожать яво. Она оттуда ночью 50 километров пешком пришла, и у неё случился выкидыш. Выкидыш получился, и её положили в больницу. А я была самой старшей. Ну, вот начала, значит, там у кого что: кто соседи сухарей принёс, кто там чаво, пшеница, кто чаво... И в общем, народ чужой провожали отца.

Начался голод

Тут уже до нас всё дошло. Мы уже стали не емши, не пимши, раздеты, разуты. Что осталось после отца, мать уже начала всё растаскивать, менять: где ракушек, где мякины, где чаво. Конечно, нажитого было очень мало, потому что у наших родителей годы были тоже очень тяжёлые. Нажить, чтобы на прожитьё. Начался голод.

Коровы не было. Бывало, все животы вот такие, через живот на низни-чаво не видать. Он пух [опухал]. Гнилой картошки-то наберём, в ней чирвяки какие-то белые, а всё равно это не понимали. Тоже вот эдак вот нашлём. Немножечко засохнет – и наедемся, а ночью-то блевать, да всё на свете от этого. И вот жили: пухли, голодали. Всё там было. А мама бывало: "Ну, доченьки, как-нибудь, как-нибудь, как-нибудь". Сидела, уговаривала. И мы с матери никогда не просили, что дай нам поесть. Мы понимали, ничаво не тянули, но ведь были маленькие. Вот сейчас дети: дай, вынь да выложь. А мы с матерью сидим голодные, друг на дружку посматриваем, есть хотим, а всё равно не просим с матери, чтоб она чаво-то дала поесть. Чаво так складываецца, не знаю.

Маму посадили за горшочек проса

Была у нас младшая сестрёнка, она больно уж болела с голоду. Всё на ней были таки болячки, всё. Маленькая она была, наверное, года четыре. Но а мать-то пошла в это время просо жать. А жали-то серьпом. Вот, а она в балакирь, такой балакирь был из-под молока, налила воды и понесла в поле попить с собою. Хлеба-то нет, а только возили, чтоб попить. Ну, и в этот горшок натачала просо она, чтобы хоть эту маленькую девочку (она уже совсем помират, вся в болячках). Ну, вот, какой-то бригадир её там с этим горшочком поймал. И её в Карсун, маму нашу. Посадили вот за этот горшочек. И сидела вместе с этой сестрёнкой. Она маленькая была, она её с собой. Ну, вот в Карсуне-то она до суда присидела.

Показательный суд

Ну, вроде, здесь начали ходатайствовать нащот мамы: чтобы ей у нас в клубе, показательный суд устроили. И вот её привезли с сестрёнкой. Ну, и вот, мы пошли, значит. Маму привезли. Жалко, мать есть мать. Привезли нас – мы все к маме. Ну, вот тут её оцепили в этом клубе-те. Начался суд. Ну, тут уж я не помню, кто был председатель, кто чаво. Ей дали тогда какие-то условные, чаво ли. Ну, тут и наша мама вся и больная, и в болячках, и всё на свете с этой сестрёнкой пришла. А у этой сестрёнки вот вываливались эти болячки, туда вот – и ямка на этом месте. И до самого, как говорицца,

что она умерла, конечно, чаво у неё было... Всё уже отравлено. Она так и померла. Она не двигалась, ей лежать-то нельзя было, мама её держала и всё. Сидели там до суда, наверно, месяца три. А мы брошены на произвол судьбы, бегали по деревне: где калачик – вот цветочок калачик-то растёт, где столбунцы, где кислинки, где козлецы каки-то. А чаво? Куда пойдёшь? Кто даст? Ни у каво не было.

Сестрёнка наелась белены

А сестрёнка-то, Маруська, наелась белены. Наелась белены и нам несёт и говорит: "Я маку нарвала". Наелась и полезла на стенку. И туда, и сюда. В больницу её соседи отправили, ну, что наелась белены. Но отходили. Очень тяжело вспоминать.

Взяли учиться военному делу

Меня тут тоже вскоре взяли, я тут пошла учицца. Я была грамотна девчонка, меня взяли в Карсун (в район) обучать военному делу. Там лазали осенью по снегу с винтовками. Там жили на частной квартире. Мы старались помогать друг другу. Девчонки, мы ж голые, раздетые, разутые, и нас заставляли, дали нам эту винтовку, что ли, и мы полозили по снегу и мокрые, и холодные, и голодные.

Трудовой фронт

А потом сюда вернулись. Потом взяли нас на трудовой фронт. Послали на станцию Великое Дворье. Это был (19)42 год, мне было 18 лет. Вот мы там всю зиму были, как взяли в начале зимы, и до самого последняво, таять начинало. Мы там с подругой ходили в столовую. Нам там давали пайку, но нам не хватало. На мне был вязаный белый платок. Я там в столовой отдала официантке, и она добавляла мне водички побольше, вот и всё, чтобы прожитьё было. Пилили лес (мы не отставали от мужчин). Нам с подругой дали премию – по 10 метров коленкора. Мы яво накутали на пояс. Привезли яво домой. Мать продала, накормила, напоила. И денег дали на дорогу, на билет. Мы старались сохранить эти деньги.

И вот добирались мы без билета. И вот знакомый наш, военный подсказал, как можно сделать... Мы думали в отпуск приедем, так погонят куда ещё. Боялись, как там тяжело было, и всё потому, что на наших глазах мальчика задавило. Такие-то и мы были, а мы вовсе – девчонки. Мы работали, старались заработать, мы вдвоём деревья валили. Так вот, мы не стали тратить деньги на билет и забрались в вагон, в котором возили уголь. Вот, а там вот – угольники, поддоны-то, мы вот в этот вагон с ней туда

спустились. Друг к другу прижались вот так вот и сидим. А нам от станции Арзамас надо доехать до Рузаевки. И вот мы и сели в няво. Сели. И вот эти военные потом спустились к нам. По обе стороны сели к нам, ну, и начали к нам как к девчонкам приставать. И как у меня вырвались такие слова, что я сказала: "Сифилисом больные". Он керзовым сапогом меня ударил. Меня вытащили. Я сидела там, он меня так пнул, я потом не встала. Подруга старалась поднять меня. А военные сразу выскочили и убежали все. На вокзал меня принесли и пошли там к начальнику поезда и ему рассказали. И он нам разрешил в вагоне до Вешкаймы добрацца. До Вешкаймы я доехала в вагоне, всё хорошо. А от Вешкаймы сестрёнка младшая меня на лошади довезла.

Мы приехали домой. Нога, как огненная, была. Когда нога поджила, отца у нас уже не было. Мы остались одни. Потом мне полегчо стало, думаю: "Чаво мне дома сидеть?" Сначала я уехала к двоюродной сестре в Казань. Потом уехала в Подмосковьё. Работала, как лошадь. Там работала с мужчинами на тяжёлых работах. Потом табельщицей взяли, мне как-то больше было доверия. Потом один кладовщик взял меня к себе в помощницы. А потом я перетащила туда и свою семью. Там и померла моя мама.

Махорка

Отец письма присылал, но я уже не помню чаво. У нас мать собирала махорку, посылала отцу. У нас бабушка была. Она сажала очень много этой махорки. Вот она её продавала. Вот и посылала туда, на фронт. Она даже не то, что отцу, а вот и это... кому-то. Отец писал адреса, и мать сыпала эту махорку в мешочки и посылала. Я помню ещё хорошо.

«Чебири-маруси»

И карсунские ходили [налогосборщики], и наши кандарацкие. Я помню почему-то «чебири-маруси» их называли. А вот почему они мне так запомнились? Потому что мы частушки сложили. Откуда я эти частушки и знала. Ну, вот, у нас бабушка продавала вот семечки, стаканы, сколько там, 10 копеек стоили, и вот махорку. И ей мелочи ведь приносили. Вот идут ребята вечером на улицу к девчонкам и к бабушке заходят. И вот берут у ней семечки. В лес она ходила за орехами – чтобы прокормицца. И вот я помню разговор, «маруси-чибири» пришли к ней: "Давай за налог деньги". Она жила со старой девой, со своей дочерью, она больная, старая дочь-то. И вот к ней: "Тоже давай налог!" А она какая? Какой с неё налог? Бездетная, больная. И теперь они давай обыск делать. А я как раз вот у бабушки была. И вот бабушка этих тоже увидела, и вот там горнушка, дрова ложить на печке-то, а она там кирпич выдрала, и этот

мешечек туды положила, под дрова-то. И они нашли. И этот мешечек-то вытащили. Вот эдак он был на верёвочке. Они подошли, высыпали на стол, и давай мелочь считать. А бабушка говорит: "Оставьте, хоть сколь-нибудь". А они всё согребли в этот мешечек и взяли эти деньги. Ну, и осталась бабушка не при чем. Мне-то жалко. Мы вечером пошли на улицу, а они жили – белый какой-то был каменный дом. Они жили внизу (помню, у них окошки низкие). А я вот эдак вот поддела, в окно-то:

*Да раньше были Маруси,
Навивали плети,
А теперь Маруси
В сельском совете.
Раньше были чебыри,
Пасли коров полянами,
А теперь чебыри
Ходят с чемоданами.*

А сзади, я не помню, какой мужик подошёл и как меня сцопал, как меня бузанёт! А другие девки все разбежались. Ну, я никак не повернусь и не встану и всё. А пришла домой, матери и бабушке не сказала, меня будут ругать, побоялась. Скажут: "Зачем такие песни поёшь?" Вот и всё, и получила за это. Кругом только одни побои – куда ни сунься. Голодные, холодные, да ещё и изобьют нас. Вот так вот. А что глупый ребёнок частушку ещё не понимает... Я давай ещё добавлю тебе за это. Вот такая жизнь была. Сейчас хоть не бьют нас, не колотят. Говорим, что плохо жить. А нам уже кажецца, что мы сейчас не живём, а барствуем.

После войны

Как дали мне инвалидность, ушла я в больницу. И я осталась там. Пенсию там получила. Сюда [в Большую Кандарать] приехала как третий год. Нас осталось пятеро, копейки не было, и мы поступились приехать. На родину тянуло давно, но не было возможности поехать-то. А потом уж, как маненько обулись, – я не брошу мать. Она, значит, у меня жила. А уж когда мама умерла, ну, и я потянула за всех. Работала 24 года на одном месте. И решили мне дать двухкомнатную квартиру. Ну, вот, дали мне двухкомнатную квартиру, а я работаю – каждую копеечку вот эдак берегла. То, что городские кино, театры – я там никуда не ходила. Никуда. Всё берегла. Как-то уже мы привыкли жить в ужатии, вот так. И я накопила себе денег. И мы купили там себе, под Москвой, свой собственный домик. Поехали сюда –

яво продали. А сыну отдала двухкомнатную квартиру. И всё, что было у меня в квартире, – я всё ему оставила. Чтобы ему не жить-то?

На работе ценили очень. Я вот сейчас даже свою работу вспоминаю. И как меня провожали! И как уговаривали. А когда я пришла к своему главному врачу и говорю: "Борис Антонович! Вот теперь я отдала секретарю заявление". А она ему не сказала, что я на ращот подала. И оно, вроде, где-то там. А потом вышел срок-то, значит, я пришла, она взяла заявление: "Пойдём к Борису Антоновичу". Мы с ней пришли и она говорит: "Борис Антонович! Вот Клавдии Васильевны заявление". Он вот эдак вот: "Серьёзно?" А я говорю: "Да".

Я работала – ни с чем не считалась. То за буфетчицу, то за сестру-хозяйку. Я на одной работе никогда не работала. А главврач меня не обижал ни в чём. Пенсию определили – 90 рублей, мне вот так хватат. Ну, ещё надбавку обещают. А жизнь сейчас хорошая. А мы хотим просто жить, цопать всё. А нужно от жизни отталкивацца. Сюда вот мы приехали как третий год...

*Емельянова Мария Александровна, 1919 г.р.,
с. Большая Кандарать,
зап. 08. 07.1989.*

Во время войны

Я во время войны как раз училась в пединституте, в Ульяновском. Объявили войну. Нас сразу начали на работу загонять – разгружать на порт туда-сюда. Я сразу заболела. У меня глаз заболел.

У нас как раз в институте часы утром были. Потом приходим туда, в общежитие, нам говорят: "Молотов выступает". Объявили войну. Ну, все мы: "Ах! Ох!". Мы стали некоторые себя плохо чувствовать: у кого братья, сёстры, у кого – родители. Всё-таки здесь мы немножко поучились. Потом, я помню, уехала. Это было уже в июне – каникулы. Я уехала домой. Устроилась на работу в Ульяновской МТС помощником главного бухгалтера. Я поработала, потом перешла на заочное. Я там щотным работником работала. Было голодно, пока мы учились. Ели траву, в общем, плохо мы питались. В войну-то я вообще-то в Белозерье жила. А ходили, наверное, километра четыре в МТС. Пешком ходили с подружками. Работа мне нравилась, хорошо мне вроде было там. Потом я решила устроицца на щотную работу. Потом, уж когда перешла на заочное, ездила туда [в Ульяновск]. Но мне быстро удалось все те предметы, которые я прошла, мне их зачли. Я была на Педагогическом, а перешла на Учительский. Я госэкзамены сда-

ла. Сначала "хвостики" подчистила, которые у меня были не сданы, потом госэкзамены я хорошо сдала. Вот в один год я всё кончила.

Меня направили работать учительницей в Грязнушенскую начальную школу. Сначала я работала там, но потом в (19)46 году вышла замуж. И вместе с мужем меня перевели в Капышовку. Я тоже там в начальном классе работала.

Голодали, я жила на иждивении сестры. Родители у меня умерли рано, осталась я одна, восьми лет. Меня воспитывала сестра, точнее две сестры. Они тоже учителями работали. Голодали, продавали вещи, ходили за травой за всякой. Сушили, мешали эту траву. Кроме того, племянница с нами жила, её тоже кормили.

Ходили во время войны продналог собирали, яйца, займы распространяли. Это, наверно, уже после войны было.

О Победе услышала по радио. Обрадовалась. Все сходились вместе, к знакомым сразу побежали. У кого погибли, уж слёз было много. У кого ещё ничаво не знали о своих знакомых и родных.

На глазах умирали от голода

Помню, в это время в Урене была, на завалинке одна девчонка умерла лет 16-ти, наверное. Опухшая, отёкшая. Семья была большая. У родителей ноги потрескались, вода текла из них. Она умирала, просили хлеба поесть, а у нас самих не было ничаво.

Много умирали. Отекали – и всё, гибель. Хоть страха не видели – ни бомбёжки, ничаво, а смерть все-таки наступала.

У нас очень хороший был директор школы – Гуменюк. Он нам помогал во всём. И продукты выделяли нам из колхоза. Немножко мучки, пшеница. Они, правда, сами-то не очень хорошо жили.

Жамолоскова Вера Сергеевна, 1914 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 09.07.1989.

«Хорошее мясо»

Я ходила за картошкой, за гнилой. От нее пахнет. А я ходила на Потьму. Несем в мешке. А я робятишков своих поведу туды. Помаленьку они, помаленьку я. А течот тут, грязь. Я вся грязна. Она растает на мне, вытаскиваем оттоль. А душища-то – не вздохнёшь. "Не ешьте, смотрите, – умрёте". – "Не умрём". Чай, всё равно умирать, и всё равно тащим. Облупим – и опять лепешки делать. Ребятишек сначала покормлю. А мне достанецца, нет ли. У меня ведь их двое, один другого меньше.

Одна насупроть меня живет, она свинаркой была. Кличет меня: "Подика, чашку принеси". Говорю: "Зачем?" – "Подика, чаво дам. Буйный (лошадь была) сдох". Я принесла: "Ну, давай маленько". Она мне в чашку вот такую поклала. Она говорит: "На, вареного им дашь маленько". Я ее принесла, вымыла, сварила. Мясо и требуха – всё. Сварили. А они уж, робятёшки: "Мам, ты где взяла мясо-то?". – "Вон, – говорю, тетя Маня дала". – "Батюшки, како хорошее!"

Похоронка

Пришла мне похоронка: "После Вашево мужа осталось 12 рублей денег". Всё село обходила – никто не знат ничаво. Что такое, где это? Один военный, у Дуни Грызовой зять, дай я пойду к нему схожу. Прихожу к нему: "Я тоже не знаю". И с тем нигде толку не добилась...

В поле

У меня двое детей было. В поле она (Мансурова) – первая, я – вторая. Остальные за нами все. Это мы первые, самые первые работники. "Кто будет руководить?" – "Веру". – "Не пойду я". – Бить меня вилами. Как огрел меня бригадир, я под корову упала. – "Иди, тебе сказал. Иди, к стогу вставай". – Я говорю: "У меня нет никакой силы". – "А я тебе сказал: иди!" Как меня сунет, – я под корову. Корова не наступила, как-то перешагнула. Сколько сенокос идёт, я всё время у стога стояла со стоговыми вилами. Если я не встану, верно, весь свет, – некому...

«Потеряла мальчишечку!»

Я один раз поехала в лес с мальчишечкой. Одно-то мать взяла, а свекровь-то захворала, а то бы с другим посидела маненько. Да у неё у самой-то семья 12 человек. Она мне говорит "Ты уж возьми этого туды хоть, я уж не совладаю с ними". Я яво взяла, да дорогой-то потеряла. Давай зёвать: "Погодите!" А мы едем на коровах, а коров-то 8–9. "Чаво ты?" – "Потеряла мальчишку-то. Сашку-то потеряла!" – А свёкр ехал: "Да как так потеряла?" – Говорю: "Всё тут был вот, а хватилась – сейчас нет яво". Батюшки, остановили всё, весь транспорт, и давай яво искать. Нашли на дороге. Ещё ладно, не наступили коровы. Он так укатился с дороги...

А один раз меня кличут: "Иди, мальчишка у тебя там умирает". А меня назначили дежурить за ничаво в сельсовет. Батюшки, да мне надо отдежурить. Я пришла только на обед, маненько их тут поглядеть. "Иди, дежурь обязательно!" – "Да, – говорю, – мальчишка вон белены наелся!" А у няво вот эдаки зрачки! Он облужит, и сидит вот эдак вот [показывает: сгорбив-

шись]. Кто кричит: "Яво надо отхаживать!" Кто кричит: "Иди в Совет!" – Я говорю: "Ну, как хотите, я буду мальчишку отхаживать". Побегла. У нас тут один пчеловод был. Я пришла к нему, говорю: "Василь, Фёдорыч! Дай, пожалуйста ложечку мёду". Он не отказал, дал ложечку медку мне. И я дала ему [сыну], и он, вроде, проглотил. И глаза-то у няво, то – туды, то – сюды.

Было двое ребятишек, да мать старуха, да сестра слепая. Надо мне работать, некогда мне.

Налоги

Только купила чесанки [валенки], лиходеи-то [налогоборщик] их забирает. Я только купила их. "Ну, – говорит мать, – отдадим деньги. Маненько я накопила". – "Погоди, ещё не хватат". – "Пойду займу". – Заняла денег. А он говорит: "Я тебе ещё не налог буду писать. За облигацию пойдёшь".

Мать моя – плакать, я – плакать. Он мне и чесанки не отдаёт. Всё равно я отбираю. Беру чесанки, а он меня, как махнул от колымаги. Я – вверх тор-машками. Мать: "Подлец ты эдакий! Ты что её убил?!"

Ну, так за облигации пошло. Опять матери деньги давать. Она говорит: "Ну, больше у нас нет. Берите уж". Всё взяли: зеркалишко, часы-ходики, чесанки мои. Всё собрали, поклади и увезли.

Казаньева Евдокия Николаевна, 1926 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 07.07.1987.

Жизнь до войны

Жили мы до войны, уж не сказать, что плохо. Всё равно, раньше не така жизнь была, как сейчас у нас. Трудились. Ходила на работу полоть, жать, а потом уж начали молотить снопы. Ну, в общем, трудились всю жизнь. Вся трудность была на нас. Учились очень мало. Я уж в 3-м классе отстала. Конопель брали, канатник рубили. Всё это были наши дела. Я ведь работать начала с 12 лет. Ой, до войны весело было, страх! Бывало, поедём в лес на санках зимой, а в келью всё равно идём. Придём, приедем, отдохнём, что-ничто покушам, а в келью всё равно идём. Там и гармошка, и плясали. Всяки пляски: и "Семеновна" была, и "Подгорная", всяко было. Кто чаво может – выкамаривам. То нет ребят – скучно, то давай долевы петь. В игры играли: "Дубом", "Почтой", "Цепочкой".

Война началась...

Война началась, мне было лет 15. Началась она в июне месяце. Были в полях все, пололи просо. Мы стали ходить с 12 лет полоть, а ходили пешком за 9 километров. Далеко, к селу туды. Машин не было. На сенокос ездили,

правда, на лошадях убирать. Куды уже, вот в войну-то. И на коровах своих выучились ездить. Запряжём корову и едем скирдовать. Нажнём снопов и делали стоянки по десятке. И ездили каждый на своей корове, кто с мамой едет, кто там один. И собирали эти снопы и делали скирды, вот. И молотилками эти скирды молотили. Я уж не помню, как дело-то было. Только что кричат, прибегут. Вот там в поле пришёл записывать учётчик и сказал: "Вроде бы война началась". Все сразу перепугались, кто плачет, кто чаво. В этот день ничаво не делали, были перепуганы. Дома были и ждали чаво-то. Чаво-то ждали. У каво-то сразу отца забрали, у каво – братьев, у каво – чаво. Сразу много забрали. Провожали бедно, не было раскошно-то. Как объявят – сразу на лошадях везут в Карсун. Например, соседа провожают – бежим: "Ваньку провожают". Ну, что мы: "Вернуцца бы, исцелил бы тя Господь". Кто мог, заговаривал, кто как мог. А всяво... У меня сперва забрали отца маво, а потом, значит, брата с (19)23 года забрали. Отца, канешна, оплакали, проводили, потом брата. А брату всяво было 17 лет. Ну, вот, нам, канешна, горешна было. Мы с матерью две остались. Как принесли повестку – и в рёв, плакать, чаво ещё? Вот брат-то у нас слал письма, отец мало слал, но слал. Всё-таки долго он держался, и на фронте был, и вообще долго держался. Вместе с товарищами яво проводили. Ну, и не вернулись многие. А он вот остался жив. Он (брат) писал: "Мама, не плачь, кормят харашо (это он был во флоте). Ну, вроде остаёмся живы – вернёмся".

Письма с фронта

Надеялись на хорошее. Получали письма, – тут сразу плач в соседях. И мы идём, погорюем да разойдёмся.

Вслух читали, чай, там секретов нет, никаких не было. У нас отец остался жив, и брат остался жив. На селе много похоронок приходило. Опять слёзы, только уж она похоронка, а некоторые говорили: "Похоронки приходили, а он там жив остался". И все надеялись, что у меня живой должен быть. Все надеялись на хорошее.

Голодали без коров

Голодали мы сильно, с голоду опухали. Но мне вот лично голодать и дня не пришлось. Вроде у нас семья небольшая, а отец чаво-то делает, али как. Хоть маленько хлебца да заработат. Осталась у нас корова. Мы хоть затирушечку молочную, а варили. А которые люди листки ели. Вот у меня подруга, бывало, пойдут в луга, нарвут столбунца и едят. Хоть коровки-то остались, а вроде бы молочка, мучки маненько и вот этих листков наварят – и нечаво есть.

А некоторые опухали, погибали. А некоторые мамы, если у неё пятеро детей, нечаво уж ей дать детям, она уж как (ну, мы только так думали), там померли – она их не кормила. А чем?

«Последне забирали»

В (19)42- (19)43 годах самое трудное время было. Налоги собирали. Вы ещё девочки, а на вас уж накладывали налог, вроде того, как за бездетность. И такие сильно злые были [сборщики налогов]. Забирали, последне забирали. Там придут, последне заберут. Не знали, куда полмешка муки спрятать. Найдут и тащут, заберут.

Дезертир

В День Победы были в поле. Кто идёт – плачет (у кого убили), а кто идет – радовацца, что вот у нас письмо. Вот он прислал, а кто яво знат-то, может, напоследок яво и нет. Вот на памяти – у нас два дезертира было, скрывались они, искали их. Милиция приходила. Он лежал там летом на повети. А всё ему даже думалось, что туды даже лезут. Он вскочил – и бежать! Ну, тут председатель колхоза догнал, за ним бёг. И этого рысака – в тюрьму. Были такие, да, были...

Колчина Евдокия Петровна, 1907 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 11.07.1989.

Жизнь до войны

До войны тяжело жили. С покойным мужем пожалала, выжала 10 сажень. И толь сварили болтушку – звонят. Я говорю: "Ты иди один, а я домой". Детей оставили маме. Он говорит: "И я с тобой". Пришли, я затирушки для коровы сварила, а нам давали овсяного полхлеба, а он, как глина.

На коровах ездили в лес

И в войну страдали как. На коровах ездили в лес. "Вы меня в час разбудите, поедем за дровами". А я сама разбужу, гоним коров. А дочь полы вымот. А я за 7 километров в лес. Это в войну. Нам давали носилки в лугах стаскивать сено. А лес-то далеко. На бригаду давали по лошади. "Хотите – садитесь, хотите – вязанку везите". Мы уж лошадь загрузим, а сами – пешком. Жили очень тяжело. Потом стали получше жить, хлеба давали. Наш труд считали очень плохо, не оценили, палочки ставили. Прошёл год – на год дали три пуда ржи. А я сама-то- пятая.

Мы поехали на салазках: "Айда, дать-то нечаво коровам". Пошла, спросила бригадира: "Мы поедем с Леной, коровам стелить нечаво". Там

скирдовали, привезли. Она постелила, и я постелила. Она приходит, говорит: "Моя корова всю подстилку съела". При Иване [муже] пойдём, нажнём, да поедем на тачке, да привезём коровушку кормить. И у меня детей четверо.

Проводы мужа

Мужа взяли в жницу. Приехал бригадир и привёз записку. Мы шли за 10 километров. Провожала я яво в августе. Он мне из Саратова прислал одно письмо – и больше ничаво. Прислали мне, что погиб. И он писал: "Попался на Вешкайме кандарацкий Чумаков. Дал мне чашку сухарей". Когда повезли, им выписали только по 1 килограмму ржаной муки. С тем и проводила. Больше ничаво не было.

«Детей сохранила живыми»

Я детям говорю: "Там просо, будете полоть". Оне говорят: "Мама, мы сами в лес будем на коровах ездить, а ты – полоть". И стали ездить, возили дрова. Я осталась в (19)43 году с чотверыми. Нас не ращитывали, а с нас брали молоко, яйца. И детей корми, а тебе за работу – ничаво. И всё-таки всех четверых сохранила живыми. Но траву не ели, я довольна была. Картошка у нас была. Вова два посадим. Картошку посажу, и мне несут за картошку пшеницу. Дети не опухали. Картошку тёрла, травы не клала. А ещё милостыньку давала по картошеньке. Пуд пшеницы, зерна три пуда, картошки. Всё-таки без картошки нельзя было.

С голоду умирали те, у кого коров нет

Я не допускала последняво брать. Я просила: "Я уплачу налоги", – когда, бывало, грозят. Если нет – грозят. Попрошу, она – повременит. "Погожу, потому что ты меня просишь, а некоторые – кричат". Поеду на корове в лес, привезу дров и поедем – сдадим. Или вязи куплю, и платок вязали с вязи. С голоду умирали тяжело те, у кого коров нет. А есть – уж какими-нибудь путями. Раз-два за неделю намелем зерно-то. Помногу – сажали за килограмм, всех боялись. Была сваха у меня в Ульяновске, она рассказывала, у неё сын умер с голоду. "Просил поесть, а у меня – ничаво". А была с мужем.

А я уж довольна, что сохранила. Тяжело жили. Сын 16-ти лет пошёл на валку с соседом, с дядей. Сапоги валял. Приехали оттол дяденка и говорят: "Дуня, как нам твой Сашка понравился. Куда ни пошлём – всё выполнят". А я говорю: "Был бы у тебя, и твой такой же был бы". Мои без дела не жили. Бывало, заколешь скотинку, выделашь кожи, отнесёшь сапожнику, – он наделает сапоги.

О сестре

Отец не пришёл. Получили извещение, что пропал без вести. Повар яво прислал, белозерский прислал письмо, что отец погиб, осталось 40 рублей денег. Прислал их.

Сестру забрали в армию. Она была в Ульяновске. Ходили провожать пешком. Ходила туда к ней два раза. Первый раз сухарей насушила да лепёшки. Прихожу на 12 сентября [название улицы], где тюрьма. Прихожу. Стоит часовой. Спрашиваю, как разыскать сестру. Он говорит: "Всех девочек угнали в Ленинград". Я расплакалась и к женщине одной зашла, переночевала. Ушла. Дня через три – письмо: "Я тебя жду. Чаво не идёшь?". И, оказывацца, не угнали. Я обратно иду. Прихожу, она дежурит. В пилотке, гимнастёрке, юбке, сапожках. Обрадовались. Она говорит: "Нас отпускают завтра домой" (после войны). И билеты им уже взяли. Переночевала я, наутро пришла. Их сержант помог, проводил. Мест нет. Доехали до Вешкаймы наверху.

На торфозаготовках

Меня в Иваново-Вознесенск на торфяные работы забрали. Через милицию. Вызывают в правление председатель. Говорит: "Было заседание. Вас назначили на торфозаготовки". Мы не согласились. Пришли, стали прятацца. Пришла милиция. Забрали и на следующий день погнали в Сибирь. Без хлеба. Без ничаво. Бабушка догнала, милиция не пускает. Всё же разрешили хлеб передать. В Карсуне переночевали в райисполкоме на полу, со стражей. На другой день повели в Вешкайму с нескольких сёл. Погрузили в вагон без печек и повезли. Тут стояли. До другой станции повезли. Стоим. Есть нечаво, и бежать, не знаю куда. Довезли до Иваново-Вознесенска, выгрузили. В общежитие поселились. Дали карточки. Послали на работу. Кормили плохо. Задумали убежать. Трое из Кандарати. Мужчина рассказал, что ехать поездом до станции Арзамас. А мы не знаем ничаво. Дошли пешком до Иваново. Мы получали по карточкам за 5 дней вперёд. Нас то и дело ловят. Отдадим пайку хлеба, просим отпустить. Я из дома получила 100 рублей денег. Доехала до Арзамаса, проводнику отдала 100 рублей. Доехали до Алатыря. Дома – сразу в баню. Вшей жарили, баню жарко топили, выпаривали.

Обыск

Когда скрывалась, пришёл председатель колхоза. Я уснула уже. Стук. Мать: "Кто?". Меня разбудило. – "Вставай, за тобой". Я в ночной рубашке – в подпол. Думала, сейчас заберут. Они к столу: "Где она?" – Мать: "В

Ардатове". Они: "Не боишься?" – "А куда девацца?". Не уходят и не уходят. "Щас будем искать". Я в землю вдавливаюсь. Они ушли, мама открыла погреб. Это один раз так было. После войны долго не показывалась. Тогда все прятались, никому на войну не охота. Сестру забирали из клуба. Она ночевала в сельсовете. Принесли вещи.

«Себе, что останецца...»

Налоги зоровали [имеются в виду сборщики налогов]. Мужчины где-нибудь добывали, а нам негде. Брали у нас (до войны были овцы) шерсть. Отобрали за налог. Жакетка была, весь наряд-то. Говорил, заберёт. Расстрашал, но не взял. Поработала в колхозе, пошла в аптеку. Денег – 280 рублей, я ими налог платила. А себе, что останецца, так и жили.

День Победы

Объявили, что День Победы. Все кричат на улице: "Война кончилась!". Обрадовались: гонять не будут. У кого пришли с войны, и мы с ними радовались.

Кондратьева Вера Андреевна, 1914 г.р., с. Большая Кандарать,
зап. 06.07.1989.

«До света – на жатве, днём – в прачечной»

Я работала в прачечной. В больнице. И я стирала без мыла. А начальство приезжали, – начальник райздрава со мной за руку здоровался: "Как вы стираете? Дайте опыт. Скажите другим". Вот так вот. Я стирала только щёлоком. В общем, трудностей полно пережили.

Поесть нечаво. У нас ещё был участок подсобного хозяйства. В общем, я спешу, а потом мне надо идти там жать, хлеб снимать. Вот гектар мне отняли, и я жну, а к девяти часам я обратно являюсь на работу. Это по утрянке, по утрам мы жали. Вот. Как только можно руки видеть.

Варежки

А вечером – на фронт я 25 варежек связала с пальцем крюковых, стандартных. Я, вобщем, вязала вот как: нам давали шерсть из колхоза. Я сажу, но у меня была колодочка хорошая. И у меня мои варежки были стандартные. И всё село носило. Как им хочецца связать такие варежки! А я им никому не говорила. Вяжу все красивые варежки. А брат, вот этот брат, он пришёл только с армии: "Никому не дам твои варежки. На фронте буду носить, да и начальство всё наденет".

Ну, конечно, я могла работать, у меня руки работали. Приду вечером, а темно уже, я устаю, конечно. Прачечная ведь. Стирали без мыла, надо всё подать. (Ещё тогда молодая была, вроде ничаво было). А потом кладу подушки себе под голову и начинаю вязать. Варезку надо сделать и другую. А потом уж выстираю, высушу и опять сдаю начальству. А в посылках ещё посылали на фронт от коллектива, у нас в больнице подсобное хозяйство ведь было. Всё есть. Пекли лепёшки, кто могли, кто чаво...

Война началась

Когда война началась, я пришла с работы.

Прихожу один раз, а у нас трактористы косили. Прихожу, значит, и брат пришёл. Прихожу, а он говорит: "Войну объявили". А у нас этот брат был тракторист, ему давали бронь. Яво ещё не забирали, а оставляли. Он всё был там [в поле], молотил, а потом уж год прошёл – яво взяли на фронт, и он тоже не вернулся. Не сразу повестка пришла.

Они поехали туда [в военкомат], им говорят: "Нам нужны рабочие". Ужасный был урожай. Убирать некому было. Вот так вот, кое-как. Дожжик пойдёт, с мотыгой пошли на поле колхозное. И серпами жали, и жнейкой жали, но всё-таки жали урожай.

А потом, когда забирать стали [призывников], ну, гонят их, как скотину в стаде. И всё, так вот их гнали.

Работа в больнице

32 года я работала в больнице. Раненых-то не было, а вшивых было полно. Стирать-то стирали, а ведь надо достать ещё дров. На быках поедem в лес за дровами, что ж...

Голодали сильно, а чаво там, платили-то чаво... Ну, правда, я уж зарабатывала себе на хлеб, и вот они мне всё помогали [показывает на сестру]. Своя организация дополнительная. В общем, на зиму хлеб давали понемножку. Но голодали и опухали. В общем, у нас лошади в больнице были. Сколько? 6 или сколько? В общем это – подсобное хозяйство. Лошади подошли, и мы их съели, и врачи ели, и все фельдшера. Мы же котлеты делали, отварим в воде, потом молочком залём, сварим и едим. Одну конину ели. Хлеба не было. Ну, не помню, 9 что ли килограмм давали на зиму. Вот так жили. Вот такие трудности были. А сейчас бы хорошо жить, ну, вот уж 81-ый год прошёл.

Кто плакал, а кто смеялся...

Тогда про победу сразу объявили, как же, в народе сразу слух пошёл. Кто плакал, а кто смеялся... Брат-то вот не вернулся. Он писал: "Мы, – го-

ворит тут только шинели не кушаем: бережём их к зиме. Вот как победим, всех помянем. Году нам не хватит. Каждый день всё будет новый. Убитого барана найдём, ремнём привяжем и тащим яво. (Сам-то он был раненый в руку, а товарищ – в ногу). Притащим яво, посолим и кое-как сварим на костре".

Вот так вот. Страдали, очень страдали. Вот последнее письмо прислал и больше не присылал. Похоронной не было. Жалко яво, он очень добрый был. Разыскивали яво. Говорят: "Ничаво не знам"...

***Кондратьева Клавдия Матвеевна, 1916 г.р.,
с. Большая Кандарать,
дата зап. неизвестна.***

Дети в войну

Я была дома, у нас как раз с окончанием работы трактористы пришли выпивать, кончилась посевная, и вдруг объявили: "Война!". И вот мой ребёнок в люльке лежал. Мальчик у меня был (у меня два сына). Это старший сын. Наверное, ему год был. И вот как напугались: ветер в окно дул, и дверь-то открылась. И он у меня заболел этот мальчик. У няво, значит, хронический так и остался насморк и ухо. Болел. Ну, второго-то я уже во время войны родила. Мово мужа не сразу забрали. Он – нестроевой был. Тоже работал трактористом. Здесь оставался. Ну, а потом, значит, яво забрали. У меня родился второй мальчик тоже. И вот так их растили. Ему было три месяца, и меня позвали на трактор работать. Я не хотела бросать ребёнка от груди, а мне сказали: "На фронт пойдёшь, а детей заберём в детдом". И я со своей матерью оставила ребёнка и пошла работать.

Я работала на тракторе

И всё время работала на тракторе. А потом с фронта пришёл один тракторист, мне яво дали на смену. А он был больной, то две, то три смены не придёт, и я работала одна всё время по трое суток. А кушать тоже нечаво было. Привязут молока, попьём, а всё-таки не бросали, с нас требовали, нужно было на фронт хлеб. Так и работали.

Муж был танкистом под Ленинградом

Ну, а потом-то муж мой нестроевой, яво, было, забрали, но не в строевой части был. А потом так побили на фронте-то, мало осталось народу, яво взяли строевым. Он танкистом был, он ведь тракторист. Был танкистом главным, ну, на этом – ну, на танке. Там ведь трое их, три танкиста, он за

главного был. Ну, вот. И он, значит, был там на фронте. Ранили яво. А потом он Ленинград отстаивал, а там попал под блокаду. Когда яво ранили, яму операцию не могли сделать, потому что там даже кушать было нечаво. Ничаво не доставляли – ни медикаментов, ничаво.

Ну, после много прошло времени. Освободили Ленинград, яво отпустили. Яво отпустили, значит, ему там операции не сделали, не было возможности сделать. Он поехал в Казань. В Казани стали делать операцию яму, у няво эта рана (был он ранен в желудок). Он из танка прыгнул, одного насмерть убило, на провод, на мину они прыгнули, а их двоих ранило, танкистов. И вот яво ранило, и вот у няво желудок прирос в печень. Стали яму делать операцию, а он не вынес, изошёлся кровью. В то время не было таких врачей. Ну, вот в Казани яво и схоронили.

«Одна детей я растила»

Вот они мне помогли [показывает на сестру] моих сирот растить. И такие у меня хорошие дети. У людей то вино пьют сыновья, а у меня только работают, и за это у них благодарность. Они у меня всё делали с детства, потому что у нас не было возможностей их не приучать.

Некому работать-то. Они все мужские дела маленькими начали. Зарабатывала я, давали нам овса, так кой-какого хлеба нам дадут, проса дадут: то кашницу варишь какую, то блины печошь овсяные – вот так вот и жили, выжили, не померли. Сахара-то нет, не было, соли не было, ничаво этого не было. Вот когда война кончилась, стали жёлтый песок давать, мы из няво сахар варили, тут уж получше стали жить.

Детишки у меня ещё небольшие были в войну-то. Чаво – этому два годика было, а этот – ребёнок совсем. Вот, когда приду с работы, он говорит мне: "Не ложись со мной спать, а то у тебя вши". Не клал меня спать, там вшей сколько было. "Не ложись, – говорит, – со мной, мама, а то у тебя вши"...

Молодые мы были, только ещё начиналась жизнь, и вдруг всё оборвалось. Парней-то всех забирали, никаво молодёжи, одни старики, а вернулись два-три...

Лукьянова Ольга Григорьевна, 1916 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 11.07.1989.

До войны

Детей нас было 8 человек. Отец умер в 40 лет. Осталось 8 человек. Мне 7 лет. Работать начала, как отец умер, и по дому и в поле. С 8 лет жать стала, жали уж все. У нас всё обоюдно, все девчонки. Маму слушались, она не

обижала, помогала. Корова, лошадь были. Пахали сами старшие, а как плуг добились, сами пахали. А потом всё сдали в колхоз. За палочки-те работали с 33-го года. В эдаких годах я вышла замуж в (19)35 году. И мы за палочки работали до этого, платили мало. В колхозе трудно было, но мы оживлённые были, не обижались.. Жили дружно. 9 человек: сноха, у нее трое, у меня трое.

Ходила с парнем, как заболела – не знала, чаво говорить. Подруги постарше говорили: "Иди поговори". С армии пришёл – вроде так ничаво. Они пришли с товарищем. Я говорю: "Я не пойду. Вы к одной ходили. Может, на смех зовёте?". Они пошли за золовкой. Он меня спрашивает: "Ты никому не сказала?" Я говорю: "Я брату сказала".

Не было ни встречи, ничаво. Ушла "самокруткой" [без свадебного обряда]. Брат сказал, что лучше дом сделаю. У нас корова была, было нетрудно. У них – ещё старшая невестка. Все жили. Питались 9 лет вместе, только спали порознь. И до сего времени дружно жили. Дай Бог всем жить, как мы с мужем жили. Душевный человек, хороший. К войне-то двое детей.

Письмо присылал из Выборга: "Подходим к Выборгу. Опасность не такая уж". Больше не было писем. Вернулся в июле. Сказал, как они шли. "Сказали, что мир, но часа два были бои". Больше не рассказывал.

Суд

Он у меня пошел на заработки валенки валять в Оренбургской области. Патент брали. Там наш кандаратский жил. Выпили. Через линию стали переходить, двоих и забрали. Председатель колхоза едет: "Им суд – идите". "Как суд?" – Прихожу, их уж судили, полгода дали, что линию перешли. Угнали на Дальний Восток. Оттуда писал: "Расскажу, как приеду, как могилы себе рыли". Вот чаво. Ни за что год-полгода просидел. Не видали ничаво. Столько умирало людей, что могилы рыли. "Живых зарывали нас".

Оттуда – прямо на фронт. Нисколько не заезжал. Написал: "Выезжаем в Вешкайму. Выезжайте, может, увидимся". Получили письмо. Поехали. Приехали. Поезда не знам ничаво, да и никто не знал. Война есть война. Мы караулили, две ночи ночевали. Один говорит: "Найдите квартиру". Никто не знал ничаво. Простояли и вернулись. В письме потопе написал: "Нас другим путем гнали", – с дороги прислал. Слал письма. "Слаб на ногах. На лошадь посодют, и двое ведут. Так слаб, ноги болят". Часто слал. А тут долго не было. Ну, думаю – фронт. "Мне бы только вас увидеть". Мы яму не писали, что брата убили, чтоб не расстраивать. Мы-то все в куче. У того брата жена учительница, неспособная [=неприспособленная]. "Не бросайте её", – писал. Маненько разделились в войну. Письма писала золовка, знала всю нашу жизнь.

В первый день войны мы были у мужа. У неё за 45 дней мужа забрали. Он всё говорил: "Чаво-то не так...". И забрали. Деверь приходит с работы и говорит: "Война началась. Я слышал... Я никому не сказывал".

Ко двору вышли: сказывать – не сказывать. Плакать сразу. Пошли на работу. Приежжам – этого взяли, того взяли. Объявили: "Идите на войну". Идем, доходим до горы, до села. Кому скажут? Боялись домой идти: кому какая-то весть. Ах, не всем! Враз прислали, но то там, то тут кричат... Мне не пришлось. Не страдали. Голоду не видали.

Голод

Наши сёстры были – траву ели. Остались четверо. Они страдали. Сёстры страдали. А мне не пришлось. И корова была. Раз поехала с золовкой на мельницу, и она заболела: "У меня в животе что-то...". А у меня две юбчонки. Одну скидываю. А мы везём хлеба. Отсыпаю в юбчонку, вернула кулька четыре, сбросила в крапиву. Сама дрожу. Вечером поздно отнесла. Она упала в ноги: "У меня нет ничаво". Она этим две недели жила. Вот они страдали. Но сберегли всех ребят. Если бы не помощь, то не знаю как.

Сестра ездила торговать солью, табаком. Поехали со снохой за солью, доехали до Уржумска. Рассказывала: едем, ночевать никто не пускает. "Идите дальше". Пришли: "Сени отоприте, пустите ночевать". – "А где положить?" – "Ну, где-либо". А у них дров нет. "Вы нам сварите картошки". Взяли сварили пшеницу – прутиков нашли. Сварили похлебку. Доехали. Пришли на квартиру, около Свяиги избёночка. Нам её [соль] принесли. Мы меняли на деньги. Привезли пять пудов. Хотели по три пуда, но не досталось. Разделили сёстрам. Одна после стала ездить. Помаленьку делили.

«Брали, чаво надо»

Собирали наши, которые не имели сочувствия. Нет чувств хороших, хоть и свои. "Дай!" Нам не приходилось эдак. И когда у нас брали, пришли за коровой в колхоз, мама уехала за лошадью. Нам говорят: "Выведите ко двору". Мы не даём: мамы нет. Страдал народ. Последний пуд могли взять, вещь нужную. У нас это брали, чаво надо [что хотели], Марусёвы, Мосев Николай.

Домой вернулась с чужими людьми

Хлеб возили на лошадях. Приехала сестра из Вешкаймы: "Дайте лошадь до Вальдиватского доехать". Мама говорит: "Поезжай, довези". Я поехала. Лошадь умная. Мне одиннадцать лет. Меня в тулуп завернули. Доехали до Вальдиватского, я зёвать из тулупа: "Вы куды же меня?". "Сиди, мы в Карсун поедём". Мужчина там был – лошадь под узцы. "Чаво?". – "Да вот говорили,

что до Вальдиватского, а сами в Карсун". Он говорит: "Айдаге в сельсовет доедем". Сельсовет также распорядился. Меня с тулупом сняли, а лошадь забрали. Лошадь ночевала в Карсуне. А я с тулупом пока доехала [с чужими людьми]. А мама плакать – волнуецца – давно должна приехать. Потом лошадь отдали.

На колхозном поле

Картошку в поле рыли. Нам бы по ведру, а мы – по два. Председатель остановица днём. Соседка кричит: "Идёт!". Мы с золовкой – в рожь. Перевернулись: "О-о-о!" Чуть не удавилась. "Николай Алескандрович! Я ведь чуть не удавилась, а ты ходишь по нашим гумнам". Пришли жать, а колосок зеленоват – не поспел. Председатель поезжает: "Почему жнёте?" А мы молодые, зелёные. "Лиза велела, говорит, в снопах дойдёт". Ей три года дали [тюремного срока].

За колосок – в тюрьму

Золовка взяла в завиток – и в волос в платочок. И записали, что она назвалась не своим именем. Душа дрожит. А полевод знат, что она – Лукьянова. А у кого было в рукаве – по два года дали.

Больше помирили те, у кого не было коров. Спасались только так. Ну, и давали им [голодающим], отрывали от свояво. Жалко ведь, всё-таки давали. Мы и хлеб несли, с картошкой мешали. У нас картошка родилась. Возьмём в поле хлеб. Четверо едят, а семь не едят, смотрят. Решили: "Давайте не брать!" И они говорят: "Вы не стали брать, нам легко стало". А делить если – ни то, ни сё...

День Победы

В последний день нас снарядили на картошку ехать. Мы на коровах. Пришёл полесный: "Война кончилась". Председатель говорит: "Пойду до почты узнаю. Убедюсь и вам скажу".

Смотрим, он руки поднял: "Кончилась!" Мы обрадовались, заплакали. Думали, кто вернёцца. Всё-таки нас нарядили в Раздолье за картошкой. Там веселье. Нам: "Не плачьте, угощайтесь". С голосом плакали: не знали, кто кому – кто с горя, кто – с радости.

Мансурова Елена Сергеевна, 1925 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 09.07.1987.

До войны

Нас было 14 человек. Значит, четверо детей было от одной матери, умерла у них мать. Отец взял хоть мою. У моей матери было шестеро – десять. Брат старший женился. Жану взял, – и дети. Вот женился второй брат.

Ещё взял. Ну, а потом начали расходицца. Отец у нас был настойчивый, семью в обиду не давал, работал, мать работала, братья работали. И мы подросли, стали работать. Хоть получать-то не получали [плату], а вроде маленько тянулись. А потом война началась.

Почты боялись...

В первый день в поле были, на сенокосе. Из поля у нас начали выдёргивать людей. Вот так. Уйдём на работу, а с работы начали выдёргивать. Мы чувствовали, что война началась. Начали выдёргивать мужчин – значит что-нибудь не так. А потом обнаружили, что война началась. А что такое война, мы ведь не обращали внимания. Конечно, постарше нас понимали. У них мужёв забирали, дети оставались. А мы? Ну, война, война. Взяли – приедут. А что в войну мы остались? Дошло до того, что в полях клинышки сеяли. И что? Эти клинышки кто будет обихаживать, мужчин-то не осталось. Одни бабы. Начали которы приходиться без рук, без ног. Все боялись. У каждого – у кого сына, у кого мужа, у кого родного, у кого – чаво... То оттоле пришлют, то отселе двинут. Почты боялись. Идёт почта – а тебя уж вот так бьёт: сейчас нам «награду» принесут.

«Крапивы не было у дворьев»

Дошло дело до того, что стало вот в поле сеять-то некому, косить-то некому. Вооружили нас. Пить-то, есть-то нечаво. И мы однажды пошли в поле. Как шас помню. Собралось у нас звено. И пошли вот эдак, и попало нам плешинно козлецо. Вот эдакий козлец растёт. Станешь яво есть, у тебя потом губы все обмечет болячками страшными. Он такой вредный. А мы как на эту поляну напали звеном-то, и до тех пор ели, пожалуй бы, уснуть бы на ней. И одна у нас и не пошла полоть. Осталась в этой поляне. Вот как жили.

А пойдём в поле, возьмем лепешку травяную из столбунцов. Мешки брали. Косим, косим, в первую очередь – листочки соберём домой на лепёшки. На лошадь-то сядем, не мы сядем, а мешков наложим 15–20 мешков. А домой приежжам, нам некогда отдохнуть-то. Мы скорей их сушить. Натолчим в чашке – и лепешки печь. А утром опять едем туды.

Потом стали варить нам из овсяного: овес мололи, там одни комки. Вскипятят воду, там яво пустют. Обед настигат, нас кличут обедать. Приходим, нам наливают. А там чаво? – Комки плавают. Но мы поедем, отдохнем маненечко – и опять.

И крапивы-то не было у дворьев. Мы её всю выщипывали, она только верхушки казала. А зимой-то вот на орешнике или на берёзе, вон видите – серьги-то. Ходили в лес собирали их и пекли лепёшки.

А вот тыквенны-то зёрна, знате вы? Мы их грызли, зёрнышки-те разомнём, да если у кого зерно есть, – помасленим. А кожурки-те опять мы приспособим: толкли в лепешки.

«Бросить позорно...»

А у нас один мужчина вот как учудил. Поехали на сенокос. Привёз туды лепёшки. Пообедали. У няво лепёшка-то осталась. Он её положил вот эдак, так кинуть-то позорно вроде. А он её вот эдак положил, посидел, встал и ушёл. А мы кричим: ”Эй, кто лепёшку забыл?” – А он не забыл её, а от всей души оставил. Вроде и ему она не лезет, и бросить позорно. А она никуды не годна, одна трава.

«Обед» на сенокосе

Потом картошечка у нас уродилась. Мы поедем на сенокос, парочку из дому возьмём. Ну, мать-то знат. А отец-то знат, нет ли. Или так возьмёшь раз – две картоленки в карман. Приезжаешь туды, нам начинают варить-то. Ты подходишь, в картовинку втыкаешь палочку такую, я в свою такую, она – в свою такую. Маненько она погреецца, повар вынут: ”Эй! Чья?” – ”Моя!” – ”Чья?” – ”Моя!”. Вот так и жили.

Корова – работница

Мы работали, не покладая рук. А потом время пришло – надо дров заготавливать. Коровёнки все же были. Их держат не для возки, а чтоб молочка давали. А мы в поле-то ходим, из поля идём за коровой. Поедем в ночь в лес. Там наберем какого-нибудь хворосту, заработам. Заработам. А не то, что поеду в лес и накладу. Я за няво месяц работала, за этот хворост. Ходила в лес, ращицала. И этот хворост клала кучкой. И вот за ним ездила на корове-то. Утром приеду оттоле, с лесу-то. Её [корову] беру за собой, пускаю в стадо. А сама иду в поле голодная.

Ну а потом маненечко стало полегче. Стали печь по бригадам. По столь нам стали давать. А то муки похлебальной ложечку. Пшеница там или чаво-то.

«Есть-то хотим»...

Никакой боязни не было. Дело доходило вот до чаво. Однажды я пошла в поле. Пошла, можно сказать, так себе, пришла – никакво. Пришла, и дома – никакво. Я полазила: тут – нет, там – нет. Я зашла в чуланчик тёмный, там маненько мучки лежало. Я – цоп кружку, почерпнула холодной воды, горстку пустила в эту кружку, разболтала. И пока нет родителей или семейных,

ее выхлебала, и я успокоилась. Какая это еда. Если мы сейчас скотине гуще даём?

А на сенокос-то пойду косить, оне [другие колхозницы] еще в селе (оне ещё все-таки в годах), а я перед ними-то чо! А они меня передом пускали: "Айда, ты лютая. Мы за тобой". Веяли руками, молотили. Веяли – вот лопату брали, лопаты такие деревянные. Там навалят ворох навоза. Мы начинам веять. Вот на лопату поддеваем, на ветер кинем. Там две, три, все. Одна сметет с вороху-то. А есть-то хотим. Разожгём маленький костёр, жалеечку возьмем, да нацепим на неё пшенички иль чаво там. Да над этим огнём-то накалим. И вот калёнку едим. Но это всё война ведь.

Умирали от голода

Опухали. У меня от травы-те осталось пятно, как щас помню. Оно было большое. А я всё: "Отчаво это у нас?" – "От травы". – Оно и щас у меня от травы. Вот эти самые козлецы, наверное, выходили. А люди мёрли как! У нас вот тут через три-четыре двора у одной женщины умерли. Они пошли по огородам искать мёрзлую картошку, где осталась. Ну и наелись того крахмалу. Ну, их раздуло, лопнули и умерли.

Лошадь сдохнет – варили и ели. Корову ели. Была у нас старая девка. Пошли мы в поле. Она пошла ни с чем, и раньше – ни с чем. Так себе тянули. Пошла в поле и упала около крутого оврага. И не встала. Вот эдак настигнет темная ночь. Её нет! Батюшки! Все нет и нет. Ну, и мы собрались. Три нас глупеньких, 10–12 годов. И вот тут взяли старушку. Взяли тачку двухколёсную. И поехали за ней. "Айда, привезем. Живу ли, мертва – привезём". Ну и пошли. Ночь темная. Едем, едем. А знам, где она? Вроде тут? – Нет. Тут? – Нет. Ну и нашли. – Вот она где! Никто не подходит. Все бояцца. Ну, бойся – не бойся, приехали за человеком. Ну, я думала, думала – подошла. Подошла: "Анют, Анют!" А она выговорить-то не может. Живая. Слава Богу! Живая! Все бояцца подойти. Положили её все-таки на тачку, привезли домой. Ну что мы её привезли? Её надо отхаивать. Хотя бы молочка полстаканчика дать, и человек бы оживел. Мы её привезли, положили к снохе. Ну, она с тем пошла до утра. А утром-то покончилась, с голоду.

Лопухи ели. Берём железны лопаты, вырвем яво – корень съедим. Ни одного горького лопуха не оставляли.

«Лиходей пришёл»

Вот мы сошлись с мужем, и ни на нём, ни в нём. Ни на мне, ни во мне. А к нам пришёл такой лиходей налоги драть. У нас ничаво нету: ни сусеков, ни ларей, ни на столе, ни в столе. Вот чем хошь, тем и плати. У мужа были

штаны единственные, и он их взял. Он яво просит: "Ты погоди. Я добыюсь на днях. Продадим там ленчика [льна] или чаво, я тебе принесу. Ну что же, я буду ходить нагишом?" Отдал, слава Богу. Вот и налог. Или разведём несчастную козлёнку – отымали. Отымали. Налогу-то не было, нечем платить.

Собирали свои же кандаратски. Никто не отказывался собирать. Повыше, побогаче – начальник. Ну, чаво они добились? Они сами не больно роскошничали. Они только руками да языками выходили. Грабили по ночам, выгоняли из изб. Вытаскивали последнюю подушчонку из-под человека.

Иль козлёнка нам кто-то дал. И вот, как сейчас помню. И мы яво растили в семье. И вот пришли. У нас взять нечаво, вот яво и цопнули, козлёнка-то. И вот мы в истошный голос: у нас вся потеха-то этот козлёнок. Забава-то. И сейчас так: если я побогаче, я тебя должен умять так, чтоб ты не вылезла.

*Орлова Нина Николаевна, 1914 г.р., с. Большая Кандарать,
зап. 14.07.1989.*

Милостыня

Всю жизнь прожила я на переживаниях. Куска хлеба не ела до сыта. Я жизнь и протрадала. До сих пор всё страдаю. Вот я ходила собирать по своему Заврагу [название улицы]. Бывало подойду, век мне не забыть, под окошко: "Милостыню, Христа ради". Только я прошу милостыньку, а она мне: "Иди отсюда!". Я постояла, постояла и опять прошу. А она мне: "Иди от окошка-то к чёрту!" Я заплакала, да бежать. Я бегу, а меня старушка встречат: "Миленька, миленька, ты чо плачешь? Иди, милая, сюда, я тебе кусочек дам". Я к ней подошла, она мне кусочек отрезала. Домой-то прихожу и говорю маме: "Не пойду боле собирать-то, не пойду". Вот так и собирала и кормила.

Я, может быть, не знала, как войну объявили, у меня мужиков-то не было. Я жила без мужика. Это ведь те напугались, у кого мужики, как объявили, а я уж не помню. Все в полях были, а я не в полях была, я была дояркой в колхозе. Слезы только были. Провожали – плакали только. Тут плачут, тут плачут. Я осталась с двумя да мать старая. Я осталась сама чотвёртая. Я доила коров. Они [дети] придут, я их там напою молоком. Вот так и жили, как придётся. Мы не жили, а переживали.

Угрозы налоговосборщика

А как налоги-те собирали! Приходит [налоговосборщик], отобрал пододеяльник. Он последнее стащил с матери, со старухи-те!

Вот они приходят собирать налог, тут всё попрятали. Подходят ко двору: "Налог платить будешь?" Я говорю: "Буду". – "Давай! Я тебе говорю: Давай!" А я ему: "Ты не прыгай надо мной!" А тогда 100 рублей брали. Он: "Это на сто рублей-то не будет? На сто-то рублей?" – "У меня вот их, я сама четвёрта. Почему ты меня не спросил, как ты их кормишь?". Он прыгал, прыгал надо мной [=куражился], вышли ко двору: "Давай свяжем ей руки назад и боталу привяжем, и будет стукать, и поведём её". А люди-то будут спрашивать: "За что ведёте?". А мы будем говорить: "Налог не платит". Ей будет стыдно. Я говорю: "От кого? Чем мы будем платить? С голоду умираю". "Всё-таки надо кой-кого собрать, кто не плотит" – говорят. "Я, – мол, – все не плотят".

Батюшки, только, бывало, гляди – у неё [у соседки] тоже было четверо. Все опухли.

«Не померли, а думали – не доживём»

Вот так мы жили. Нам бы только сейчас жить. Да вот здоровья-то нет, и года уж не те. Ели ведь одну траву или корень. Яво отварим или пожарим. И крапивой питались. Картошку ходили по полям сбирали, картошку гнилую. Выжили вот. Не померли. А думали не доживём.

Вот и день Победы – не то слёзы, не то радость. Нам была радость. А которым пришла похоронка – какая радость...

«Новое» платье

У меня ничаво не было. Я сестре пишу: "Зина, пришли мне чаво-ни-будь". Она мне и прислала бязь чёрную, как пружина. И я сшила из неё платье. А эдакая жара стояла. Мне бы яво выстирать, а мне надевать-то нечаво. Я взяла и это платишко перевернула передом назад. Идём, смеёмся: "Вот я и надела смену". Тогда было и горе, и смешно.

Пронина Катерина Сергеевна, 1915 г.р., с. Большая Кандарать, зап. 13.07.1989.

Похоронку прислали, а он – живой

Про Победу узнали – кто плакал, кто смеялся, кто радовался. Вот и пришли домой. А тут одна – ей тоже прислали похоронку, что убили, а хват, он живой пришёл. А пришла бумага: в такой-то деревне похоронили яво, всё написано. Она, было, за другого просватацца. Пришла мать родная, да говорит: "Эх, бесстыдница бессовестная!". На меня показывает: "Вон, её сватали, да она не больно пошла, а ты что?". А хват – он, прошло два ли, три ли месяца, он и пришёл.

Голод

Голод был. Некоторые помирали с голоду. Вон лопухи-то стоят, репейники – корни копали и суп варили. Жарили и ели. Листки вон горьки, столбунцы. Листки от лопухов. У нас вот тятя, моей матери отец, пришёл опухший весь! А здоровый был. Я: "Тятя, ты что какой? Пчёлы штоль тебя искушали?" А он: "Да что за пчёлы, доченька!" У няво у второй-то дочери четверо детей было. Самим есть нечаво. Листки ели. Ну, я им говорю: "Сходите за молоком". У меня корова была. И 30 фунтов ему муки взвесила. Он говорит: "У меня никакой силы нет". Ну, я говорю: "Я донесу тебе". Ей пироги понесла. У няво уж вторая жена-то была.

И большие умирали, и малые умирали, да разве ж мало умирали? Вот Рогожина Анюта. Мы ходили пшеницу полоть, туды, к лугам. Она вся отякла, на водовозке её привезли. Она мешок принесла, говорит: "Мне надо листов набрать столбунечных, чтобы варить". А я ей говорю:

"Да чаво! Ты уж умираешь! Где тебе собирать-то?" А я одна жила, у меня хлеб был, и корова была. 12 горшков доила по два литра. Ей молоко отдала я банку литрову, лепёшку пресну большую отдала. Ну, это что уж, спасу я её что ли? Она ночью и помярла. Приходит мальчишечка их к нам и говорит: "Тётя Катя, у нас нянька-то померла". Я: "Когда?" – "Вечером-то, – говорит, – ты нарвала ей столбунцов, мы их наварили – она уж их не ела. А мы-то ели". У них семья большая была. А ночью-то в 12 часов померла. "Не дашь ли нам чаво коронить-то?" Я им дала. В узел навязала муки килограмма два, ведро вынула картошки. "На, это тебе на похороны". "Ба, да это бы хорошо, а то, к кому ни зайдёшь, никто не даёт ничаво". – "Не дают, поэтому нет ни у каво". А я одна жила. Здесь и родилась.

«Погнали нас на бойню»

Мужиков на войну много забрали. Человек 400. Мало вернулось. В каждом доме убило по одному, у кого – по двое. А у которых – по трое! И дети поспели, и сам отец поспел. Забирали по 5 по 10 человек. Как год подходит. Скажем, как подходит 23-ий год, так с этого года всех и забирали. Потом идёт 24-ый год – всех бьют. Нынче одного, завтра – другого. Некоторых прям из дому брали. Провожали – и прямо в Карсун. Вечером ему бумаги приносят из сельсовета, и они едут. Дают лошадей, и они едут в Карсун. Повестки давали и оттуда отправляли.

Муж в первом году войны погиб. Пришла похоронка на сельсовет. Я подавала иски. Если дети есть, платили пенсию. "Пошли в бой, из боя не вернулись". А их взяли ещё вперёд войны. На подготовку их взяли, в Инзу, на подготовку. Он прислал мне письмо, погнали их когда на фронт: "Я, Катерина,

живой, погнали нас на бойню. Буду жив, я тебе сразу отвечу. А живого не будет – письма не жди”. И больше никакого письма. А из сельсовета я послала иски по этому письму. Пришло нам оттоль, что, кто в бой пошёл никто не вернулся из этой части. Можете получать, если дети есть, пенсию. Мне ничаво не дали.

Отбирали всё кряду...

А налоги собирали большие. И масло платили, и шерсть платили, и яйца платили, в общем, всё платили. 8 килограмм масла платили, 400 яиц платили за сезон, за лето – 5 килограмм шерсти. А налог – по 270 рублей, и по 300 платили. Нас обманывали или не обманывали – кто знат. Налоги из Совета собирали. А тут у нас Борисиха вот, женщина, жила, а у ней бабушка жила стара. Наверно, 80 лет ей было, все её звали Ульяша. Я побегла. У ней лошадь стоит. У ней бярут самовар за налог. Я у ней пшаницу схватила полтора пуда – и айда с ней домой. Принясла её домой, положила в кадушку, покрыла плитой. А пришла ко мне Борисиха и говорит: ”Ты чаво понесла от неё?” Я говорю: ”Ничаво не понесла”. А потом уж эту пшаницу ей отдала. А она мне за это с робятами сидела, вышла потом замуж, были дети.

Отбирали, всё к ряду отбирали! Пшано, у кого чаво есть.

*Рузанова Анастасия Васильевна, 1927 г.р.,
с. Большая Кандарать,
зап. 10.07.1989.*

До войны

Хорошево-то ничаво не было. Отец у нас болел всё время. А нас у матери было четверо. А года были тяжёлые. В кохозе мы работали за палочку. А на палочку нам давали 100 грамм хлеба. И чаво мы получим? А налоги какие были: с нас возьмут бездетный, за землю... Мы, что намолотим с усадьбы, на усадьбу и перекинем. И просо, и картошку. Картошку платили государству, молоко платили, яйца платили, мясо платили. Хлеб 10 пудов намолотим, продадим и отдаём за налог, и то ещё не хватало. И вот думаю: ”Батюшки! А эти-то идут!” А у нас платить-то нечем. Нам что оставалось? – Ничаво. В колхозе ничаво не давали, с усадьбы намолотим – отдадим налог.

В школу подойдёт время осенью: ”Мам, а я в чом обувшись-то пойду? Мне обувать-то ничаво в школу”.

Как-нибудь, то в ступнях, то в лаптях я 6 классов проучилась. Вот такое было детство. В 7-то лет пошла на ферму работать. И чаво я заработала? 40 рублей. Лучше бы мне их не давали. Мама работала, как ишак в этом кол-

хозе. Померла она на 52 году. Нас жалела. Тоже есть-то нечаво, она пойдёт по колхозным токам, то колосья собирала, где чаво-нибудь принесёт, чтобы нас прокормить.

Первый день войны

Этот день я не помню. Помню: в поле была уборка, возили хлеб на станцию. Сейчас ведь на машинах возят, а тогда возили на лошадях. У меня старший брат ездил, который с войны не вернулся. И ему – раз – повестка, а на другой-то день яво проводили. Он ещё в армии не служил. Проводили яво. Провожали всей семьёй. Мама ездила до Вешкаймы. А потом они были в Куйбышеве. И она к ням собралась ехать. Поехали оне. Оне хотели проехать пароходом. А враг-то – там. Сидим, сидим без парохода... И она вернулась. А в январе – голову положил...

Трава есть трава...

У нас [в семье] никто не пришёл с войны. Вот один мой двоюродный брат и там ещё один. Он, брат, пришёл искалеченный, глаза нет, рот набок. Вот пойдём, бывало, в лес с нём. Нам мама отрежет по кусочку хлеба сурогатного и по две катофелины, печеной ли, варёной, – за пазуху. Мы идём голодные. Мы только-то из дому выходим, достаём картошку, расколупам и – съели. А день-то лазим вот по сих пор по снегу, с орешника барашки рвём. Принесём эти барашки, в печи насушим, натолкём. Это мы ещё пекли, вроде муки такой хорошей добавляли, пекли ещё хлеб. Яво ещё мало – мальски можно есть. А вот липовы листки, как вспомнишь... Сейчас мы, наверно, померли бы. Потому что всё уж никудышное... Никак их не проглотить. А мы ели тогда. Сушили, толкли. Трава есть трава.

Столбунец насушим, в печку покладём, они распаряцца, разопреют...

Вот как мы жили. Вот какие годы были. Хорошаво ничаво не видали. Пошли мы в Белозерье [на работу]. Я надела лапти. Думаю, ночевать пустят на квартиру? Пустили. А с нами девчонки молоденьки, робятёшки. Утром стали обуватца, а мои-то лапти спрятали. Я говорю: ”Дайте, я до каких пор прообуваюсь?” Всё ж отдали. Вот как жили...

Письма с фронта

Письма с фронта ждали. Ждали, ждали... И вот он [брат] прислал одно письмо. Пишет: ”Иду на фронт. Или грудь в крестах, или голова в кустах”. Яво уж не дождались. Он нам слал, всё время слал. А это вот последнее прислал, собирался на фронт.

Похоронку получили. А это вот последнее прислал, это было в (19)43 году. Похоронку получили, ещё мама была. Мы посылали письмо в часть. Нам ответили то же самое. Написали: "Погиб в Орловской области". Я забыла, какое село. На могиле там не была. Не пришлось.

Тяжёлая была жизнь во время войны.

Казню была наша жизнь

Остались мы: мама и трое нас. Брат погиб, а отца схоронили. Работа в колхозе была тяжёлая. Страдали. Тогда все люди страдали. Я пошла работать на ферму. Брата проводили в армию, он пошёл на фронт. 23 января погиб. Нам прислали вот весной похоронную.

А я вот не помню, в каком году я пошла – поехала рыть окопы в Никулино. Вот сколь я там прожила, не знаю. Ни штанов, ни носков, ладно сапоги были. А надень сапоги – иди в лес, там рыть, сучки таскать. Сапоги-те мокры, ноги-то леденеют в сырых сапогах-то. Придётся, а сушить где? Нас много там, вещи не положишь. Сколь я проработала? Наверное, с полмесяца. Приехала меня сестра сменять. Она сменила, мы поехали с одним стариком домой. А я села на лошадь, пешком-то не дойдёшь. А на лошадь сядешь – ноги-те мёрзнут. Казню была наша жизнь.

А работали? Возить тогда сено на машинах не возили, так таскали на себе и на носилках. А мне было 14 только лет. Вот я сейчас своим говорю: "Мы вон как работали, а вы – молоденькие, всё ещё не хотите". А чаво нам давали? Ничаво. Трудодень записывали – 100 грамм хлеба в день и больше ничаво – как хочешь так и живи. Весна подходит – мы в ступнях [лапти без задников]. В одних ступнях на всю семью, на четверо ног. Плели из льна.

Работали на ферме. Вот так мы и работали. Таскали воду, корм таскали вязанками, таскали в три ведра на коромысле воду, навоз чистили и от двора отвозили. И ничаво не получали. Чаво хошь – то и ешь. А на работу иди. Потом 10 лет я работала на овчарнике, и вот у меня руки-то и отказали. А ведь две ночи там дежурю – воду таскаю, а на третью ночь долго сижу. На эту ляжешь – больно, на ту руку – ту сведёт. Делаюцца, как колотун. И я бросила. Вон нашла полегче – в клубе работать. 12 лет в клубе работала.

Голод

У нас корова была. Траву ели и липовые листки, столбунешные листки и крапиву. Крапиву вот сварить, как щи, молоком-то забелишь... А липовые листки-те натолкам в печку, они высохнут, мы их в ступе натолкём, этих лепешек налёпам. А работали, на сенокос-то поедём, молока-то не было. Отекали. Ноги-то потрескаюцца, полопаюцца, вот как страдали.

У нас вот в другом Завраге [название улицы] Макаровы жили. У них сразу померли трое. Они вот чистили картошку-то и в сени на мороз кожурки эти выбрасывали. И вот, говорят, они вроде этими кожурками... Ну, нет, это они просто от голода померли. Маленький мальчишка помер, мать и ещё дочь. Но в семье живы ещё остались. Бывало, что и девчонки хоронили. Не дай Бог, как мы страдали.

«Налоги собирали – шкуру драли»

У нас вот сколь, налог-то какой... Пришёл один-то. А мы квитанцию не поглядели. И вот мы отдали всё, а он нам записал половинку. Через некоторое время к нам приходит опять. Один и тот же. А мы считаем, что у нас налог заплаченный, а он у нас только половину заплачен. А мы где возьмём? Где мы возьмём? Нам брать-то негде. Мы последний кусок относили на базар и продавали – отдавали на налог. В колхозе не давали, а где нам брать? Как налог платить? А платили за бездетность сколько, а займ, – отдавали решительно всё. Мы запирались, прятались. А хлеб-то, как перед Богом, сундук пшеницы на подложку затаскивали. И мы прятали.

Заперлись. Они во двор зашли, вокруг двора кружацца. Сейчас вот расшибут замок и зайдут. Вот какие трудности мы переносили.

Не наши только, и карсунские [налоговосборщики] ходили.

Сабурова Анна Алексеевна, 1914 г.р. с. Большая Кандарать, зап. 10.07.1989.

«В день Победы упала в обморок...»

9 мая я стояла в наряде. Командир взвода приходит, говорит мне: "Сабурова!" Я говорю: "Я Сабурова!". "Кричи: "Ура!" И я говорю: "Товарищ командир, за что кричать ура?!" Он говорит: "Война кончилась!" А я вместо того схватилась вот так вот за голову да кричу: "Карау-у-ул!" – И в обморок. Старший [брат] – с двенадцатого года – нет ничаво. От Петра – нет ничаво. От Николая – нет ничаво. От Сабурова – нет ничаво. Думаю – всё, все погибли.

Он сейчас майор – Николай-то. И у няво до сих пор под чашечкой осколок. Ему надо ногу оперировать, а у няво – желудок весь болит.

9 мая я в наряде стояла, как сейчас стою. Вся рота поднялась, думали, я с ума сошла. Я кричала очень с испугу, от радости. Я не помню уже ничаво...

с. Усть-Урень

***Постылова Лидия Васильевна, 1932 г.р., с. Усть-Урень,
зап. 14.07.1995.***

Дезертиры

Во время Великой Отечественной войны жилось в деревне очень и очень трудно. Но все старались как-то работали. Были и дезертиры у нас в деревне, то есть те, кто не хотел воевать против немцев, боялся погибнуть, те, кто тряслись за свою шкуру. У нас таких было трое. И всё равно, хоть и хотели сберечься, а кончили свою жизнь все трое очень плохо.

Один, Иван Ильин, как яво проводили на фронт, через неделю уже знали, что он не пошёл воевать. Хотя и прятался, а видели яво и считали яво все дезертиром. Днём отсиживался в лесу, а ночью приходил домой – есть-то хотел. А потом ушёл так же в лес, и не пришёл больше. Всей деревней мы яво осуждали, никто слезиночку по нему не пролил, ну, кроме жены, наверно. В то время волков в лесах было много. Вот и загрызли яво, скорее всяво.

Второй, у Нади Бердниковой – Петя тоже скрывался. У няво даже как лачуга своя в лесу была. Мы тоже знали всё же о нём. Так яво убили. Узнали каким-то образом о нём в милиции, приехали, а он дома был. Увидел их, и они – яво, и залез на подловку, они за нём. И их главный взял и выстрелил из ружья, просто для устрашения. И попал в няво. Он тут же и умер. Вот, видно, правду говорят, Бог шельму метит.

А третьяво поймали. Он из дома за речку побежал. Яво догнали. Это был Слесарев (Гатьша, так звали). Догнали и забрали. И больше яво никто никогда не видел. Он не вернулся: судили, наверно, военным трибуналом.

Вот хоть и стыдная история для села, а правда, что ж теперь, не выкинешь, раз было это.

с. Краснополка

***Разжкина Екатерина Семёновна, 1925 г.р., с. Краснополка,
зап. 07.07.1989.***

Работа на тракторе

Всех мужиков забрали на фронт. Осталось, наверно, всяво человек пять в селе, а в поле работать кому-то надо было. Я работала на тракторе, но всё почти приходилось делать вручную. Вот не подцепишь плуг, отъедешь,

а назад трактор не идёт. Приходилось яво вручную подтаскивать к трактору. Ремонт тракторов тоже приходилось занимацца самим. В общем, было очень, очень тяжело. Выполняли работу любую: хоть женскую, хоть мужскую. А в дождь сколько приходилось осенью пахать. Ведь трактора-то были без крыш, не такие, как сейчас. Домой-то с поля придёшь, еле отогрешься. Никому не пожелаала бы того, что мы, наше поколение пережили.

Старомайнский район с. Матвеевка

***Варфоломеева Екатерина Петровна, 1914 г.р., с. Матвеевка,
зап. 13.07. 1988.***

Умерла от требования заплатить налоги

Одна женщина у нас тут была, пять детей у неё было. Вызвали её в сельсовет и велели за налоги нести деньги или то, что есть. А она как услышала, так вот кофту на груди разорвала, и упала и умерла.

с. Кокрять

***Дурашова Анастасия Ивановна, 1918 г.р., с. Кокрять,
зап. 09.07.1988.***

Убит на Финской войне

Настал день – суббота. Николай, муж мой, собирался на базар, копейку добицца. А тут среди ночи нас подняли – в сельсовет зовут зачем-то. А он сапоги стал одевать (на базар ехать) – мол, обойдуща без няво, не знал ничаво. А потом всё-таки забрали в феврале. А в марте извещение прислали – убитый. А тут и Финская война быстро кончилась. Недолго была, а народу тьма погибло.

А Отечественная война началась как? Объявили и забрали некоторых, по годам забирали. Не кричали, а зёвали: "Война!!!"

Оповестили – и в Майну. А там дальше отправляли без разъяснений.

«Обложение»

В войну налоги собирали. Денежек не было, продуктами платили. Всё ведь платили: отдай картошку, молоко, масло, яйца (есть у тебя курица или

нет) – отдай. Вся жизнь была с налогами. А как война кончилась, так и обложение кончилось...

Работа

В войну в колхозе работали. Всяка была работа: и мужская, и женская. Я и на комбайне работала, и пасла. А зарплаты не было. И дома тоже не останься: не спросят, не скостят. И единицы тебе не платили, и сдирали с тебя.

Голод

Настал мне один день: есть нечаво, но на другой день дали овсяной мучки. Ой, прожила.

Так голод, он одинаковый был. Но правда, у нас корова была. Соберёшь на поле летошнюю гнилую картошку, сварить в молоке... Ели и не умерли.

Как я попала в тюрьму

После войны хорошо-то долго не было. Уж больно голодно было. Так вот украла я 2 килограмма ржи, и мне два года сидки дали.

А дело-то как было. Я хворала и лежала. А женщина одна повезла рожь сеять. Предложила мне: "Насть, я брошу туда зерно, разделим потом!". Ну, я и согласилась: жить-то всем охота. А кто-то увидел, сообщил. А пришли, хоть бы корочку нашли. Ну и посадили меня, а ребёнка в детский дом грозились отдать. Но он с золовкой остался. Отсидела я семь месяцев, а там помилование вышло. А посидеть-то я посидела, вшей покормила. Ой, вшей было! Народу много было. Ох, работали, как волы.

***Карасёва Анна Ивановна, 1912 г.р., с. Кокрять,
зап. 09.07.1988.***

Без вести пропал

Под Смоленском бой сильный был. Там он [муж] и погиб. Пришло: "Без вести пропал". А потом приехали друзья и рассказали: "В три дня нас окружили". Они-то вышли из окружения. А мой-то молодой был. Всяво их было трое. Один, постарше, говорит: "Пойдём туда". А мой с другом в другую сторону пошёл. Так без вести и пропали. Битва-то, как каша. В каше их там и постреляли. Конечно, молодые, неопытные, а он-то [выживший] – постарше, с головой. Выбрался он, а мой погиб.

***Шопина Мария Григорьевна, 1917 г.р., с. Кокрять,
зап. 09.07.1988***

О займе

Как у нас бывало с облигациями: вызовут в сельсовет, на ночь там запрут, чтобы подписали. Придётся домой – и к маме: "Мама! Чем платить-то?". Поплачешь, а делать нечаво. Надо. Пойдёшь, масло продашь, запла-тишь. Вспомнить об этом – плачу, как мучили.

с. Жедяевка

***Кокорина Анна Александровна, 1905 г.р., с. Жедяевка,
зап. 08.07.1988.***

Окопы

Мы окопы рыли. Тяжело было, мучились, голодали, бежали оттуда. А окопы-то и не надо было рыть, нам сказали, что это вредительство. Я одна была с ребёнком на руках. Муж на войне погиб. Да, мучились. Бывало, зимой на быке за кормом поедешь, а омет занесен снегом. Руки обмораживали.

Новоспасский район *с. Репьевка*

***Журкина Мария Михайловна, 1904 г.р., с. Репьевка,
зап. 06.07.1985.***

Барщина

Зовут меня Мария Михайловна, а фамилия Журкина. Родилась в 1904 году на барском дворе. Это в Верхней Мазе. Отец у барина в кучерах ходил и плотником тоже был. Но больше – кучером. Возил хозяина туда-сюда. Мать была просто рабочей. Работали много, а платили мало, плохо жили. На мальчишку давали 4 сажени [земли], а нас у матери почти все девчонки были, а я старшая. За работу барин взрослым платил 50 копеек, а нам, робя-тишкам – 25 копеек. Вот и живи. Я ходила к барину на барщину один день, а больше не пошла. Девчонки уговаривали: "Пойдём, пойдём!" "А я вот больше и не пойду". Так и отстали. Барин-то сразу за работу ращитывал.

Кантора у няво тут же была. Всё считали – перещитывали, и деньги тебе в руки давали. За работу барин не был должен. Он чистый был. Да только куда мы без земли да с 25 копейками пойдёшь? Хошь – барин землю продаст, да ты только не купишь.

Получили землю

В семнадцатом году, когда переворот-то был, дали нам 50 соток земли, да ведь это полгектара! Глазом такую махину не окинешь. Батюшки! Мы-то обрадовались. А в 21-м году отец умер. Осталась мать с нами семерыми одна. Работу всю между собой распределяли. А я – на правах старшей. И погулять-то некогда. Бывалыча, в девках до зари пробегашь, придёшь домой, а отец спать не даёт – поедет с ним на поле коноплю убирать. Дорогою и спала, а там спать нельзя, работать нады. А вот как землю получили, обрадовались. А как её обрабатывать? На чем? Ни быка, ни лошади. Я сказала соседке: «Давай, корову запряжём». Вот на коровах и пахали. А как же? И пахать, и боронить – всё умели.

Потом замуж вышла, в доме свекрови жила. Две снохи нас было, так и жили все вместе.

А до революции, до переворота, если жить негде было, то землянки рыли, там и жили в них. А в девчонках была, полгода в школу ходила, а больше некогда было.

Заставили учиться

В 30-х годах организовали коммуну, ликбез. Заставили учицца. А потом и сама грамоте обучала. Пошла работать на ферму. Хорошо работала. Вот вы сейчас знате, сколь молока даёт каждая корова? Не знате. Всё сейчас сливают в один бак, а мы записывали каждую дойку у каждой коровы. И послали меня опять учицца в Катериновку, в техникум. А мне стыдно: 30 лет, и всё учицца. А там девчонки после семилетки. Бывало, хожу по берегу Волги и думаю: ”Прыгнуть бы!”.

А девчонки мне говорят: ”Ты учи нас, как жирность молока определять, а мы тебе в математике поможем”. Так дело и пошло. Кончила техникум, документ получила, в свой колхоз опять приехала. А в (19)38 году выбирают меня в депутаты Верховного совета СССР. Опять нужно учицца. Я уже не отказывалась. Захотелось учицца. Поехала в Ульяновск. 3 года училась.

Война

Война началась. Всеобщая мобилизация и людей, и коней. Набрала девчонок молоденьких и работала с ними. Измучалась. Всех труднее работать с цыплятами и телятами, а мы вот и работали с ними.

Депутат

Через 4 года меня опять в депутаты выбрали. Трудно было. День работала, вечером училась, а ночью на письма отвечала. Да ещё ребёнок маленький. У меня было 4 района. Из четырех районов мне рабочие писали. До 30-ти писем в сутки получала. Потом помогли мне, машинку печатную дали.

В Москву ездила. А как же? На Съезд. Со Сталиным разговаривала. Спрашивал о нашем районе, колхозе. Фотографировалась с ним. И с Молотовым разговаривала. Такие же люди, как и мы. До пенсии так и работала в колхозе на ферме. А восемь лет назад сюда приехали.

Так и живём.

*Сорокина Мария Семёновна, 1917 г.р., с. Репьёвка,
зан. 10.07.1985.*

Революция

Мы жили очень тяжело. Мама с нами осталась одна в 28 лет. Ей было 28 лет, а у неё уже было семеро детей. Жили мы на железной дороге, на будке мама работала [стрелочницей]. Земли у нас не было. Отец помер до революции. Вскоре началась революция. У моей мамы было две коровы, это на семь детей. Мама работала – переезд закрывала. Когда белые шли, маме велели убираться. Она коров заперла в конюшне, взяла нас и поехала. Да как поехала? Пошла, ехать было не на чем. С нами и подалась. А братья навстречу: ”Куда ты, Оленька, скотину дела?” Она им говорит: ”В конюшне заперла. Воды натащила им”. А сундук мама в яме зарыла. А уж когда домой-то вернулась – ничаво не было. Одни коровы, а именья – ничаво. Даже деревянного корыта нет. Всё растащили. Мамин отец, мой дедушка, Иван Васильевич, он близко знаком был с Лениным отцом [=отцом Ленина]. Он жил у них. Он был хороший портной. Когда мама осталась с нами одна, до революции он ещё мальчишкой был, а уж революцию делал, везде разъезжал. И прислал маме моему письму. А она читать-то не могла. Письмо читал рабочий. Прочитал и сказал ей: ”Ничаво здесь нет. Ну, Зачем тебе, Оленька, письмо-то?”. И прикарманил яво. А через мало времени уехал. И незнамо куда. Когда мама ушла с будки, нам тяжело было. Работать мы на людей стали. А у меня руки ещё косырь не держат. Слабеньки. Ладно дед помогал. Он сюртуки шил. И Ленину-отцу шил. Хорошо шил, уважали яво. Кителы вот эти шил.

Окопы

И в эту войну [Отечественную] тяжело жили. Три месяца на окопах была. Была за командира, боевая была, голос громкий. Как выходим на работу, я их

ставлю в строй. 60 человек у меня, целый полк. Выходим, а нас заставляли песни петь. Которы плачут, не хотят петь, а я, всё по боку, иду, песни запеваю.

А потом на другую зиму нас в Подмоскovie угнали. Землянки отрывали. Их снегом занесло, по лесам ходили. Одну землянку отрыли, а там – мужчина с бородой, мёртвый.

Всё время на лошадях работала на лобогрейке. И ножи точила к жнейкам. Люди отдыхают в обед, а мне – работа.

Да, тяжелая жизнь у нас была, трудно жили.

Радищевский район с. Волчанка

Бультина Мария Григорьевна, 1936 г.р., с. Волчанка,
зап. 09.07.1986.

Частушка

Победа меня застала дома. Весна была. Я садила у дома берёзки и тогда же сочинила частушку:

*Я на память посадила
Семь берёзок у окна.
Это память того года,
Когда кончилась война.*

Пьянзина Вера Петровна, 1924 г.р., с. Волчанка,
зап. 09.07.1986.

Награда

Сразу же нас в Радищево угнали окопы копать. Ну как окопы были? Рыли и рыли. Сгоняли нас. Там и кухни делали. И лес возили. Ты что, на окопах. Всю зиму на окопах! Я и премию получила: чулки. Правда чулки хороши.

◊ Ну, ведь всю войну прошла, а им медали, а нам ничего. А чо медаль? И дошла я, и премию получила. Чай, тогда ж дураки были, глупы. И мне дали грамоту. А нам тряпку дай. А мать-то говорит: грамота-то лучше. На стенку повесила, дети все порвали.

◊ Всё претерпели. Вот обидно, обидно, я и говорю. День колхозника, нам обратно медали не давали. Мы с Настей (подруга – соб.) Плачем и всё.

с. Нижняя Маза

Королёва Софья Петровна, 1923 г.р., с. Нижняя Маза,
зап. 11.07.1986.

Игра кончилась

Я в то время в Радищеве работала. А нас уже заранее на всякий случай готовили к военному делу. Но мы не догадывались. В то воскресенье у нас ученья в поле проходили. Нас человек 20–25 было. Мы «шли в наступление», в руках палки были, учебные автоматы. Тот учебный бой наша группа выиграла. Обратно возвращались довольные, а в селе – зёв, крик, плач. Что такое? В чём дело? – Война! (плачет). Не дай бог вам это увидеть!

Наутро первых забрали, посадили в машины и поехали. А жёны и дети бегут за ними, плачут...

Так вот и началось!

с. Соловчиха

Новикова Мария Ивановна, 1923 г.р., с. Соловчиха,
зап. 10.07.1986.

Бандеровцы

Случилось это в Закарпатье. Посты ВНОС (воздушного наблюдения и освещения связи) находились на расстоянии 10–15 километров. Там 7 девчонок. Ну, что мы сделаем? Нам всяво по 19 лет, молодые ещё. А тут бандеровцы напали. Охальничали, пытали, а потом убили 6 постов, 36 девчонок. Связь прервали, всё уничтожили. Надолго у нас это осталось в памяти.

с. Ореховка

Прорешкина Анна Васильевна, 1921 г.р., с. Ореховка,
зап. 11.07.1986.

В войну

В войну здесь жили [в Ореховке], в тылу работали. Даже награды есть. Работали, картошку сеяли сохой. На себе пахали. Запряжёмся и тянем её. Нечо было есть, мякину ели.

Муж на фронте. Работала всю войну телятницей. Всё делали. Песни пели. И плакали, и пели. Молодые были. Соберемся и поём. Кого убили, у кого, чо пришло... "Катюшу пели". Чай, соберёмся, нас много на работе. То старину запоём, то каку – артельно. Всяко было. Писем с фронта всё ждали. Как оттоль ждять-то! Нынче – живой, завтра – нет, раз каждый день похоронки присылали. Двадцать миллионов погибло, что ль? В каждом дому было семь-восемь человек. Пять – это мало. Каждый день – похоронки. Победу уж и день и ночь ждали. Май-то – радость кака. Эта бежит, кричит: "Война кончилась!" Друга: "Победа, победа!"

Замучались. В лес за дровами ездили – на себе, салазки еле тащим. Хлеб возили – государству сдавали. Работали – батюшки! Уму непостижимо, чо было. Привезёшь на элеватор, и мешок навалят на меня – и по трапу. Тяжело было, чаво мы пережили.

*Романова Лидия Алексеевна, 1916 г.р., м.р. Зарайск,
в с. Ореховка прож. с 1950 г.,
зап. 12.07.1986.*

Монастырская стена

Ох, в войну мы столько пережили. В общем, до нас не дошёл немец. Это был город Зарайск. А я уехала в деревню с дедушкой, бабушкой и дочкой. Он, немец, шёл к нам по большаку. А там был монастырь. Сломали яво. А стена-то монастырска осталась. Как увидел немец стену, думал, что это укрепление наше. Вот они повернулись – и обратно. Если бы он не повернулся, то мы у няво бы были. От нас-то рядом, 150 километров. По большаку он шёл бы дальше. Вот этим мы спаслись.

*Муратова Анна Ивановна, 1908 г.р., с. Ореховка,
зап. 15.07.1986.*

Как жили в войну

Мы в поле работали, когда узнали, что война. Плакали. Всё делали своими руками, техники не было. Одного снегу сколько за зиму перекидали. Молотили, снопы возили, жали. Снопы возили на коровах, лошадях, на Калиновку, в Новоспасское. Ездили на быках, средь поля ночевали с быками, голодные они, нейдут.

◇ В бане по месяцу, а то и по два не мылись. Ходили мимо пруда, лапти скинешь – и в воду. Пыль-то немного смоешь, всё снова запачканное

наденешь и идёшь. Бывало. Пшеницу разотрешь и ешь, а бригадир ругается. А муж-то в первые дни войны погиб.

Ничего не жалели для фронта, только бы победить, всё отвозили. Одни бабёшки, дети остались. Одни слёзы были. Маненькие детишки есть просят. Все корни ели, но держались. Крапиву сухую варили, чтобы набить жалудок, да на работу, чтоб не валицца с ног. Случицца у меня картошечка, всем поделишь, без этого нельзя. В Радищево ходили окопы рыть. Мы-то ладно, страдали от работы, зато зверств не видели. У матерей-то, чай, сердечко разрывалось, детей ведь и то не жалели.

Как встретила Победу

В поле были, комбайны отрывали, когда приехал кто-то и кричат: "Победа! Победа!" все заплакали. Кто дожидатца, хоть без руки, хоть без ноги – радуются, у кого погибли – плачут.

ИНФОРМАНТЫ¹⁷

[ААВ] – Ананьев Александр Васильевич, (1926 – 2001), с. Матвеевка, Старомайнский р-он; 15.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ (Фольклорный архив Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова). Ф. 16, оп. 2.6.

[ААМ] – Андрианова Анна Михайловна, (1900 – 1990), с. Потьма, Карсунский р-он; 13.07.1987; Агафонова Г.Ю., Якимова Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ААН] – Агафонов Александр Николаевич, 1914 г.р., с. Ореховка, Радищевский р-он; 11.07.1986; Жаббарова А.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[АСН] – Алексеев С.Н., 1920 г.р., с. Новосёлки, Мелекесский р-он; 09.07.1987; Матлин М.Г., Елесин И.В.; ФА УлГПУ, Ф. 23, оп. 2.6, л. 42, № 37.

[БАС] – Бутяшина Анастасия Семёновна в девичестве – Ильина, 1923 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 13.07.1989; Чередникова М.П., Быкова Л.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[БВД] – Бородин Василий Данилович, (1904 – 1991), с. Потьма, Карсунский р-он; 10.07.1987; Якимова Е.В., Агафонова Г.Ю.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[БЕН] – Бордачёв Егор Никитич, (1922 – 1993), с. Репьёвка, Новоспасский р-он; 08.07.1985; Воробей О.М., Комарова Г.В., Ушакова Т.Н.; ФА УлГПУ, Ф. 10, оп. 2.6.

[БЗП] – Бородина Зинаида Петровна, (1924 – 1994), с. Потьма, Карсунский р-он; 21.07.87; Агафонова Г.Ю., Чередникова М.П.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[БЛА] – Багрова Любовь Андреевна, (1924 – 2007), м.р. с. Барышок, Сурский р-он, в с. Потьма, Карсунский р-он проживает с 1958 г.; 11.07.1989; Чередникова М.П., Шустова Ю.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[БМГ] – Бульгина Мария Григорьевна, 1936 г.р., с. Волчанка, Радищевский р-он; 09.07.1986; Мутина И., Хрипунова Е.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[БМП] – Богданов Михаил Петрович, 1924 г.р., р.п. Языково, Карсунский р-он; 08.07.1985; Мыльников, ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[БМС] – Бородин Михаил Семёнович, 1918 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 12.07.1987; Егорова И., Купчик О.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[БПФ] – Быльнова Прасковья Фёдоровна, (1926 – 1996), с. Большое Станичное, Карсунский р-он; 10.07.1987; Албутова Л.Н., Абрашина Н.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ВЕП] – Варфоломеева Екатерина Петровна, 1914 г.р., с. Матвеевка, Старомайнский р-он; 13.07.1988; Воробьёва Н.А., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ВМИ] – Воронин Михаил Ильич, (1925 – 1996), с. Кокрять, Старомайнский р-он; 09.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ВПН] – Вахромеев Павел Николаевич, 1905 г.р., с. Жедяевка, Старомайнский р-он; 08.07.1988; Калимуллина Р.Р., Лукьянова Н.А., Прохорова В.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ВСИ] – Варфоломеев Сергей Иванович, (1907 – 1991), с. Матвеевка, Старомайнский р-он; 13.07.1988; Воробьёва Н.А., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ГАИ] – Грачёва Анна Ивановна, (1920 – 2003), с. Потьма, Карсунский р-он; 19.07.1987; Егорова И., Купчик О.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ГАС] – Грачёв Алексей Степанович, (1916 – 1992), с. Потьма, Карсунский р-он; 19.07.1987; Егорова И.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ГВГ] – Гукова Валентина Григорьевна, (1922 – 2004), с. Дмитриевка, Радищевский р-он; 10.07.1986; Осокина И., Усачёва Н.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ГИЕ] – Гужалин Иван Егорович, 1910 г.р., с. Ореховка, Радищевский р-он, 12.07.1986; Мутина И., Хрипунова Е.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ГСИ] – Гордеева Сара Игнатьевна, 1912 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 17.07.1987; Агафонова Г.В., Агафонова Г.Ю., Якимова Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ДАИ] – Дурашова Анастасия Ивановна, 1918 г.р., с. Кокрять, Старомайнский р-он; 09.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ДВК] – Дырова Вера Константиновна, 1926 г.р., с. Аристовка, Старомайнский р-он; 16.07.1988; Калимуллина Р.Р., Лукьянова Н.А., Прохорова В.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ДКВ] – Дерябина Кладия Васильевна, 1924 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 10.07.1987; Чередникова М.П., Божедомова О.Г.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЕМА] – Емельянова Мария Александровна, 1919 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 08.07.1989; Якимова Е.В., Исаева Н.Г.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЕМФ] – Емельянов Михаил Федорович, (1921 – 1997), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 09.07.1989; Юдина Н.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

¹⁷Выражаем благодарность работникам Управления записи актов гражданского состояния Ульяновской области Т.Г. Мурдасовой, Н.А. Паничкиной, М.Е. Чибисовой.

[ЕПА] – Елизаров Пётр Александрович, (1919 – 1990), с. Потьма, Карсунский р-он; 16.07.1987; Вансовская Я.Е., Спиридонова Ю.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ЖВС] – Жамолоскова Вера Сергеевна, 1914 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 09.07.1989; Быкова Л.А., Шустова Ю.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЖММ] – Журкина Мария Михайловна, (1904 – 1994), с. Репьевка, Новоспасский р-он; 06.07.1985; Попова Л., Казакова Л.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6; Ф. 5, оп. 2.6.

[ЖНП] – Жарухин Николай Поликарпович, (1908 – 1998), с. Матвеевка, Старомайнский р-он; 12.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ЗАИ] – Зотова Александра Ивановна, (1911 – 1991), с. Потьма, Карсунский р-он; 19.07.1987; Туганова В.И.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЗВИ] – Зотов Василий Иванович, (1910 – 2001), с. Потьма, Карсунский р-он; 19.07.1985; Егорова И., Купчик О.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЗВФ] – Захаров В.Ф., 1906 г.р., с. Хвостиха, Кузоватовский р-он; 11.07.1983; Аكوпова Р.М., Филиппова В.П.; ФА УлГПУ, Ф. 2, оп. 1.

[ЗИЗ] – Зорькин Илларион Захарович, (1919 – 2001), с. Волчанка, Радищевский р-он; 08.07.1986; Жаббарова А., Антонова Е.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6, л. 116, № 243.

[ЗМД] – Замошникова Мария Дмитриевна, 1929 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 17.07.1987; Вансовская Я.Е., Спиридонова Ю.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЗМИ] – Заплаткина Мария Ивановна, (1912 – 2009), с. Потьма, Карсунский р-он; 19.07.1987; Егорова И.М.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 6.2.

[ЗМИ-2] – Зотова Мария Ивановна, (1911 – 1994), с. Потьма, Карсунский р-он; 09.07.1987; Туганова В.И.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЗФЗ] – Заплаткин Фёдор Захарович, (1908 – 1996), с. Потьма, Карсунский р-он; 10.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[КАА] – Кокорина Анна Александровна, 1905 г.р., с. Жедяевка, Старомайнский р-он; 08.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[КАИ] – Карасёва Анна Ивановна, (1912 – 2005), с. Кокрять, Старомайнский р-он; 09.07.1988; Калимуллина Р.Р., Лукьянова Н.А., Прохорова В.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[КВА] – Кондратьева Вера Андреевна, 1914 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 06.07.1989; Меренкова С.В., Якимова Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[КЕИ] – Козлова Елизавета Ивановна, (1924 – 1991), с. Потьма, Карсунский р-он; 10.07.1987; Туганова В.И.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[КЕН] – Казаньева Евдокия Николаевна, 1926 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; м.р. Малая Кандарать, Карсунский р-он; 07.07.1987; Якимова Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[КЕП] – Колчина Евдокия Петровна, 1907 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 11.07.1989; Чередникова М.П., Шустова Ю.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[КЗД] – Курбатова Зоя Дмитриевна, (1918 – 2003), с. Потьма, Карсунский р-он; 09.07.1987; Туганова В.И.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[КЗФ] – Козлова Зинаида Фалеевна, (1916 – 1997), с. Потьма, Карсунский р-он; 19.07.1987; Егорова И.М.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[КИМ] – Казанцев Иван Максимович, 1924 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 06.07.1987; Божедомова Д.Л., Исаева Н.Г., Якимова Е.В.; Ф. 5, оп. 2.6.

[КИП] – Кабошин Иван Петрович, (1909 – 1994), с. Репьевка, Новоспасский р-он; 06.07.1985; Воробей О.М., Комарова Г.В.; ФА УлГПУ, Ф. 10, оп. 2.6.

[КИП-2] – Комаров Иван Петрович, 1922 г.р., с. Тушна, Сенгилеевский р-он; 07.07.1984; Лаврентьева Е.А., Королёва М.В.; ФА УлГПУ, Ф. 14, оп. 2.6.

[КИФ] – Кобельков Иван Федорович, (1914 – 1994), с. Потьма, Карсунский р-он; 09.07.1987; Шна Л.Р., Вансовская Я.Е.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ККМ] – Кондратьева Клавдия Матвеевна, (1916 – 2003), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 13.07.1989; Чередникова М.П., Быкова Л.А.; ФА УлГПУ, Ф. 23, Ф. 5, оп. 2.6.

[КМВ] – Кудрявцев М.В., 1912 г.р., с. Трубетчино, Кузоватовский р-он; 16.07.1987; Матлин М.Г.; Ф. 23, оп. 2, №170, л. 170.

[КПА] – Кензин Пётр Александрович, 1925 г.р., с. Панышино, Радищевский р-он; Усачёва Н., Щёголева Е.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6, л. 91, № 179.

[КПК] – Казаров Пётр Константинович, (1917 – 1996), с. Матвеевка, Старомайнский р-он; 15.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[КСП-1] – Карасёв Сергей Павлович, 1910 г.р., с. Матвеевка, Старомайнский р-он; 12.07.1988; Калимуллина Р.Р., Лукьянова Н.А., Прохорова В.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[КСП-2] – Королёва Софья Петровна, (1923 – 2009), с. Нижняя Маза, Радищевский р-он; 11.07.1986; Усачёва Н., Шна Л.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6, л. 51, № 88.

[КФЕ] – Кобельков Фёдор Ефимович, 1904 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 11.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6, л. 54, № 60.

[ЛАС] – Лашин Александр Сергеевич, (1913 – 1988), с. Аристовка, Старомайнский р-он; 10.07.1988; Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ЛЕИ] – Ланкина Евдокия Ивановна, 1924 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 14.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2, №112, л. 101.

[ЛОГ] – Лукьянова Ольга Григорьевна, 1916 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 11.07.1989; Чередникова М.П., Шустова Ю.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[МАО] – Маёришин Александр Алексеевич, 1907 г.р., с. Шиловка, Сенгилеевский р-он; 12.07.1984; Королёва М.В.; ФА УлГПУ, Ф. 14, оп. 2.6.

[МАИ] – Муратова Анна Ивановна, 1908 г.р., с. Ореховка, Радищевский р-он; 15.07.1986; Мутина И., Хрипунова Е.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[МЕС] – Мансурова Елена Сергеевна, 1925 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 09.07.1987; Чередникова М.П., Быкова Л.А., Шустова Ю.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ММВ] – Митченкова Мария Владимировна, 1922 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; м.р. дер. Михалёво Демидовский р-он Смоленской обл., в с. Потьма прож. с 1954 г.; 07.07.1989; Чередникова М.П., Быкова Л.А., Шустова Ю.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ММН] – Митин Михаил Николаевич, (1939 – 2008), м.р. Малое Станичное, зап. с. Потьма, Карсунский р-он; 14.07.1987; Пиранова В.И., Купчик О.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[МНМ] – Матвеев Николай Максимович, 1904 г.р., с. Матрунино, Новоспасский р-он; 10.07.1985; Попова Л., Казакова Л.; ФА УлГПУ, Ф. 10, оп. 2, №70, л. 45.

[МПФ] – Макаров Пётр Фёдорович, 1905 г.р., с. Большое Станичное, Карсунский р-он; 10.07.1989; Албутова Л.Н., Абрашина Н.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[НМИ] – Новикова Мария Ивановна, (1923 – 1997), с. Соловчиха, Радищевский р-он; 10.07.1986; Лукьянова Н.А., Щёголева Е.В., Шна Л.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ННА] – Николаев Николай Александрович, (1918 – 2003), с. Аристовка, Старомайнский р-он; 16.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[НЯА] – Назаров Я.А., 1907 г.р., с. Чекалино, Кузоватовский р-он; 09.07.1987; Матлин М.Г., Назаров Я.А.; Ф. 23, оп. 2, № 63, л. 66.

[ОНН] – Орлова Нина Николаевна, (1914 – 2001), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 14.07.1989; Якимова Е.В., Божедомова О.Л.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ПАВ] – Прорешкина Анна Васильевна, 1921 г.р., с. Ореховка, Радищевский р-он; 11.07.1986; Жаббарова А., Антонова Е.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ПАЕ] – Просина Антонина Егоровна, (1925 – 2002), с. Потьма, Карсунский р-он; 14.07.1987; Якимова Е.В., Агафонова Г.Ю.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ПВН] – Просин Владимир Николаевич, (1924 – 1986), с. Потьма, Карсунский р-он; 14.07.1987; Якимова Е.В., Агафонова Г.Ю.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ПВП] – Пьянзина Вера Петровна, 1924 г.р., с. Волчанка, Радищевский р-он; 09.07.1986; Антонова Е., Жаббарова А.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ПГИ] – Пашин Григорий Иванович, (1910 – 1986), с. Репьёвка, Новоспасский р-он; 06.07.1985; Воробей О.М., Комарова Г.В.; ФА УлГПУ, Ф. 10, оп. 2.6.

[ПКС] – Пронина Катерина Сергеевна, (1915 – 1992), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 13.07.1989; Покщяева И.А., Цыганова С.С.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ПЛВ] – Постылова Лидия Васильевна, 1932 г.р., с. Усть-Урень, Карсунский р-он; 14.07.1995; Степанова Т.П.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ПМИ] – Пегов Михаил Иванович, 1919 г.р., с. Ореховка, Радищевский р-он; 12.07.1986; Антонова Е., Жаббарова А.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ПНВ] – Первушкин Николай Васильевич, 1915 г.р., с. Адоевщина, Радищевский р-он; 12.07.1986, Щёголева Е.В., Шна Л.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ПНФ] – Постнова Надежда Фёдоровна, (1912 – 1998), с. Потьма, Карсунский р-он; 10.07.1987; Якимова Е.В., Агафонова Г.Ю.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[РАВ] – Рузанова Анастасия Васильевна, (1927 – 2006), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 10.07.1989; Чередникова М.П., Божедомова О.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[РЕС] – Ражкина Екатерина Семеновна, 1925 г.р., с. Краснополка, Карсунский р-он; Кожевникова Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2; время записи не известно.

[РИГ] – Рогожин Иван Григорьевич, (1919 – 2004), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 13.07.1989; Юдина Н.В., Божедомова О.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[РЛА] – Романова Лидия Алексеевна, 1916 г.р., м.р. Зарайск; в с. Ореховка, Радищевский р-он, прож. с 1950 г.; 12.07.1986; Мутина И., Хрипунова Е.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[РПФ] – Рыжкина Полина Фёдоровна, 1927 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 16.07.1987; Туганова В.И.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[САА] – Сабурова Анна Алексеевна, (1914 – 1997), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 10.07.1989; Чередникова М.П., Юдина Н.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[САИ] – Стручкина Анна Ивановна, (1916 – 1996), с. Тушна, Сengилеевский р-он; 06.07.1984; Королёва М.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[САЯ] – Сироткин Александр Яковлевич, (1917 – 1997), с. Кокрять, Старомайнский р-он; 09.07.1988; Калимуллина Р.А., Лукьянова Н.А., Прохорова В.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[СВА] – Соловьёв Владимир Алексеевич, 1914 г.р., с. Коптевка, Новоспасский р-он; 12.07.1985; Воробей О., Комарова Г. В.; ФА УлГПУ, Ф. 10, оп. 2.6.

[СВЕ] – Софьин Василий Егорович, (1922 – 1995), с. Матвеевка, Старомайнский р-он; 13.07.1988; Воробьёва Н.А., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[СЗН] – Степанова Зинаида Николаевна, (1925 – 2002), с. Потьма, Карсунский р-он; 12.07.1987; Вансовская Я.Е., Спиридонова Ю.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6; Ф. 5, оп. 2.6.

[СИА] – Семанов Иван Александрович, 1925 г.р., с. Жедяевка, Старомайнский р-он; 08.07.1988; Калимуллина Р.А., Лукьянова Н.А., Прохорова В.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[СМС] – Сорокина Мария Семеновна, 1917 г.р., с. Репьёвка, Новоспасский р-он; 10.07.1985; Попова Л., Казакова Л.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6; Ф. 5, оп. 2.6.

[СМС-2] – Суслин Михаил Сергеевич, (1911 – 2001), с. Потьма, Карсунский р-он; 08.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6; Ф. 5, оп. 2.6.

[СПП] – Слободенюк Павел Петрович, (1928 – 2007), с. Потьма, Карсунский р-он; 19.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[СФЕ] – Соколов Фёдор Егорович, (1919 – 1994), с. Паньшино, Радищевский р-он; 11.07.1986; Усачёва Н., Шна Л.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[СФК] – Синицын Ф.К., 1915 г.р., с. Заборовка, Мелекесский р-он; 18.07.1987; Сиротеева И.Г.; Ф. 23, оп. 2, № 192, л. 189.

[СФН] – Степанов Федор Николаевич, 1926 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 14.07.1987; Павлина В.Ю. Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ТИФ] – Трифонов Иван Филиппович, (1914 – 1995), с. Потьма, Карсунский р-он; 12.07.1987; Егорова И.М., Купчик О.В.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ТИЯ] – Теплов Иван Яковлевич, 1924 г.р., с. Нижняя Маза, Радищевский р-он; 11.07.1986; Усачёва Н., Шна Л.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6, л. 49, № 84–85.

[ТПМ] – Тарасов Петр Михайлович, (1922 – 2009), с. Красноборск, Теренгульский р-он; 11.07.1995; Тимофеев С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 18, оп. 2.13; л. 13–17.

[ТТД] – Темникова Таисия Дмитриевна, 1910 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 15.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2, № 123, л. 101.

[ФАИ] – Фомичёв Александр Иванович, (1923 – 2002), с. Аристовка, Старомайнский р-он; 16.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ФВД] – Фунтов Владимир Дмитриевич, 1924 г.р., с. Комаровка, Новоспасский р-он; 09.07.1985; Казакова Л.; ФА УлГПУ, Ф. 10, оп. 2.6.

[ФПТ] – Федорин Пётр Тимофеевич, 1920 г.р., с. Калиновка, Радищевский р-он; 21.07.1986; Лукьянова Н.А., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 13, оп. 2.6.

[ФРЗ] – Фахрутдинова Роза Зариповна, 1916 г.р., с. Заборовка, Мелекесский р-он; 18.07.1987; Савосина Е.Н.; ФА УлГПУ, Ф. 23, оп. 2.6.

[ФФИ] – Фролов Фёдор Игнатьевич, (1910–1988), с. Репьёвка, Новоспасский р-он; Лаврентьева А.П., Рассадин А.П.; ФА УлГПУ, Ф. 10, оп. 2.6.

[ХВП] – Харитонов Василий Петрович, (1916–1996), с. Большая Кандарать, Карсунский р-он; 11.07.1989; Калимуллина Р.Р., Божедомова О.Л.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6; 1989.

[ЧАИ] – Чернеева Анна Ивановна, 1915 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 12.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ШМГ] – Шопина Мария Григорьевна, 1917 г.р., с. Кокрять, Старомайнский р-он; 09.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ШМФ] – Шопин Фёдор Матвеевич, 1920 г.р., с. Кокрять, Старомайнский р-он; 09.07.1988; Воробьёва Н.А., Комлева Г.В., Щёголева Е.В.; ФА УлГПУ, Ф. 16, оп. 2.6.

[ШПТ] – Шабернева Прасковья Тихоновна, 1927 г.р., с. Потьма, Карсунский р-он; 14.07.1987; Павлина В.Ю., Разинова С.А.; ФА УлГПУ, Ф. 5, оп. 2.6.

[ЯЮА] – Яковлева Юлия Алексеевна, 1918 г.р., с. Заборовка, Мелекесский р-он; 18.07.1987; Савосина Е.Н.; ФА УлГПУ, Ф. 23, оп. 2.6.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Айзенштадт – город земельного подчинения в Австрии.

Алатырь – районный центр в Чувашской Автономной Советской Социалистической Республике (ЧАССР), ныне Чувашской Республике.

Апостоловка (станция) – город районного подчинения, Днепропетровской области на Украине.

Ардатов – город в России, административный центр Ардатовского района Мордовской АССР, ныне Республике Мордовии.

Арзамас – город в Нижегородской области.

Астрадамовка – село в России, расположено в северо-западной части Ульяновской области на левом берегу реки Якла, в 120 км от города Ульяновска.

Балашов – город в Саратовской области.

Безымянка – район г. Куйбышев (в настоящее время г. Самара).

Белая Церковь – город областного подчинения в Киевской области Украины.

Белгород – город на юго-западе европейской территории России, в 40 км от границы с Украиной.

Белечёвка – деревня в Тульской области.

Белозерье – село Карсунского района Ульяновской области.

Биробиджан – город на Дальнем Востоке России, административный центр Еврейской автономной области.

Благовещенск – город на Дальнем Востоке России.

Бобруйск – город в Могилевской области Республики Беларусь.

Бологое – город в Тверской области.

Большой Хинган – горный хребет в Монголии и Китае.

Борманово – посёлок в Днепропетровской области.

Брянск – город в Российской Федерации, граничащий с Республикой Беларусь.

Вальдиватское – муниципальное образование в составе Карсунского района Ульяновской области.

Великие Луки – город в Псковской области.

Великое Дворье – станция в Талдомском районе Московской области.

Вешкайма – посёлок городского типа, административный центр Вешкаймского района Ульяновской области России.

Винновка – посёлок в Железнодорожном районе г. Ульяновска, находящийся вблизи парка Винновская роща.

Витебск – город на северо-востоке Республики Беларусь, расположенный на реке Западная Двина, протекающей по территории России, Республики Беларусь и Латвии.

Воронеж – город на юге средней полосы европейской части России, на левом берегу реки Дон.

Второе Фомино – село в Калужской области.

Гамбург – второй по величине портовый город в Германии.

Гир – город в Германии.

Глотовка – посёлок городского типа в Инзенском районе Ульяновской области.

Горький (ныне Нижний Новгород) – административный центр Приволжского федерального округа, расположен на месте слияния Оки и Волги.

Грозный – город на Северном Кавказе, столица Чечено-Ингушской АССР, ныне Чеченская Республика.

Грязнуха – река в Свердловской области.

Дарница – историческая местность на левом берегу Днепра в Киеве, Украина.

Двинск – город республиканского подчинения в Латвии, второй по величине и значению город страны.

Днепр – река в Восточной Европе, протекающая в основном по территории Украины.

Днепропетровск – город на Украине.

Днестр – река в Западной Европе, протекает по территории Украины и Молдовы.

Дрезден – город в Германии, административный центр Саксонии-Захсен.

Жердево – село в Тульской области.

Завраг – распространённое во многих сёлах название улицы: За оврагом.

Запорожье – город на реке Днепр, административный центр Запорожской области Украины.

Злобино – деревня в Кашинском районе Тверской области.

Ивановка – село на пограничье Карсунского района Ульяновской области.

Иваново-Вознесенск – город, расположенный к северо-востоку от Москвы.

Инза – город в Ульяновской области.

Калинин – современное название города – Тверь.

Казань – город в Российской Федерации, столица Республики Татарстан.

Кама – река в Европейской части России, крупный приток Волги.

Кёнигсберг – название, которое носил город Калининград до 1946 года. В период с 1773 по 1945 гг. город являлся центром провинции Восточная Пруссия.

Копышовка – село в Майнском районе Ульяновской области.

Кингисепп – город в Ленинградской области.

Кировск – город в Мурманской области.

Колпино – город в составе Санкт-Петербурга.
Конотопль (Конотоп) – город в Сумской области Украины.
Корсунь-Шевченковский – административный центр Черкасской области на Украине, расположен на одном из притоков Днестра (р.Рось).
Косоржа – село в Курской области.
Красное Село – город в составе Санкт-Петербурга.
Криуши – село в городском округе Новоульяновск Ульяновской области.
Кротовка – село в составе Засвияжского района г. Ульяновска.
Крупянск – город в Харьковской области Украины.
Крюково – железнодорожная станция на главной магистрали Московской железной дороги.
Куйбышев – ныне город Самара.
Кюстрин (Костшин над Одрой) – город в Польше, на польском берегу р. Одра (Одер).
Лебяжье – село в Мелекесском районе Ульяновской области.
Ливны – город в Орловской области.
Ложково – село в Костромской области.
Малая Костровка (Малая Костромка) – село в Днепропетровской области Украины.
Малое Станичное – село в Карсунском районе Ульяновской области.
Матвеевка – село в Старомайском районе Ульяновской области.
Медынь – город в Калужской области.
Мелекесс (ныне Димитровград) – город в левобережье Ульяновской области.
Миллерово – город в Ростовской области.
Минск – столица Белоруссии.
Мурзиха – гора в селе Потьма.
Муром – город в составе Владимирской области.
Новомиколаевка (Новониколаевка) – посёлок городского типа в Запорожской области, Украина.
Одер – река, образует часть границы между Польшей и Германией.
Одесса – черноморский город на юге Украины.
Оренбург – город на юге Урала в России.
Орск – город в Оренбургской области.
Орша – город в Витебской области Республики Беларусь.
Осташков – город в Тверской области.
Познань – город в центральной части Западной Польши.
Полоцк – город в Витебской области Республики Беларусь.
Посёлки (Большие Посёлки) – село в Карсунском районе Ульяновской области.
Прага – столица Чехии (в прошлом – Чехословакии).

Пугачёв – город в Саратовской области.
Ржев – город в Тверской области, место тяжелейших боёв.
Рогачёв – город в Гомельской области Республики Беларусь.
Рузаевка – крупный железнодорожный узел Куйбышевской железной дороги на территории Мордовии, одноимённый город.
Саранск – столица Мордовии.
Селигер – система озёр в Тверской и Новгородской областях.
Семилуки – административный центр Воронежской области.
Серпухов – город в Московской области.
Синявинские болота – возвышенность в Южном Приладожье в Ленинградской области, на которой велись ожесточенные бои.
Солнечногорск – город на северо-западе от Москвы.
Спасское – село в Бугульминском районе Татарстана.
Станция Оловянная – посёлок в Читинской области.
Старая Рига – старейший район города Рига, известный своими соборами.
Старая Руса – город в Новгородской области.
Старое Лебяжье – село в Саратовской области.
Старый Оскол – город в Белгородской области.
Сызрань – город в Самарской области, граничит с Ульяновской областью.
Таволжанка – село в Карсунском районе Ульяновской области.
Талызино – село в Карсунском районе Ульяновской области.
Тарту – второй по численности город Эстонии.
Тетюши – посёлок рядом с Ульяновской областью на территории Татарстана.
Тирасполь – город в Молдове, расположенный на реке Днестр.
Торополь – железнодорожная станция в Польше.
Тула – российский областной центр.
Усть-Урень – село в Карсунском районе Ульяновской области.
Ферапонтово (Фролово) – город в Волгоградской области.
Франкфурт-на-Одере – город на Востоке Германии.
Харбин – город в северо-восточном Китае.
Хиров – город в Львовской области.
Холм (Красный Холм) – город в Тверской области.
Чапаевск – город в Самарской области.
Чистополь – город в Татарстане.
Шарпово (Шарыпово) – город областного подчинения в Красноярском крае.
Шлиссельбург – город-крепость к востоку от Санкт-Петербурга.
Эльба – река, берущая начало в Чехии и протекающая по территории Германии.

ДИАЛЕКТИЗМЫ, ПРОСТОРЕЧНЫЕ И УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

(Толкования взяты из словаря:

Даль Владимир Иванович, Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1978–1980.)

Бадики – палки.

Балакирь – кувшин, горшок для молока.

Барашки – серёжки на орешнике или берёзе.

Бересклет – кустарник из семейства крушиновых, другое название «куриная слепота».

Ботало – железная побрякушка, которая привешивается к шее коровы, чтобы по звуку определить, где она находится.

Бузануть – ударить.

Булызина – болван, неуч.

Выкамаривать – выделять.

Выхлостнуть – высечь, выжать.

Вязь – нитки для вязания.

Гамузом – вместе, сообща, коллективно.

Горнушка – печурка.

Горошинный – гороховый.

Добавец – добавка (еды).

Долевые – протяжные песни.

Душища – запах.

Дюжиться – держаться, терпеть.

Жалеечка – тонкая веточка.

Жнейка – жатвенная машина.

Жница – жатва.

Запон – фартук.

Затируха – лапша, которую не крошат, а катают колобками, шевырюжками.

Зёвать – кричать, плакать в голос.

Золушки – растение «перекати-поле».

Зоровать – озорничать, издеваться.

Калачик – цветок, растение.

Калужина – лужа.

Кашонка – жидкая каша.

Кельи – место проведения молодёжных посиделок.

Кислинка – дикий щавель.

Козлецо, козлец – несъедобный сорняк.

Коленкор – гладкокрашенная хлопчатая ткань.

Коптюшка – керосиновая лампа без стекла.

Косырь – коса.

Купина – куст, группка деревьев или кустов.

Летошняя – прошлогодняя.

Лобогрейка – жатвенная машина с ручным сбрасыванием сжатого хлеба.

Лютой – неустойчивый.

Манарки – ветхая, порванная обувь.

Мырять – нырять.

Мякина – плевелы, избитый цепом хлебный колос, от которого отвоевано зерно.

Наворныхать – намешать.

Насупроть – напротив.

Натачать – наносить, насыпать.

Нетрог – пускай.

Обледеница – гололёд.

Облужить – обмочиться.

Омёт – большая куча плотно уложенной соломы.

Отечона – отёкший от голода человек.

Охальничать – бесчинствовать, озоровать.

Переваракать – перемешать.

Перепракинуть – опрокинуть.

Пильки – маленькие овальные кусочки.

Пистунник – стержень с закручивающейся крышкой.

Повесть – чердак.

Подалки – большие вилы, которыми сено подаётся снизу наверх снопа.

Подловка – чердак.

Позоровывать – хулиганить, вести себя неподобающим образом.

Полесный – лесной сторож.

Полушалка – небольшой платок.

Помолотки – то, что осталось от молотбы.

Помулызгать – пожевать.

Посередке – по середине.

Приторчан – приторочен, привязан.

Процведать – попробовать.

Разнагишаться – раздеться до нага.

Растопарились – растопырились.

Сеччи – рубить.

Скалить – плакать.

Скальницы – осколки, обломки.
Смешаться – перепутать.
Столбунец – крупные стебли травы, щавель.
Ступни – лапти без задников.
Таперь – теперь.
Творило – лаз в погреб.
Ток – расчищенное место для молотбы зерна.
Топтина – дубина.
Усад – огород.
Цопать – хватать.
Чебыри – пастухи.
Шамовка – еда.
Шелудить – гонять.
Шмётки – ошмётки.
Шурганы – вьюги.

ВОЕННЫЕ, ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, СОКРАЩЕНИЯ

«Илы» – самолеты, разработанные конструкторским бюро С.В.Ильюшина.
БАО – батальон аэродромного обслуживания.
ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.
Гранаты Ф-1 – «лимонка», ручная противопехотная оборонительная граната. Предназначена для поражения живой силы в оборонительном бою. Из-за значительного радиуса разлёта осколков метать её можно только из-за укрытия, из бронетранспортёра или из танка.
ДШК – крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва-Шпагина.
Коленвал – деталь двигателя (или узел деталей в случае составного вала). Составная часть кривошипно-шатунного механизма.
Манштейн, Эрих фон – немецкий фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. Имел репутацию наиболее одарённого стратега в Вермахте и был неформальным лидером немецкого генералитета.
МТС – Машинно – тракторная станция.
Немецкая рама – «Фокке-Вульф» FW 189 («Рама», или «Uhu» — нем. «филин») — двухмоторный двухбалочный трёхместный тактический разведывательный самолёт. Первый полёт совершил в 1938 году (FW 189V1), начал использоваться в 1940 году, и производился до середины 1944 года. Основное применение получил в военных действиях против СССР.
Облигации – государственные ценные бумаги, которые выдавали колхозникам вместо денег при выплате заработной платы.
Облоно – Областной отдел народного образования.
Райпотребсоюз – Районный союз потребительских обществ.
Скрипера («скрепера») – землеройно-транспортные машины (скрейпер, скрепер).
Трактор «Универсал» – сельскохозяйственный трактор, выпускавшийся на Ленинградском заводе «Красный Путиловец» с 1934 по 1940 гг. Отличался тем, что в нём отсутствовала кабина водителя.
Трактор ДТ-54 – гусеничный сельскохозяйственный трактор общего назначения, оборудован кабиной для водителя.
Трактор МТЗ-2 – марка колёсного универсально-пропашного трактора общего назначения, трактор не оснащался кабиной.

СОБИРАТЕЛИ

Абрашина Н.В.
Агафонова Г.Ю.
Агафонова Г.В.
Албутова Л.Н.
Антонова Е.
Божедомова О.Л.
Быкова Л.А.
Вансовская Я.Е.
Воробей О.М.
Воробьева Н.А.
Егорова И. М.
Елесин И.В.
Жаббарова А.
Исаева Н.Г.
Казакова Л.
Калимуллина Р.А.
Калимуллина Р.Р.
Кожевникова Е.В.
Комлева Г.В.
Комарова Г.В.
Купчик О. В.
Королёва М.В.
Лаврентьева А.П.
Лаврентьева Е.А.
Лукьянова Н.А.
Матлин М.Г.

Меренкова С.В.
Мутина И.
Мыльникова
Осокина И.
Павлина В.Ю.
Пиранова В.И.
Покшчаева И.А.
Попова Л.
Прохорова В.В.
Разинова С.А.
Рассадин А.П.
Савосина Е.Н.
Степанова Т.П.
Спиридонова Ю.
Туганова В.И.
Тимофеев С.А.
Ушакова Т.Н.
Усачёва Н.
Хрипунова Е.
Цыганова С.С.
Чередникова М.П.
Шна Л.Р.
Шустова Ю.В.
Щёголева Е.В.
Юдина Н.В.
Якимова Е.В.

Научное издание

Моя война

Устные рассказы о Великой Отечественной войне,
записанные в сёлах Ульяновской области
в конце XX- начале XXI веков

Фотографии предоставлены В.Н. Егоровым

Подписано в печать 11.05.2015.

Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура *Times*.
Уч.-изд. л. 11,19. Усл.-печ. л. 13,64. Заказ 1840. Тираж 300.

Отпечатано в типографии ИП Пермяков С.А.
426008, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.